

Шри Ауробиндо

САВИТРИ

ЛЕГЕНДА И СИМВОЛ

ПЕСНЬ I

Рождение Пламени

КНИГА РОЖДЕНИЯ И ПОИСКА

— Песни Савитри —

*Посвящается
искренним искателям
Света и Любви*

Savitri

Серия «Песни Савитри» призвана впервые познакомить русскоязычных читателей с избранными Песнями выдающейся эпической поэмы «Савитри» — главного произведения видного общественно-го деятеля Индии, великого духовного первопроходца, мыслителя, поэта-пророка Шри Ауробиндо. Над этим произведением он работал в течение нескольких десятилетий, продолжая совершенствовать его до последних дней жизни. Поэма основана на древней легенде, излагаемой в индийском эпосе Махабхарата, о преданной жене царевне Савитри, которая силой своей любви и праведности побеждает смерть и возвращает к жизни своего мужа царевича Сатьявана. Шри Ауробиндо раскрывает символическую суть персонажей и сюжета древней легенды и использует ее для выражения собственных духовных постижений и свершений. При создании своего эпоса он ставил задачу выразить в слове высшие уровни сознания, доступные человеку, чтобы помочь всем духовным искателям соприкоснуться с этими уровнями и возвыситься до них. Результатом стала грандиозная эпическая поэма объемом около 24 000 строк, являющаяся наиболее полным и совершенным выражением уникального синтетического мировоззрения и духовного опыта Шри Ауробиндо, а также самым большим поэтическим произведением на английском языке.

«Савитри» представляет собой глубокий органичный синтез восточного и западного миропонимания и культуры, материализма и духовности, мудрости незапамятных веков и научных открытий настоящего, возвышенного классицизма и смелого модернизма, философии и поэзии, мистики и реализма, откровений прошлого и прозрений будущего. Здесь мы встречаем и поражающие воображение описания всей иерархии проявленных миров, от низших inferнальных царств до трансцендентных божественных сфер, и пронзительные по своей глубине и живой достоверности откровения немислимых духовных реализаций, и грандиозные прозрения о сотворении мира, о вселенской эволюции, о судьбе человечества. Это откровение великой Надежды, в котором Любовь торжествует над Смертью, а человек, раскрывая истину своего бытия, побеждает враждебных богов и неотвратимый рок.

Мы приглашаем вас совершить это удивительное путешествие сознания с «Савитри» и надеемся, что всем читателям будет интересно познакомиться с этой поэмой, безусловно, принадлежащей к числу наиболее выдающихся произведений человечества.

ШРИ АУРОБИНДО

САВИТРИ

ЛЕГЕНДА И СИМВОЛ

КНИГА IV

КНИГА РОЖДЕНИЯ И ПОИСКА

ПЕСНЬ 1

Рождение и детство Пламени

*Поэтическое и прозаическое переложение
Д. В. Мельгунова*

Фонд интегрального развития человека

САВИТРИ

2005

ШРИ АУРОБИНДО

САВИТРИ

Легенда и Символ

КНИГА IV. Книга Рождения и Поиска

Песнь 1. Рождение Пламени.

Поэтическое и прозаическое переложение,
предисловие, комментарий:

Д. В. Мельгунов

Фонд интегрального развития человека

«САВИТРИ»

Для коллажа на обложке использована фотография Матери (Мирра Альфасса) в пятилетнем возрасте (1883 г.), а также фотография праздничного костра на день рождения Ауровиля (фото Д. Чумакова, 2005 г.). На задней стороне обложки — фотография Шри Ауробиндо (1918 г.).

ISBN 5-98865-008-2

© Фонд интегрального развития человека «САВИТРИ», 2005

ПРЕДИСЛОВИЕ К СЕРИИ

«Савитри» — это символический эпос о цели супраментальной йоги.

Шри Ауробиндо

Письма о поэзии и искусстве, с. 261

Введение

Серия «Песни Савитри» призвана впервые познакомить русскоязычных читателей с избранными Песнями выдающейся эпической поэмы «Савитри» — главного произведения Шри Ауробиндо, видного общественного деятеля Индии, великого духовного первопроходца, мыслителя, поэта-провидца. Над этим эпосом он работал в течение нескольких десятилетий, продолжая совершенствовать его до последних дней жизни. Поэма основана на древней легенде, изложенной в индийском эпосе Махабхарата, о преданной жене царевне Савитри, которая силой своей любви и праведности побеждает смерть и возвращает к жизни своего мужа царевича Сатьявана. Шри Ауробиндо показывает, что в действительности сюжет древнего сказания является искусно завуалированным символом, скрывающим глубокое оккультное знание ведийского и даже доведийского цикла о сотворении мира и его спасении божественной Милостью. В своей поэме он раскрывает символическую суть персонажей и сюжета древней легенды и использует ее для выражения собственных духовных постижений и свершений.

Издавна в Индии было известно понятие *мантры* — слова-откровения, Боговдохновенной речи, выражающей высшие прозрения, запредельные состояния, глубинные истины. Величайшим уважением в эпоху древности пользовались *риши* или *кави* — поэты-провидцы, которые своим вдохновенным словом доносили до человечества сокровенные реальности и истины бытия. Ими были созданы главные священные Писания Индии: Веды, Упанишады, Бхагавадгита, которые веками и тысячелетиями служили животворными источниками, созидавшими и питавшими культуру и жизнь великой нации. Вот как определяет мантру Шри Ауробиндо:

Под мантрой ведические риши, поэты-провидцы, понимали вдохновенное видение-откровение или мысль-прозрение, основывающееся на реализации ... некоей сокровенной истины Бога, личности, человека, Природы, космоса, жизни, творения, мысли, опыта и действия. Их мантры выражали полет мысли, воспарившей на крыльях великого ритма души.

Поэзия будущего, с. 217

Вряд ли можно лучше выразить суть мантры, чем это сделал Шри Ауробиндо в великолепной мантрической строке «Савитри»:

Sight's sound-waves breaking from the soul's great deeps...

*Созвучья-волны виденья, что льются
Из сокровенных родников души...*

Савитри, с. 383

Именно такую задачу поставил перед собой и Шри Ауробиндо — создать мантрическое откровение своей Интегральной Йоги, выразить в слове высшие уровни сознания, доступные человеку, чтобы помочь всем духовным искателям соприкоснуться с этими уровнями и возвыситься до них. При этом, достигнув в своем духовном продвижении нового уровня сознания, он каждый раз перерабатывал поэму, чтобы выразить в ее строках вибрации более высокого плана бытия, и, таким образом, превратил «Савитри» в дневник своей Йоги. При создании поэмы он стремился к совершенству каждой строки и произведения в целом:

Я использовал «Савитри» как средство восхождения. Я начал ее, находясь на определенном ментальном уровне, и каждый раз, достигнув более высокого уровня, переписывал ее в соответствии с этим уровнем. Более того, я был требователен: если мне казалось, что та или иная часть приходит с недостаточно высоких уровней, я не соглашался оставить ее только лишь потому, что это была хорошая поэзия. Все должно было быть, по возможности, одной пробы. Фактически, я рассматривал «Савитри» не как поэму, которую необходимо напи-

сать и закончить, но как поле эксперимента, призванного показать, насколько возможно создавать поэзию, используя собственное йогическое сознание, и до какой степени оно может проявлять себя в творчестве.

Письма о поэзии и искусстве, с. 272

Результатом стала грандиозная эпическая поэма объемом около 24000 строк, являющаяся наиболее полным и совершенным среди всех произведений Шри Ауробиндо выражением его духовного опыта. «Савитри» с ее 12-ю Книгами (49 Песней) является также самым большим поэтическим произведением на английском языке.

Шри Ауробиндо: великий синтез

Сама личность Шри Ауробиндо, а также его мировоззрение, жизнь и деятельность представляют собой глубокий и многосторонний синтез. Прежде всего, это синтез высших достижений и идеалов Востока и Запада. До двадцатилетнего возраста Шри Ауробиндо воспитывался и обучался в Англии, где получил образование в Кембридже, специализируясь на классической филологии. Таким образом, английский стал его родным языком и именно на нем он написал практически все свои произведения (хотя он также прекрасно владел французским и рядом других европейских языков, а кроме того — древнегреческим и латынью). Усвоив самые благородные основы классической европейской культуры в главном образовательном центре Европы с его многовековой рафинированной традицией подлинного классицизма, он по возвращении в Индию систематически и целенаправленно осваивает родную национальную культуру, для чего изучает и несколько индийских языков, включая санскрит, язык священных писаний Индии. В результате, овладев в полном объеме и высшими достижениями индийской классической культуры, он воплотил в себе синтез высочайшего классицизма западной и восточной цивилизации.

Но Шри Ауробиндо не был просто просвещенным культурологом и человеком книжного знания, как не был он и идеалистичным

спиритуалистом, витающим в своих небесах и с бессильным презрением отвергающим жизнь. Опираясь на глубокие познания и черпая силы в великой любви к своей родине, он вскоре стал лидером национально-освободительного движения Индии, готовившим вооруженное восстание против иноземных завоевателей! При этом, изучая многовековую культуру своей страны, он увидел, что в мистической йоге, издревле развивавшейся в Индии, действительно заключена великая сила, и решил использовать эту духовную силу для освобождения родины. Таким образом, он на деле осуществил синтез йоги и жизни. Даже тюрьма, куда он был брошен англичанами по ложному обвинению, стала для него «обителью йоги», где он получил фундаментальные духовные реализации! «Вся жизнь — Йога» — такой подход являлся для Шри Ауробиндо ключом к духовному продвижению. Он писал:

Секрет успеха в йоге заключается в том, чтобы рассматривать ее не как одну из целей своей жизни, но как саму жизнь. ... Ибо истину Духа нужно не просто осмыслить, но воплотить в жизнь.

Синтез Йоги, с. 71

Постепенно он пришел к такому уровню духовных достижений, когда для него более эффективно стало оказывать воздействие на ход событий при помощи духовной силы. Теперь его цель изменилась, он увидел свою задачу не просто в освобождении одной отдельной страны от иноземного гнета, но в освобождении всего человечества от неведения, лжи, страдания и смерти. С этого момента он удаляется от активной внешней деятельности и уезжает в Пондичерри — французский анклав в Южной Индии. Здесь в течение сорока лет вплоть до последних дней жизни он посвящает себя поистине революционной духовной работе по трансформации универсальной Природы, стремясь низвести на землю открытое им Сознание-Истину, или Супраментальное Сознание, которое обладает силой превратить все человеческое бытие, включая само тело и Материю, в субстанцию и выражение Духа. На основе собственных великих духовных реализаций он проник в утраченный сокровенный смысл древних священных Писаний Индии —

Вед, Упанишад, Бхагавадиты. Из них он выявил и возродил суть великой мистической культуры древности, утраченной в более поздние века. Это знание стало одним из краеугольных камней его мировоззрения и работы. Он обогатил видение древних провидцев пониманием фундаментального принципа эволюции во вселенной как саморазвертывания-восхождения Сознания, погрузившего себя во мрак полного Несознания, по ступеням лестницы промежуточных уровней бытия — Материи, Жизни, Разума — обратно к себе, к своим высшим высотам Сверхразума и Духа. Таким образом, его мировоззрение являет также синтез достижений прошлого с самыми передовыми идеями и открытиями современности, устремленный в поистине великое будущее:

Божественное нисходит из чистого существования через игру Сознания-Силы и Блаженства и творческое посредничество Сверхразума в космическое бытие; мы восходим из Материи через развивающуюся жизнь, душу и разум и озаряющее посредничество Сверхразума к божественному бытию. ... Благодаря озаряющему нисхождению высшего в природу низшего бытия и целенаправленному восхождению низшего в природу высшего разум может вновь познать свой божественный свет во всепостигающем Сверхразуме, душа — обрести свое божественное «я» во всеобъемлющей всеблаженной Ананде, жизнь — снова исполниться своей божественной силой в игре всемогущего Сознания-Силы, а Материя — открыться своей божественной свободе в качестве формы божественного Существования. И если у эволюции есть цель... то такое светоносное преобразование и проявление Божественного в тварном создании, человеке, должно быть ее высочайшей целью и глубочайшим смыслом.

Жизнь Божественная, с. 264—265

На основе обобщения наиболее глубоких и подлинных откровений древней духовной мудрости и культуры Востока и Запада, а также направлений и тенденций современного знания и мысли Шри Ауробиндо открыл для человечества путь восхождения к самым высоким вершинам, когда-либо манившим его взгляд (подробнее о мировоззрении Шри Ауробиндо см. в Комментариях).

При этом он создает целый ряд фундаментальных мировоззренческих трудов, освещающих основные аспекты человеческого бытия, а также описывающих его собственные духовные открытия и реализации. Кроме того, он сочиняет множество поэтических произведений — стихов, поэм, пьес, стремясь сделать их *мантрой реальности*. И здесь можно говорить об осуществленном им синтезе философии и поэзии. С одной стороны, его прозаическим произведениям, несмотря на то, что они исполнены серьезнейшей философской мысли и глубочайшей мудрости, присущ блистательный поэтический язык. Его *magnum opus* «Жизнь Божественная», метафизический трактат о фундаментальных проблемах бытия и их разрешении, являет собой поистине Боговдохновенную поэзию в прозе, это сама музыка великой духовной мысли, гимн просветленного видения и знания. С другой стороны, его поэтические произведения, и особенно «Савитри», отличаются необычайной глубиной мысли и широтой видения, чрезвычайно насыщенной и проникновенной мудростью и кажутся ритмической песнью самой Истины, истекающей из уст вечного Безмолвия.

Итогом этой грандиозной работы стало создание Шри Ауробиндо Интегральной и Супраментальной Йоги, или *Пурна Йоги*, которая не только включает в себе синтез всех основных направлений и школ Йоги, разработанных в Индии, но и, в совокупности со всеобъемлющим мировидением Шри Ауробиндо, представляет собой самый широкий и многогранный синтез Духа и Материи.

Противопоставление Духа и Материи, созданное нашим практическим восприятием и длительной привычкой ума, в действительности не имеет под собой фундаментальной реальности. Мир един во всех своих разнообразных проявлениях, и в основе его лежит единство-в-многообразии... Неотъемлемое единство, порождающее бесконечное многообразие, является его основанием и началом; постоянная гармонизация за видимым разделением и борьбой, примиряющая все возможные противоречия и различия для достижения безграничных целей в тайном Сознании и Воле, которое всегда остается единым и полновластно распоряжается всем своим сложным многомерным действием, похоже, является подлинным характером мира на сред-

нем этапе; поэтому мы должны прийти к выводу, что полное осуществление проявляющихся в мире Воли и Сознания и торжество высочайшей гармонии должны быть его завершением. Субстанция — это форма самого Сознания, над которой оно работает, и Материя является одним полюсом этой субстанции, а Дух — другим. Два эти полюса в действительности едины: Дух — это душа и реальность того, что в своем чувственном ощущении мы воспринимаем как Материю; Материя — это форма и тело того, что мы постигаем как Дух.

Жизнь Божественная, с. 240—241

Для меня сознание представляет саму суть существования, и я ощущаю его всюду, объемлющим и пронизающим даже камень не меньше, чем человека или животное.

Письма о поэзии и искусстве, с. 316

Эта материальная вселенная сама по себе есть лишь Существование, Бытие — в том виде, в каком оно предстает нам во время пребывания души на уровне материального движения и опыта, где Дух облакает себя в форму, в результате чего вся совокупность и организация вещей и явлений, в которой он движим жизнью и которую объемлет сознанием, подчинена принципу бесконечного разделения и соединения из обособленных частей — принципу Материи, или субстанции формы.

Упанишады, с. 208

Так же, как Разум есть лишь конечное проявление действия Сверхразума в его нисхождении на уровень творения, а Жизнь — проявление действия Сознания-Силы в условиях Неведения, созданных этим нисхождением Разума, так и Материя в том виде, как мы ее знаем, есть лишь конечная форма проявления сознательного Существа в результате его нисхождения. Материя есть субстанция единого Сознательного-Существа, феноменально в самом себе разделенного в результате деятельности универсального Разума. ...

Материя обладает своей собственной реальностью, скрытым от нее самим сознанием, вовлеченным в процесс формо-

образования и поглощенным им до самозабвения. И какой бы грубой и бесчувственной она ни казалась нам, для потаенного в ней сознания она является Блаженством бытия, которое должно быть воспринято скрытым в Материи сознанием как объект чувственного восприятия, что поможет вызволить таким образом скрытое от глаз божество из его убежища.

Жизнь Божественная, с. 236, 239

Вселенная — это не просто математическая формула, которая выражает взаимоотношения неких ментальных абстракций, называемых числами и принципами, — формула, приводящая в конечном итоге к нулю или пустому множеству; это и не физический процесс, воплощающий некое уравнение сил. Это радость Возлюбившего себя, игра Ребенка, бесконечное приумножение себя Поэтом, опьяненным восторгом собственной силы бесконечного творения.

Час Бога, с. 66

Дух — это истина нашего бытия; разум, жизнь и тело, будучи несовершенными, суть маски его; в идеале своем они должны стать формами его выражения.

Час Бога, с. 77

Вся жизнь — это Йога Природы, стремящейся проявить Бога, скрытого в ней. ...

Восхождение от низшей Природы к высшей и является целью Йоги; и это восхождение может осуществиться путем отвержения низшей Природы и ухода в Природу высшую — общепринятая точка зрения — или же путем трансформации низшей Природы и возвышения ее до уровня высшей. Именно эту цель, по всей видимости, должна преследовать интегральная Йога. ...

Значит, наш метод должен состоять в том, чтобы всем своим существом войти в сознательное соприкосновение с Божественным и призвать Его преобразовать все наше существо в Свое существо, так что в определенном смысле Сам Бог, наша подлинная Личность, становится садхаком этой садханы,

так же как и Господином Йоги, благодаря которому наша низшая личность превращается в центр божественного преображения и средство достижения собственного совершенства. ... Божественное, всеведущее и всемогущее, нисходит в ограниченное и затемненное, постепенно просветляет и наполняет энергией всю низшую природу и заменяет собственным действием всякое проявление низшего человеческого света и смертной деятельности.

Синтез Йоги, с. 44—46

Свобода обретается, когда достигается всеобъемлющее единство; она — наше подлинное бытие. Мы можем достигать сущности этого единства в самих себе; мы можем в единении со всеми остальными принимать участие в Божественной игре. Этот двойной опыт — все, к чему душа стремится в Природе.

Бессмертие, единство и свобода уже есть в нас, они ждут, когда мы откроем их; но даже и тогда, во имя радости любви, Бог в нас будет по-прежнему оставаться Множественностью.

Час Бога, с. 73

Так что же есть Бог? Вечное дитя, вечно играющее в вечном саду.

Час Бога, с. 67

Своим глобальным видением Шри Ауробиндо объединяет все высокие искания и познания человечества:

Поиск человеком Бога, который в конце концов становится самым пылким и поглощающим из его исканий, начинается с первых смутных попыток проникнуть в глубь Природы и ощущения чего-то скрытого и неведомого и в себе, и в ней... Но только когда знание достигает своих высочайших проявлений, становится возможным достичь его величайшего единства. Ибо высочайшее и обширнейшее видение приносит нам и глубочайшую мудрость, ведь это видение объединяет все знание, постигая его единый всеобъемлющий смысл. Все религии предстают различными путями к единой Истине, все фило-

софии — многообразными взглядами на разные аспекты единой Реальности, все науки объединяются в единой высочайшей Науке. Ибо все, чего ищут наше умственное и чувственное знание, а также наше сверхчувственное видение, самым полным и всесторонним образом обретается в единстве Бога, человека и Природы, а также всего, что скрыто в Природе.

Жизнь Божественная, с. 699—701

Он провидит возможность для человека единения с Богом на всех уровнях его бытия. При этом он находит истину в каждой религии мира и не отрицает ни одного из этих возвышенных устремлений человечества, но, наоборот, в его всепримиряющем видении каждая религия получает возможность высшей полноты самоосуществления, основанной на всеобъемлющей духовной Истине. Таким образом, он предлагает также синтез религии и духовности, ведущий к божественному преобразованию всей жизни человека и человечества:

Философии и религии спорят о приоритете того или иного аспекта Бога, и различные йогины, риши и святые отдают предпочтение той или иной философии или религии. Наша задача — не обсуждать их, но реализовать и стать ими всеми, не следовать какому-то одному аспекту, исключая все остальные, но объять Бога во всех его аспектах и за их пределами.

Собр. соч., т. 17, с. 62

Божественное преображение обычной жизни человека и торжество его извечных усилий по развитию умственной и этической культуры в личности и обществе в итоге этого всеохватывающего распространения совершенного духовного бытия могло бы должным образом увенчать как индивидуальное, так и коллективное наше устремление. Такое свершение, будучи не чем иным, как воплощением во внешнем мире царствия небесного, утвержденного внутри человека, стало бы также подлинным осуществлением идеала, которого так или иначе ищут все религии мира.

Синтез Йоги, с. 49—50

Вместе с тем, Шри Ауробиндо следующим образом характеризует подлинную духовность:

Духовность в сути своей — это осознание внутренней реальности нашего существа — духа, души, истинного «я», которое отличается и превосходит наши ум, жизнь и тело, а также — внутреннее стремление познать, ощутить, быть этим «я», войти в соприкосновение с высшей Реальностью за пределами вселенной и пронизывающей вселенную, Реальностью, которая пребывает и в нас самих, достичь сопричастности ей и единения с нею, и кроме того — изменение, преобразование, трансформация всего нашего существа в результате этого стремления, соприкосновения, единения, рост или пробуждение к новому становлению или новому бытию, новому «я», новой природе.

Жизнь Божественная, с. 857

При этом можно видеть, что выдвигаемое Шри Ауробиндо возвышенное духовное преобразование нашего бытия естественно и гармонично включает в себя также и синтез индивидуального и коллективного его аспектов. И это — еще одна уникальная черта мировоззрения Шри Ауробиндо:

Интегральное преобразование, к которому мы стремимся, не было бы реальным или даже возможным, если бы оно ограничивалось индивидуальной реализацией. Поскольку в своем божественном совершенстве мы должны полностью реализовать себя не только в собственных бытии, жизни и любви, но и в бытии, жизни и любви всех остальных, то распространение нашей свободы и ее плодов на всех наших собратьев стало бы неизбежным следствием и, кроме того, окончательной целью нашего освобождения и совершенства. Значит, такого рода усилия, неизбежные в процессе интегрального преобразования, рано или поздно должны привести к расширению индивидуальной реализации до масштабов всего человечества.

Синтез Йоги, с. 49

И он не просто изложил принципы подлинного коллективизма, единства индивидуальной и коллективной работы, но и воплотил их на практике в созданной им совместно со своей сподвижницей француженкой Миррой Альфассой, которой он дал имя «Мать», духовной общине — Ашраме Шри Ауробиндо, насчитывающем сегодня около 2000 человек.

Шри Ауробиндо и Мать

Жизнь и труд Шри Ауробиндо невозможно рассматривать и понимать в полной мере в отрыве от вклада Матери, игравшей роль своеобразной динамической силы, которая воплощала в жизнь возвышенное видение Шри Ауробиндо. Шри Ауробиндо и Мать олицетворяют собой издавна известный в индийской духовной традиции идеал Ишвары-Шакти — Владыки, Духа, источника видения и подателя санкции, и его динамической реализующей Силы, претворяющей в жизнь видение и идеи Духа-вдохновителя. «Сознание мое и Матери — это единое сознание» — писал Шри Ауробиндо. Эта глубинная связь представляет собой выражение мистической Истины, лежащей в основе мироздания, — единения божественного Сознания и творческой Энергии, Единых-Двоих, становящееся источником божественного Творения. Мать, чрезвычайно глубокая и многосторонне одаренная личность, художник, литератор, педагог, удивительно талантливый организатор, необычайно могучий оккультист, духовный первопроходец и водитель, своей личностью и деятельностью являет живое воплощение учения Шри Ауробиндо и словно проводит мост между утверждаемыми им возвышенными и глубинными истинами и повседневной человеческой жизнью. Она стала настоящей вселюбящей и всезаботливой Матерью для духовных искателей, устремившихся со всех концов мира к источнику Света, зажженному Шри Ауробиндо и Матерью в Пондичерри, а также для нескольких сотен учеников Образовательного центра Ашрама Шри Ауробиндо, созданного Матерью и являющегося сегодня одним из самых прогрессивных и высокоразвитых образовательных учреждений Индии. Шри Ауробиндо видел в ней воплощение божественного

материнского принципа, божественной Матери мироздания, которую с незапамятной древности столь почитали в Индии и во многих других сакральных и мистических традициях. Божественная Мать играет центральную роль в мировоззрении и Йоге Шри Ауробиндо как высочайший динамический принцип и трансформирующая Сила Божественного. Он писал о божественной Матери:

Та, кому мы поклоняемся как Матери, есть божественная Сознательная Сила, которая господствует над всем существующим, единая и в то же время настолько многообразная, что даже самый живой ум и самый свободный и широкий интеллект не в состоянии уследить за ее движением. Мать — это сознание и сила Всевышнего — и пребывает высоко над всем, что она создает.

...Мать пребывает над всеми мирами и несет в своем вечном сознании Высочайшее Божественное. Она единственная служит вместилищем абсолютной Силы и невыразимого Присутствия; держа в себе или вызывая Истины, которым суждено проявиться, она низводит их из Мистерии, в которой они были скрыты, в свет своего бесконечного сознания и в своей всемогущей власти наделяет их силой, своей беспредельной жизнью и телом во вселенной. ... Все есть ее игра с Всевышним; все есть ее проявление тайн Вечного, чудес Бесконечного. Все есть она, ибо все является долей и частью божественного Сознания-Силы.

...Мать не только управляет всем сверху, но и нисходит в эту более ограниченную тройственную вселенную [Ума, Жизни и Материи]... ибо, движимая тайным указом Всевышнего выработать нечто, что было в возможностях Бесконечного, она согласилась на великую жертву и как маску приняла душу и формы Неведения. И даже в личном аспекте соблаговолила она низойти сюда, во тьму, чтобы привести ее к Свету; в Ложь и Заблуждение, чтобы обратить их в Истину; в Смерть, чтобы превратить ее в богоподобную Жизнь; в мировую боль и нескончаемую скорбь и страдание, чтобы положить им конец в преобразующем экстазе своей возвышенной Ананды. В глубокой и великой любви к своим детям она

согласилась надеть на себя покров этого мрака, снизошла до того, чтобы сносить атаки и мучительные воздействия сил Тьмы и Ажи ... приняла на себя терзания, горести и муки творчества, поскольку, похоже, только так можно возвысить его до Света, Радости, Истины и вечной Жизни.

Час Бога, с. 48—51

Именно этому спасительному пришествию божественной Матери на землю и посвящена «Савитри».

Таким образом, Шри Ауробиндо и Мать представляют собой также самый возвышенный и полноценный синтез мужского и женского начал как провидящего и санкционирующего Духа и воплощающей творческой Энергии.

Лейтмотив жизни и деятельности Шри Ауробиндо и Матери, их трудов и устремлений и их величественного синтеза глубоко и емко выражен в следующем высказывании Шри Ауробиндо:

Всеобъемлющий синтез совершенства — в самых грандиозных масштабах, на которые только способна мысль, — есть единственное достойное устремление для тех, чей исполненный благоговения взгляд постигает Бога, тайно пребывающего в человеке.

Синтез Йоги, с. 50

«Савитри» является самым могучим, глубоким и многосторонним выражением всеобъемлющего мировоззрения Шри Ауробиндо, а также его и Матери духовной работы.

Стиль и язык «Савитри»

Стиль «Савитри» можно охарактеризовать как универсальный мистический классицизм будущего — универсальный, прежде всего, в том смысле, что она объединяет в себе главные достижения наиболее выдающихся культур мира: в первую очередь, высшие классические ценности интеллектуально-эстетической культуры Европы и тысячелетней духовно-мистической культуры Индии.

Хотя основу поэмы составляет классический пятистопный ямб (ямбический пентаметр), ее нерифмованный белый стих содержит разнообразные ритмические вариации. По словам автора, это

...белый стих, не содержащий (за редким исключением) строчковых переносов (enjambement): строки, каждая из которых является вещью в себе, образуют абзацы из одной, двух, трех, четырех, пяти строк (изредка более длинная серия), в попытке передать что-то от ритма Упанишад или произведений Калидасы, насколько это возможно в английском.

Письма о поэзии и искусстве, с. 276

То есть, уже в аспекте ритмики «Савитри» представляет собой сплав высших классических достижений восточного и западного поэтического искусства. Но классическая основа получает новое развитие с учетом лучших находок и наиболее утонченного духа модернизма:

В «Савитри» ... я принял некоторые из свобод, введенных модернистами, включая внутренний ритм, ассонанс слогов, нерегулярности, вводимые в ямбический метр и прочее, что было бы болезненно для моего раннего вкуса. Но я использовал все это не механически и не ради какой-то манерности, а только в том случае, если это было ритмически оправдано; ибо всякая свобода несет в себе определенную истину и порядок — либо рациональный, либо инстинктивный, либо интуитивный.

Письма о поэзии и искусстве, с. 31

В поздний период творчества Шри Ауробиндо много экспериментировал с количественным стихосложением, а также пытался обогатить английскую поэзию за счет органичного введения в нее образцов стихотворчества из других языков. Тем самым он исследовал пригодность различных примеров поэтической речи для выражения высших духовных переживаний и реальностей и даже написал небольшую работу, в которой обосновал принципы количественного стихосложения в английском языке. В «Савитри» также ощущается влияние количественного принципа стихосложения:

во многих ее строках пятистопный размер выдерживается, скорее, в тоническом смысле, а не в рамках общепринятой метрической структуры. Такой более свободный подход к метрическим принципам позволяет Шри Ауробиндо отступать там, где это оправдано, от классической ямбической схемы и использовать различные ритмические вариации, добиваясь нужного эффекта звучания, когда звуковые модуляции подчеркивают и усиливают смысловое наполнение строк. Таким образом, «Савитри» присуща совершенно своеобразная модель стиха. Причем это своеобразие проявляется не только в ритмическом отношении, но и в самой структуре поэтического текста, которую Шри Ауробиндо характеризует так:

Структура пятистопного белого стиха в «Савитри» весьма своеобразна и отличается по своему строению и замыслу от белого стиха, который стал общеупотребимым в английской поэзии. В «Савитри» практически нет строчных переносов: они используются крайне редко и только тогда, когда нужен особый эффект; каждая строка должна быть достаточно сильной, чтобы выступать как законченное целое, и в то же время строки гармонично складываются в предложение или абзац, как камень к камню. Предложение обычно состоит из одной, двух, трех или четырех строк, реже из пяти, шести или семи; как для строки, так и для предложения почти неизбежны сильные окончания, кроме тех случаев, когда нужна некая модуляция незавершенности; в ритме или метрическом движении нигде не должно быть слабости, вялости или расплывчатости — это должен быть ровный, мощный поток, а не беспорядочное, прерывистое течение.

Письма о поэзии и искусстве, с. 342

Можно также отметить, что для «Савитри», как для всякого подлинно великого поэтического творения, характерен очень ясный, непосредственно точный и лаконичный и вместе с тем глубокий и выразительный язык. Вот что говорит о нем Шри Ауробиндо:

Что касается метода «Савитри», то для нее характерно стремление к определенной силе и непосредственности, духовной ясности и реальности выражения. Непонимание этого возникает из-за того, что выражаемые в ней истины не знакомы обычному уму или принадлежат неизведанной области или областям либо относятся к сфере оккультного опыта, — а не из-за того, что ставилась задача добиться смутной и замысловатой псевдоглубины или избежать всякой отчетливой мысли. Просто мысль здесь является не интеллектуальной, а интуитивной или более высокой, чем интуитивная, и всегда выражает видение, духовное соприкосновение или знание, которое возникает за счет проникновения в саму суть явления, за счет тождества.

Письма о поэзии и искусстве, с. 317

Так, словно волны, каждая из которых имеет свой неповторимый образ и в то же время подчиняется единому ритму беспредельной божественной стихии, плавно движутся строки «Савитри», слагаясь в необъятный и прекрасный океанический лик Эпоса, выразившего в человеческом слове сверхчеловеческие уровни бытия.

В «Савитри» также осуществлен глубокий синтез достижений и открытий прошлого и настоящего с самым возвышенным видением будущего: очень многое в поэме основано на многовековом духовном наследии древней Индии, она пронизана ведийской и ведантистской образностью и символизмом. И вместе с тем, в текст поэмы искусно вплетаются образы и понятия, связанные с самыми современными открытиями. Вот лишь один пример:

*An ocean of electric Energy
Formlessly formed its strange wave-particles
Constructing by their dance this solid scheme,
Its mightiness in the atom sbut to rest;
Masses were forged or feigned and visible shapes;
Light flung the photon's swift revealing spark
And showed, in the minuteness of its flash
Imaged, this cosmos of apparent things.
Thus has been made this real impossible world...*

*Пучина электрической Энергии,
 В аморфном созидательном волнении
 Исторгла чудо странных волн-частиц
 И в пляске их воздвигла тверди мира,
 И в атом затворила мощь свою...
 Свет разметал, пространство озаряя,
 Стремительные искорки фотонов
 И очертил в их крохотных огнях,
 Как грезу, космос видимых предметов.
 Так явью стал наш невозможный мир...*

Савитри, с. 155

Какое емкое поэтическое описание рождения вселенной, в котором отражены и современные научные воззрения! Частицы-волны, атомы, фотоны и протоны, телевидение — все это находит отражение на страницах «Савитри», увидевших свет еще в середине 40-х годов!

При этом с точки зрения богатейшего образно-интуитивного поэтического языка и глубочайшего мистического содержания «Савитри», безусловно, написана на языке будущего. Этот великолепный классический и одновременно мистически-модернистский язык вобрал в себя и величайшие достижения мировой классической культуры, и высочайшие мистические открытия человечества. Очень часто «Савитри» звучит голосом грядущего, зовущим человека превзойти себя и стать достойным своего высшего божественного предназначения. Недаром Шри Ауробиндо писал:

Мои более поздние мистические произведения и «Савитри» принадлежат будущему и, возможно, им придется дожидаться еще одного радикального изменения эстетической атмосферы, прежде чем хоть что-то в них обретет признание.

Письма о поэзии и искусстве, с. 349

«Савитри» — это запись видения, опыта, которые не относятся к общедоступным и часто очень далеки от того, что видит и испытывает обычный человеческий ум. Не стоит

ожидать признания и понимания широкой публики или даже просто многих читателей при первом соприкосновении с ней. Как я указывал, необходимо новое расширение сознания и эстетического восприятия, чтобы по достоинству оценить мистическую поэзию нового рода. Более того, если это действительно новая поэзия, то она может использовать и новую технику — может быть не всецело новую, но по крайней мере новую в некоторых или во многих своих элементах; и в этом случае прежние правила, каноны и стандарты могут быть неприменимы к ней... То есть нам нужно увидеть, действительно ли в ней есть то, что составляет суть поэзии, и насколько новая техника оправдывает себя, выражая новую красоту и совершенство; и, чтобы увидеть это, необходима определенная свобода ума от прежних общепринятых воззрений, позволяющая составить справедливое и объективное суждение.

Письма о поэзии и искусстве, с. 345

Таким образом, «Савитри», являясь наиболее многосторонним выражением мировоззрения Шри Ауробиндо, представляет собой глубокий органичный синтез восточного и западного миропонимания и культуры, материализма и духовности, мудрости незапамятных веков и научных открытий настоящего, возвышенного классицизма и смелого модернизма, философии и поэзии, мистики и реализма, откровений прошлого и прозрений будущего. Сам Шри Ауробиндо характеризовал «Савитри» как *«своеобразную поэтическую философию Духа и Жизни, охватывающую большинство предметов философской мысли и видения, а также многие аспекты духовного опыта»* (Письма о поэзии и искусстве, с. 279). Можно с уверенностью утверждать, что, как когда-то Веды и Упанишады положили начало великой цивилизации Индии, «Савитри» с ее синтетичностью и универсализмом зачинает новую общечеловеческую культуру, новую одухотворенную цивилизацию, высший идеал которой Шри Ауробиндо емко и поэтично сформулировал как *«божественная жизнь в божественном теле»*.

Сюжет «Савитри»

С точки зрения сюжета «Савитри» достаточно четко делится на две практически равные по объему части. Первая ее половина (соответствующая Части I поэмы) в основном посвящена описанию грандиозной Йоги великого духовного искателя царя Ашвапати, его восхождению по всем уровням проявленного бытия, в результате которого на вершине Проявления он удостоивается встречи с Божественной Матерью мироздания. Вторая половина «Савитри» (соответствующая Частям II и III) посвящена рождению, жизни и миссии Савитри, дочери Ашвапати, которая является земным воплощением Божественной Матери, пришедшей спасти человечество от неведения и смерти. Каждая из частей поэмы фактически представляет собой законченное целостное произведение. Мы решили начать знакомство с «Савитри» со второй части, поскольку она, на наш взгляд, является более доступной для понимания при первоначальном соприкосновении с поэмой. Первая часть изобилует описаниями запредельных опытов Ашвапати и его странствий в иных мирах и является более сложной для восприятия.

Сама фигура Ашвапати необычайно возвышенна и запредельна и, казалось бы, далека от обычной человеческой жизни. Этот царь-йогин, *«первопроходец из бессмертных сфер»*, *«странник иных миров»*, *«тфуженик в сферах идеала»* словно символизирует собой высшее устремление к сферам Духа. Он олицетворение стремления, надежды, мечты всего человечества об освобождении, о гармонии, о непреходящей радости, о высшей и более светлой жизни. Символизм этого персонажа подчеркивается тем фактом, что Шри Ауробиндо впервые называет его имя лишь в самом конце первой части, на вершине его восхождения, когда тот обращается с мольбой о спасении человечества к Божественной Матери — только в этот судьбоносный момент раскрывается его глубинная человечность. Савитри же, не смотря на то — или, скорее, благодаря тому, что она является воплощением Божественной Матери, невзирая на всю божественную высоту своего внутреннего существа, запредельность своей Души — чрезвычайно человечна; ее духовное развитие, ее миссия естественно и неразрывно связаны с ее человечес-

кой жизнью и развитием, с ее судьбой, с ее чаяниями, страданиями и борениями. Поэтому части поэмы, посвященные жизни и миссии Савитри, ближе и понятнее нам. Прекрасные проникновенные Песни, повествующие о рождении и детстве Савитри, ее юности, поисках возлюбленного, встрече и жизни с ним, постепенно сменяются драматическими описаниями противоборства Савитри с жестокой судьбой, ее поисков и открытий в собственном внутреннем мире в стремлении обрести в себе силу, способную победить рок, и наконец, ее грандиозного противостояния с Богом Смерти, воплощающим в себе сам принцип фундаментального Отрицания, Несознания, Небытия, и победы над ним. Интересно, что при этом йога Ашвапати получает реализацию именно на земле, с рождением Савитри; йога же Савитри получает реализацию в высочайших сферах, когда Всевышний прорекает ей освобождение земли.

В целом, можно говорить о том, что первая и вторая половины «Савитри» отражают два взаимодополняющих аспекта, два движения Интегральной Йоги Шри Ауробиндо и Матери. Первая олицетворяет восходящее движение Йоги, пролагающее своеобразный мост между нашим низшим миром Неведения и Тьмы и высшим Источником Бытия; это духовная самореализация, включающая в себя работу на тонких планах Проявления, их открытие и освоение для человека, увенчивающаяся высочайшим Откровением Божественной Матери — трансцендентной Сознательной Силы, Сознания-Истины, которая одна только может принести земле спасение от Неведения. Вторая половина «Савитри» олицетворяет нисходящее движение Йоги, описывая нисхождение божественной Силы, «ниспосланного Пламени», в мир Неведения и ее работу по преобразованию основополагающих принципов этого мира в принципы Истины; она включает психическую самореализацию, то есть раскрытие своего глубинного истинного «я», подлинной души, *психического существа*, как называет его Шри Ауробиндо, и супраментальную самореализацию-проявление через психическое. Если йогу Ашвапати можно охарактеризовать как психодуховную трансформацию с освоением тонких планов внутреннего существа, ведущую к реализации высшего «Я» и высшей Реальности в ее статическом и динамическом аспектах, то йога Савитри направлена на физическую трансформацию через

раскрытие психического существа, интеграцию всего существа в свет и истину души и воссоединение через психический центр со своим высшим супраментальным Источником, делающее возможным излияние супраментальных сил в физический мир и трансформацию фундаментальных принципов низшего бытия и самой Материи в выражение Духа, Истины и Света. Оба движения дополняют друг друга и не могут достичь полноты осуществления в отрыве друг от друга: первое движение делает возможным второе; второе приносит достижение цели и полноту осуществления первому. Интересно отметить, что это различие между двумя половинами эпоса ощущается и в вибрационном отношении: если для первой половины более характерны могучие высокодуховные вибрации, соответствующие запредельной работе Ашвапати, то для второй, скорее, свойственны проникновенные и глубокие психические вибрации, выражающие сущность Савитри и ее миссии, — причем в начале второй половины в большей мере выражена утонченная психическая красота, зачастую насыщенная тонким прекрасным лиризмом, в конце же ее — психическая сила, могущество души, противостоящей року и торжествующей над ним. Вместе с тем, и Ашвапати, и Савитри совершают не только индивидуальную йогу, но и духовную работу для всего человечества. Йога Ашвапати во многом ассоциируется с духовным трудом Шри Ауробиндо; Йога Савитри — с работой Матери, хотя, конечно, два эти движения тесно связаны и во многом пересекаются друг с другом.

Очень точно говорит об этом Мать:

Шри Ауробиндо описал в «Савитри» все стадии, указал каждый шаг, чтобы дать возможность интегрального продвижения в интегральной Йоге. Все это его собственный опыт, но, что самое удивительное, — это и мой опыт тоже. Его садхана была моей садханой. Каждый объект, каждое событие, каждая реализация — все описания, даже оттенки — именно те, что я видела, а слова, фразы — именно те, что я слышала в своих опытах. ... Обычно каждое утро я приходила к нему и он читал мне «Савитри». Ночью он работал над нею, а утром читал мне написанные за ночь строки. И вот что любо-

пытно: день за днем он читал мне по утрам описания в точности тех переживаний и опытов, которые я получила перед этим ночью, слово в слово. Да, все описания, цвета, картины, которые я видела, слова, которые слышала, — все, все это обрело выражение в поэтической форме, в его дивной поэзии. ... Именно мои опыты он изложил столь подробно в «Савитри» — и это были также и его опыты. Более того, это картина нашего совместного странствия в неведомое — или, точнее, в Сверхразум.

Мать. (Цит. по: М. Шаркар. Гармонии Света, с. 27—29)

Можно сказать, что «Савитри» является наиболее точным, полным и действенно живым дневником духовной работы Шри Ауробиндо и Матери.

Источник вдохновения и процесс создания «Савитри»

Интересно, что каждая Песнь «Савитри» словно бы представляет собой отдельное законченное произведение — такое ощущение возникает прежде всего потому, что тема, которой посвящена Песнь, получает в ней чрезвычайно глубокое, всестороннее и законченное освещение. И при этом отдельные Песни гармонично увязаны друг с другом в единое многоаспектное целое. Все дело в том, что «Савитри» является могучим образцом творчества высшего уровня ментального Сверхсознания, который Шри Ауробиндо назвал Верховным или Глобальным Разумом (Overmind)¹:

Между супраментальным и человеческим сознанием существует ряд последовательных планов бытия, или уровней сознания, где субстанция разума и все его проявления от уровня

¹ В разных источниках переводится как Глобальный Разум, Надментальный Разум, Сверхразум, Надразум. В подлиннике Overmind означает одновременно высший и конечный уровень, увенчивающий сферу Разума. Нам представляется наиболее удачным перевод «Верховный Разум», поскольку он точно отражает положение этого уровня сознания в иерархии планов Разума и, судя по всему, наиболее точно соответствует смыслу оригинального термина. Более подробно о Верховном Разуме см. в Комментариях.

к уровню по восходящей несут в себе все больше и больше света, силы и широты охвата. Верховный Разум есть высший из уровней этого восходящего ряда, непосредственно предшествующий Супраментальному плану бытия. Он исполнен большого света и силы, но по сравнению со Сверхразумом представляет собой разделительную черту между полнотой неделимого знания и нисходящим путем в Неведение.

Письма о Йоге, с. 257

На уровне Верховного Разума видение отличается покоем и устойчивостью, охватывая огромные промежутки времени и пространства, глобальных связей и отношений. То же самое характерно и для созидательного действия Верховного Разума. Это уровень бытия великих Богов и божественных Творцов.

Письма о Йоге, с. 1154

Верховный Разум ... является силой космического сознания, принципом глобального знания, несущего в себе делегированный свет супраментального Гнозиса. ... [на этом плане обретаются] широкое космическое восприятие и ощущение беспредельного универсального «я» и вселенского движения ... чувства, эмоции, ощущения воспринимаются как волны все той же космической безграничности, накатывающие на тонкое и грубое тело и вызывающие соответствующую [их природе] реакцию индивидуального центра универсальности, — ибо тело становится лишь крошечной опорой или даже всего лишь точкой взаимосвязи для деятельности космических инструментальных сил. В этой беспредельной грандиозности не только обособленное эго, но и всякое чувство индивидуальности, даже подчиненной или инструментальной индивидуальности, может полностью исчезнуть; остаются лишь космическое бытие, космическое сознание, космическое блаженство, игра космических сил...

Жизнь Божественная, с. 950—951

Воспринимая супраментальный Свет, Верховный Разум приносит в него разделение на аспекты, отдельные силы и всевоз-

можные отличные друг от друга принципы, которые, попадая на более низкие планы бытия, еще больше деградируют в своем сознании, как, например, в случае с Разумом, и начинают считать себя исключительными носителями всей полноты Истины, вступая при этом в противоречия со всеми остальными.

Письма о Йоге, с. 243

Вот что Шри Ауробиндо говорит о способе отображения действительности Верховным Разумом:

В этой поэме я постоянно представляю тот или иной частный взгляд на жизнь таким образом, что он на время словно бы предстает целостным и завершенным ее восприятием; и делаю я это для того, чтобы выявить полную ценность опыта тех, кто ограничен этим взглядом, — например, опыта, приобретаемого в рамках материалистического восприятия жизни, — но если кто-то обвинит меня в мировоззренческой непоследовательности, то, значит, он просто не понимает техники интерпретации жизни Верховным Разумом.

Письма о поэзии и искусстве, с. 313

Верховный Разум представляет каждый аспект реальности как отдельное завершенное целое во взаимосвязи с другими представленными таким же образом аспектами и, охватывая все аспекты, увязывает их в едином гармоничном сосуществовании. Согласно Шри Ауробиндо, Верховный Разум является наивысшим уровнем сознания, который можно выразить в человеческом слове, и соответственно полноценное его выражение стало бы словотворчеством высочайшего уровня:

Нет сомнения, что, если бы удалось добиться продолжительного вдохновения, исходящего из Верховного Разума, результатом стала бы поэзия, чье совершенство и духовное качество превосходило бы все созданное донныне; но на сегодня нам, в лучшем случае, дано выразить смутное ощущение этого плана, да и то лишь в коротких отрывках и строках.

Письма о поэзии и искусстве, с. 26

Шри Ауробиндо находил примеры вдохновения Верховного Разума в отдельных строках великих поэтов разных стран и эпох. Но то было лишь «*смутное ощущение*» этого глобального Сознания, а не его прямое выражение. Шри Ауробиндо же стремился достичь продолжительного непосредственного *самовыражения* Верховного Разума в слове. Все его поздние поэтические произведения в той или иной мере несут в себе силу мантр Сверхсознания, но полностью эта цель осуществлялась именно в «Савитри», в которой он поистине воплотил это «*продолжительное вдохновение, исходящее из Верховного Разума*» в пробуждающих строках могучей мистической поэзии. «Савитри», вероятно, является пока единственным произведением человечества, автор которого целенаправленно стремился выразить в человеческом слове в максимально возможной степени столь высокий уровень Сверхсознания, причем делал это с такой тщательностью, выверяя не только каждую строку и каждое слово, но даже каждый звук в стремлении достичь «*совершенного совершенства*» каждой строки и всего эпоса:

Каждое слово должно быть верным словом, иметь верную атмосферу, верную связь со всеми другими словами, так же как и каждый звук должен быть на своем месте и все звучание в целом должно воплощать в себе то неопределимое значение, которое лежит за пределами вербального выражения.

Письма о поэзии и искусстве, с. 283

В результате этой беспримерной работы сознание, видение и вибрации Верховного Разума выражены в «Савитри» в наиболее чистом и непосредственном виде.

Таким образом, «Савитри» создавалась великим Мастером Йоги с особыми целями — как мантрическое откровение высочайших уровней Сверхсознания, и поэтому неудивительно, что метод ее создания также был весьма необычен. Вот как его описывает сам Шри Ауробиндо:

Мой собственный метод [при написании поэзии] заключается не в том, чтобы успокоить свой ум, поскольку он и так пребывает в вечном покое, но в том, чтобы обратить его вверх

и внутрь. ...Все, что я написал с 1909 г., написано именно таким способом, то есть из безмолвного разума или, точнее, через безмолвный разум — при полном безмолвии не только разума, но и всего сознания в целом. ...

Я не делаю никаких усилий, чтобы написать что-либо. Я просто предоставляю высшей Силе совершать работу, и когда она не работает, не прилагаю никаких усилий. В прежние интеллектуальные дни я, бывало, пытался добиться чего-то за счет усилий, но не после того, как начал развивать поэзию и прозу с помощью йоги. ... Я никогда не думаю и не ищу нужных выражений, как и не пытаюсь писать хорошим стилем; я записываю в безмолвии разума то, что приходит в готовой форме свыше. Даже когда я исправляю что-то, исправления приходят таким же способом... Супраинтеллектуальное (а не только супраментальное) — это сфера спонтанного автоматического действия. Чтобы добраться туда или чтобы открыться ей, нужны усилия, но когда оно уже действует в вас, усилия больше не нужны.

Письма о поэзии и искусстве, с. 214—217

Я получаю строки свыше, из пространства над головой, и впоследствии таким же образом получаю правки и изменения без каких-либо собственных усилий или умственной деятельности. Даже если я исправляю написанное сотню раз, ум совершенно не участвует в этом процессе — он лишь воспринимает приходящее свыше.

Письма о поэзии и искусстве, с. 211

Мой литературный стиль развился благодаря йоге — вследствие развития сознания, утонченности и точности мышления и видения, возрастающего вдохновения и возрастающего интуитивного различения верных мыслей, словоформ, подходящих образов и выражений. ...

Я не размышляю о технике, поскольку размышление у меня больше не в ходу. Но я вижу и чувствую ее, когда строки приходят и впоследствии — при редактировании написанного... Если вдохновение подлинно, мне незачем беспокоиться о технике

ни сразу, ни впоследствии, поскольку строка приходит совершенной, обладая совершенным ритмом... Я могу добавить, что эта техника не подчиняется каким бы то ни было правилам, установленным умом, поскольку цель здесь — не в безупречном изяществе техники в общепринятом смысле, а в сущности звуков, образующей сущность слов¹. Если это достигается нарушением правил, что ж, — тем хуже для правил.

Письма о поэзии и искусстве, с. 215, 273—274

Мой труд над «Савитри» не был трудом в обычном смысле, кропотливой работой трудоемкого «конструирования»: я могу описать его как бесконечную способность ждать и прислушиваться к истинному вдохновению, отвергая все, что ниже его уровня, сколь бы хорошим воспринятое ни казалось с точки зрения более низкого стандарта, пока не получу то, что буду ощущать как абсолютно верное.

Письма о поэзии и искусстве, с. 344

Пожалуй, лучше всего процесс создания «Савитри» описан в строках самой поэмы:

*Oft inspiration with her lightning feet,
A sudden messenger from the all-seeing tops,
Traversed the soundless corridors of his mind
Bringing her rhythmic sense of hidden things.
A music spoke transcending mortal speech.
As if from a golden phial of the All-Bliss,
A joy of light, a joy of sudden sight,
A rapture of the thrilled undying Word
Poured into his heart as into an empty cup,
A repetition of God's first delight
Creating in a young and virgin Time.
In a brief moment caught, a little space,
All-Knowledge packed into great wordless thoughts
Lodged in the expectant stillness of his depths*

¹ В подлиннике: *sound-significance filling out the word-significance* — можно также перевести как «значение звуков, образующее (наполняющее) значение слов».

*A crystal of the ultimate Absolute,
A portion of the inexpressible Truth
Revealed by silence to the silent soul.*

*Молниекрылый вестник, вдохновенье,
Вдруг низлетая из всезрящих высей,
Блистало в залах разума беззвучных,
Неся заветных тайн ритмичный смысл.
Реченьем плавным музыка текла,
Превосходя убогий говор смертных.
Как из золотого кубка Всеблаженства,
Улада света, благодать прозренья,
Счастливый пыл бессмертного Глагола
Лились рекой в пустую чашу сердца —
Так разлилась впервые радость Божья
В твореньи юных, девственных Времен.
Явившись в краткий миг, в пространстве тесном,
Всеведение лучом бессловной мысли
Роняло в тишь его глубин молящих
Верховной Абсолютности кристалл,
Невыразимой Истины частицу —
Безмольвья дар душе его безмолвной.*

Савитри, с. 38

Заключение

«Савитри» — это зов в прекрасное будущее, это устремление к прежде казавшимся недостижимым высотам Бытия на основе глубочайших прозрений и высочайших постижений прошлого, которые воскресают к новой жизни в свежих потоках Духа, свободно низливающих с далеких вершин грядущего. Вслед за чувственно-мистическим видением-воображением «Божественной Комедии» Данте и вдохновенной интеллектуально-этической мыслью «Потерянного Рая» Мильтона к нам приходит духовное откровение «Савитри» Шри Ауробиндо — этой Божественной Драмы Блаженства, в которой Любовь торжествует над Смертью,

а человек, раскрывая в себе божественность, побеждает враждебных богов, неумолимую судьбу и неотвратимый рок, возвращая «потерянный рай» всей земле. Здесь мы встречаем и поражающие воображение описания всей иерархии проявленных миров, от низших inferнальных царств до трансцендентных божественных сфер, и пронзительные по своей глубине и живой достоверности откровения немислимых духовных реализаций, и грандиозные прозрения о сотворении мира, о вселенской эволюции, о судьбе человечества. Великий провидец словно доносит до нас в строках могучей поэзии медовые струи божественного Восторга, утоляя нашу душу живительным нектаром сокровенных истин, истекающим из высочайших родников Духа. Очень много в «Савитри» и просто блистательных поэтических описаний красоты природы и мира, человеческой души и жизни — тонких лиричных строк, проникнутых просветленным духовным видением. Здесь нашли отражение, вероятно, все стороны нашего бытия, все наши устремления и трудности, чаяния и мечты, заблуждения и достижения. Искренний искатель может черпать в «Савитри» нескончаемые силы для духовного восхождения, для самопознания и самосовершенствования, для привнесения в свою жизнь все большего света и гармонии. Мы надеемся, что всем читателям будет интересно познакомиться с этой поэмой, безусловно, принадлежащей к числу наиболее выдающихся произведений человечества.

В своей работе «Поэзия будущего», написанной во втором десятилетии XX века, Шри Ауробиндо говорит о высших возможностях эпической поэзии в новом веке:

Эпос, великое поэтическое сказание о человеке, мире или богах, не обязательно должен быть ярким, энергичным изложением внешних действий... Эпические реальности души, прозреваемые в их самой глубинной сути — а именно так будет видеть их интуитивная поэзия, — станут величайшим возможным предметом эпического творца, и именно такой поэзии высочайшего образца мы будем ожидать от некоего глубокого и могучего голоса будущего, которому еще предстоит проявиться. Его песнь, воистину, может достичь величайшего взлета, чтобы с этих высочайших высей и с обширнейшим охватом

видения раскрывать судьбу человеческого духа, а также присутствие, пути и цель Божества в человеке и вселенной.

Поэзия будущего, с. 286

Несколькими десятилетиями позже он сам зазвучал для нас этим глубоким и могучим голосом будущего, воплотив эпические реальности души, прозреваемые в их самой глубинной сути, и поистине раскрыл нам с высочайших вышей и с обширнейшим охватом видения судьбу человеческого духа, а также присутствие, пути и цель Божества в человеке и вселенной в своей божественной песне «Савитри».

Вряд ли можно сказать о «Савитри» лучше, чем это сделала в своих прекрасных вдохновенных словах Мать — та, чья жизнь и духовный подвиг легли в основу возвышенного характера героини эпоса:

«Савитри» — это откровение, это медитация, это поиск Беспредельного, Вечного. Если читать ее с подобной устремленностью к Бессмертию, то само чтение будет вести и направлять вас к Бессмертию. Чтение «Савитри» — это воистину практика йоги, духовной концентрации; в ней вы найдете все, что нужно для реализации Божественного. Здесь описан каждый шаг, каждый этап [Интегральной] Йоги, включая секреты всех других йогических путей. ... Это поистине безупречный путеводитель, который никогда не подведет и не покинет вас; тот, кто стремится следовать духовному пути, всегда найдет в нем опору и поддержку.

Мать. (Цит. по: М. Шаркар. Гармонии Света, с. 25—26)

Мы приглашаем вас совершить это удивительное путешествие сознания с «Савитри».

О МАТЕРИАЛАХ, ПРЕДСТАВЛЕННЫХ В СЕРИИ

Знакомство с «Савитри»

О Шри Ауробиндо я узнал в 1990 г., прочитав известную книгу Сатпрема «Шри Ауробиндо, или Путешествие сознания», повествующую о жизни и труде великого духовного первопроходца. В книге цитировались отдельные строки эпической поэмы Шри Ауробиндо «Савитри», которые почему-то особенно затронули меня. Это было достаточно необычно, поскольку до тех пор я мало интересовался поэзией, как впрочем и философией, учился на радиомеханическом факультете одного из ленинградских вузов и большую часть времени уделял занятиям спортом. Теперь же я отправился в Публичную библиотеку и к своему удивлению обнаружил там «Савитри» в подлиннике (позднее там же, в Отделе литературы стран Азии, Африки и Латинской Америки, я разыскал и Собрание сочинений Шри Ауробиндо, открыв для себя неисчерпаемый клад мудрости и красоты). С тех пор я начал изучать эпос, как и творчество Шри Ауробиндо в целом, чем занимаюсь и по сей день. «Савитри» очаровала и захватила меня. Я стал по-настоящему серьезно и целенаправленно овладевать английским, который до тех пор знал очень слабо — в рамках школьной и институтской программы. Причем для освоения языка я главным образом использовал сам текст «Савитри». Огромную помощь в изучении английского и осмыслении «Савитри» в течение многих лет мне оказывала Наталья Вячеславовна Кутузова, которой я выражаю самую искреннюю сердечную признательность. При этом, чтобы лучше понять текст, я, естественно, пытался переводить его. Так постепенно начали возникать переводы отдельных фрагментов, а потом и Песней. Мой уровень владения английским еще не позволял мне в полной мере наслаждаться подлинником — так, как это возможно при чтении поэзии на родном языке. Поэтому я старался перевести подлинник как можно более поэтично, чтобы полнее насладиться им.

Постепенно я заметил, что общение с «Савитри» стало производить изменения в моем сознании и восприятии — и перевод становился все более поэтичным и гармоничным. При этом

я почувствовал глубокий интерес к усовершенствованию перевода и теперь серьезно читал и изучал всю доступную литературу по теории и практике перевода. В какой-то момент барьер иноязычной отчужденности был преодолен, и я смог свободно читать «Савитри» в подлиннике, наслаждаясь ею в полном объеме.

Шри Ауробиндо — творец поэтов

«Савитри» — это мантрическое откровение, и уже само его чтение оказывает преображающее воздействие на сознание, способствует раскрытию внутреннего существа и его тонких сил и способностей, пробуждению души. «Само чтение «Савитри» — это практика йоги, духовной концентрации», — говорит Мать. Известно, что многие ученики Шри Ауробиндо, практикуя йогу под его руководством, в результате раскрытия внутреннего существа становились поэтами. Это происходило столь часто, что Шри Ауробиндо даже стали называть «творцом поэтов».

Дилип Кумар Рой, известный певец и музыкант, ученик и близкий друг Рабиндраната Тагора, стал одним из ближайших учеников Шри Ауробиндо. Вскоре после прихода в Ашрам Шри Ауробиндо под влиянием силы йоги он начал сочинять прекрасные стихи сначала на родном бенгальском, а потом и на английском. Вот что писал ему по этому поводу Шри Ауробиндо:

Поэзия и музыка приходят из внутреннего существа, и чтобы сочинить нечто подлинное и действительно великое, нужно, чтобы у вас был раскрыт канал между наружным умом и чем-то во внутреннем существе. Именно поэтому вы приобрели поэтические способности, когда начали практиковать йогу: сила йоги раскрыла этот канал. ... В действительности, все, что нужно, — это раскрыть, расчистить этот канал, так как все эти необычайные силы и способности уже находятся внутри вас.

Цит. по: Д. К. Рой. Шри Ауробиндо пришел ко мне, с. 219—220

Прочитируем, как сам Д. К. Рой описывает произошедшее с ним.

«Несмотря на присущий мне скептицизм, я вынужден признать, что без активной помощи Шри Ауробиндо и воздействия невидимых йогических сил я не мог бы достичь раскрытия поэтических способностей. ... Прежде чем я присоединился к Ашраму Шри Ауробиндо, я пробовал свои силы в поэзии, но и стиль и ритм моих стихов были столь неуклюжими, что Тагор, который высоко оценивал мои музыкальные способности и даже отзывался обо мне, как об одном из ведущих композиторов Индии, никогда не поощрял моих поэтических упражнений. ...

Когда я стал членом Ашрама, Гуру¹ и Мать рассказали мне, что йога способна совершить много поистине чудесных преобразований в человеке — в том числе может в одночасье развить и совершенное чувство поэтического ритма. Эти слова привели меня в сладостный трепет и я стал молиться о том, чтобы во мне расцвел настоящий поэт. ... Некоторое время спустя я начал переводить стихотворения Гуру на мой родной бенгальский и вскоре вдруг обнаружил, что «чудо» действительно случилось! Увы, я не могу назвать произошедшее ничем меньшим — даже ради того, чтобы умиловить скептика во мне самом или критически настроенного читателя. ... Вопреки всему моему неверию я могу только сказать: «Невероятное произошло!» ... Во мне, словно раскрывающийся бутон, вдруг начало расти ощущение контакта с чем-то вроде моего Даймона, сокровенного духа, который, как я чувствовал, был глубоко связан со Шри Ауробиндо. Это чувство быстро развилось и окрепло, и Шри Ауробиндо, подтверждая мои собственные ощущения, действительно написал мне, высоко оценив меня как «уникального переводчика», что, «именно переводя мои стихи, вы вошли в мой свет». Впоследствии я в полной мере осознал это. ...

Шри Ауробиндо писал мне о моей поэзии:

«Благодаря йогической практике ваши поэтические творения приобрели новое качество — способность выражать с великой чистой радостью утонченные психические² чувства, глубину

¹ Гуру — духовный учитель; имеется в виду Шри Ауробиндо.

² Термин «психическое» Шри Ауробиндо использует для обозначения подлинной души человека, в отличие от его поверхностной эмоциональной «души желаний». Подробнее об этом см. Комментарий, с. 148—149.

мысли и эмоции, которых я до сих пор не встречал в бенгальской поэзии. ... Ваше вдохновение исходит из связи творческого витального инструмента с более глубоким психическим восприятием и опытом... Именно благодаря тому, что установилась эта связь, в вас внезапно пробудился подлинный поэтический дар — ибо прежде его не было, по крайней мере, на поверхности. ... И эта радость выражения психического существа — вашей подлинной души, которая искала такой возможности с детства, — действительно делает сочинение стихов оправданной частью вашей практики йоги». ...

Тагор же так отозвался о моих новых стихах на бенгали:

«До сих пор я видел много ваших сочинений, которые вы причисляли к категории поэзии. Но они вызывали у меня чувство, что вы не нашли пути к сердцу мелодии нашего бенгальского языка, что вы были, так сказать, «калекой» в сочинении стихов. ... Но что это? Такое ощущение, что вы в одночасье обрели поэтический дар! ... Как вам удалось так развить слух? Вам больше незачем сомневаться в своих силах. Но я не могу постичь, как «калека» в один прекрасный день вдруг смог отбросить костыли и помчаться вперед со всех ног! Иногда мне даже кажется, что все это написал кто-то другой. Но нет, теперь, когда Богиня Сарасвати¹ коснулась вашего языка своей волшебной палочкой, вы и вправду можете сами изъясняться своим новопробужденным языком в своем присущем только вам стиле. И то, что вы изрекаете этим языком, проникает в самую душу и сразу прорастает и распускается в ней».

Я цитирую письмо Тагора, поскольку, боюсь, иначе мои читатели не смогут в полной мере оценить весь масштаб и глубину того чудесного преображения, которое наш Гуру осуществил не только во мне, но и во многих других своих учениках...

Я часто удивлялся, почему же он тратил столько своего драгоценного времени, чтобы помогать нам в наших поэтических изысканиях, когда, казалось бы, гораздо более важные вещи напрасно

¹ В индийской традиции — покровительница поэзии.

зывали к его вниманию. ... Только я сам написал более шестисот страниц поэзии на английском и по меньшей мере две тысячи страниц на бенгали, и он не только нашел время внимательно прочитать их все, но и прокомментировал большинство из стихотворений, а также сделал предложения, как их улучшить! ... Часто находя невозможным уделить несколько минут запросам самых выдающихся личностей Индии, он не только продолжал вдохновлять на сочинение стихов таких, как мы, но и в течение многих лет читал и правил наши стихи на английском — и как внимательно! ...

Он всегда внушал нам, что нам нужно продолжать следовать своим собственным путем — выражать в поэзии духовные переживания, психические эмоции и истины, прозреваемые душой на пути к Свету... Он часто говорил нам, что психическая поэзия — то есть поэзия, вдохновленная психической эмоцией и приносящая людям высшие духовные ценности, редко проявляется на земле. ... Для этого, как он подчеркивал, необходимо вывести на передний план психическое существо. И, как он объяснил мне в одном из писем, именно ради этого он и побуждал нас сочинять поэзию:

«Когда вы пишете стихи, за этим всегда стоит психическое существо — даже когда вы находитесь в состоянии ментальной и витальной подавленности, психическое вторгается и вносит собственное самовыражение в то, что вы пишете».

Сочинение такой поэзии помогает душе восходить к Свету. ...

По поводу же удивительного воздействия йогической Силы, которое я испытал и на себе, он писал одному из учеников:

«Как Дилип, который ранее не мог сочинить и одного-единственного добротного стихотворения и не имел чувства ритма и метра, потом, когда приехал сюда, вдруг — а не после «долгих, кропотливых усилий» — расцвел в поэта, знатока ритма и метра — так что даже Тагор был ошеломлен, увидев, как, по его выражению, «хромой отбросил костыли и помчался со всех ног» по дороге поэтического творчества? ... Даже если с помощью йоги можно мгновенно или за несколько дней достичь того, что обычно требует долгих, кропотливых усилий и искрен-

ней, серьезной культивации, это уже показывает силу йоги. Но если в существе вдруг стремительно и спонтанно возникает способность, дар, которого прежде вообще не было, или беспомощность превращается в высочайшую способность, или чуть пробивающийся талант с такой же быстротой развивается в свободную полновластную искусность — это ли не самое убедительное свидетельство могущества йогической силы?»

Д. К. Рой. Шри Ауробиндо пришел ко мне, с. 220—247

*

Воспоминания Д. К. Роя точно описывают процесс раскрытия в человеке более высоких способностей под воздействием силы Йоги. Сходные изменения я наблюдал и в себе под влиянием силы «Савитри», которая исполнена высшего сознания, выраженного Шри Ауробиндо в слове. Постепенно я ощутил определенное раскрытие в себе поэтических способностей: мой перевод стал обретать все большую поэтическую гармонию; кроме того, стали возникать и собственные стихи, сначала на русском, а потом и на английском. Приведу строки одного из своих стихотворений на английском языке (опубл. в сборнике *Nirodbaran: Divinity's Comrade. — Delhi. The Gnostic Centre, 2003*), написанного к 100-летию юбилею близкого ученика и секретаря Шри Ауробиндо Ниродбарана, который в последние годы жизни Гуру записывал «Савитри» под его диктовку и который под влиянием духовной силы Учителя из прагматичного доктора превратился во вдохновенного поэта-мистика; в этих строках как раз и описывается тонкий процесс пробуждения-раскрытия в духовном искателе внутреннего поэта:

*Touching his heart with His mighty beam,
The Lord a poet awakened in him
And dropped so many a poem-star
From the distant heaven to his praying jar.*

*Коснувшись сердца властной дланью Света,
Учитель вдруг в нем пробудил поэта
И іааді звезды строф с небес манящих
Ронял, любя, в кувшин его молящий.*

Эти примеры показывают могучую эффективность мантрической поэзии как средства раскрытия подлинного существа человека. Риска, быть непонятым и обвиненным в нескромности, я все же решил поделиться и своим опытом, чтобы собственным примером засвидетельствовать действительность мантрической силы «Савитри». Сознание и Сила Шри Ауробиндо, воплощенные в ее удивительных строках, продолжают работать и доступны каждому искреннему искателю, который готов приложить определенные усилия, чтобы погрузиться в светоносный океан «Савитри».

Итак, теперь, для того, чтобы понимать строки «Савитри» в подлиннике, мне уже не нужно было переводить их на русский, но перевод стал потребностью моей души: я ощутил глубокое стремление попытаться выразить великую красоту, силу и глубину «Савитри» на русском языке.

Изучение «Савитри» и работа по переводу

В течение нескольких лет я работал в издательстве «Адити», где приобрел очень ценный и многосторонний опыт: я участвовал в подготовке к изданию многих трудов Шри Ауробиндо и Матери, выполненных разными переводчиками, редактировал самые разнообразные тексты. Это дало мне возможность усвоить достижения и опыт других переводчиков и тем самым существенно расширить свой языковой диапазон. Все это время я не прекращал заниматься изучением «Савитри». Она стала моим бесценным другом и советчиком, спутником и водителем на жизненных дорогах. Она дарила мне вдохновение и силы для жизни и работы. Очень большую помощь в понимании и осмыслении «Савитри», а также жизни и труда Шри Ауробиндо и Матери в целом мне дали многократные посещения Ашрама Шри Ауробиндо в Пондичерри, где я имел счастливую возможность более глубоко изучить материалы и факты, связанные с жизнью и деятельностью Шри Ауробиндо и в первую очередь — с созданием им «Савитри», а также пообщаться с близкими учениками Шри Ауробиндо и Матери, прежде всего с уже упоминавшимся Ниродбараном и с Амаль Кираном — самым выдающимся поэтом Ашрама, которого Шри Ауробиндо считал духовным поэтом мирового значения и с которым вел обширную

переписку относительно мистической поэзии и даже обсуждал «Савитри», работая над ней. Общение с этими глубоко умудренными людьми помогло мне получить подробные разъяснения по самым разным вопросам, касающимся «Савитри» и процесса ее создания, принципов перевода, трудностей и перспектив мистической поэзии и других важных для меня тем, и я хотел бы выразить им самую сердечную благодарность за интерес к моей работе и неоценимую помощь в ней. Большую помощь в понимании «Савитри» мне также оказало изучение поэмы в международном городе Ауровиле, создаваемом недалеко от Пондичерри под эгидой ЮНЕСКО, где в Савитри Бхаване, или «Доме Савитри», проходят различные учебные программы, посвященные «Савитри» и другим трудам Шри Ауробиндо. Очень полезным было посещение лекций по «Савитри» Шраддхаван, д-ра Надкарни, проф. Маноджа Даса, д-ра Ананды Редди, Нарада и других искренних исследователей, которые много десятилетий серьезно изучают поэму. Хочу выразить всем им глубокую признательность за помощь в постижении «Савитри». Я также искренне благодарен Владимиру Яценко, санскриптологу, живущему в Ауровиле, за ценные идеи, позволившие мне глубже понять многие аспекты «Савитри». Кроме того, много интересных и полезных материалов я нашел и в различных изданиях и комментариях, посвященных «Савитри» (см. в Библиографии).

О переводе «Савитри»

С самого начала работы по переводу «Савитри» я часто слышал, что перевести «Савитри» невозможно. Теперь, после 15 лет интенсивной работы над переводом, я очень глубоко осознал, НАСКОЛЬКО это невозможно. «Савитри» НЕПЕРЕВОДИМА, и об этом не раз говорила и писала Мать. На самом деле, это очевидно, ведь поэма создавалась не просто как еще одно поэтическое произведение, а как Откровение высочайших уровней Сознания, которые можно выразить в человеческом слове. Это Боговдохновенная поэзия и поэтому перевести ее действительно невозможно. Даже если подняться к тому же Сознанию, откуда изошли строки «Савитри», результатом будет уже некая другая поэзия, пусть и выражаемая тем же божественным Вдохновением; это будет уже не «Савитри»,

а другое произведение. Перевести же «Савитри» на обычном ментальном уровне — значит, в лучшем случае, сделать искаженную плоскую проекцию трехмерного объекта — и не просто объекта, а блистательнейшего, многограннейшего и глубочайшего духовного шедевра. Очевидно, что исходный объект и его проекция будут несопоставимы друг с другом. Это можно сравнить, например, с нашим восприятием и ощущениями при соприкосновении с лучами живого, реального солнца и с его изображением на бумаге.

Текст «Савитри» столь насыщен, имеет столько глубочайших смысловых оттенков (очень часто в одном словосочетании одновременно функционируют два, три и даже более уровней или аспектов смысла), обладает настолько тонкой и необычной звукописью, что передать все это с достаточной адекватностью просто невозможно. Строки поэмы столь емки по содержанию и вместе с тем лаконичны, что очень часто передать одну строку удастся только двумя. При этом теряется или значительно снижается лаконичная интенсивность оригинального текста либо строки получаются куцыми и банальными по сравнению с великолепными, пространственными на пределе возможностей языка и вместе с тем чрезвычайно гармоничными и сбалансированными строками подлинника и их свободным, плавным и величественным движением. Здесь уместно вспомнить, что Шри Ауробиндо уделял большое внимание количеству строк в каждом предложении, чтобы достичь гармоничного сочетания предложений и добиться тем самым, с одной стороны, сбалансированности всего текста, а с другой — отсутствия монотонности за счет более масштабных модуляций его структуры. Очевидно, что лишние строки нарушают эту тонкую масштабную гармонию.

Даже при попытке передать смысл подлинника в прозаическом переводе сталкиваешься с тем, что это совершенно невозможно, поскольку, во-первых, очень часто одна и та же фраза в «Савитри», как уже говорилось, имеет несколько смыслов, которые при чтении возникают в сознании одновременно, и передать эту многомерность прозой невозможно; а во-вторых, игра смысловых оттенков столь утонченна и часто столь сложна, что ее невозможно выразить средствами другого языка. Да и можно ли пересказать прозой шедевр поэтического вдохновения? Кроме того, следует помнить, что глубоко символичная и часто очень многозначная об-

разность «Савитри» является живым выражением конкретного духовного опыта. По словам Матери, *«Савитри» — это оккультное знание и духовный опыт. Определенную ее часть можно понять ментально — но для понимания большей ее части требуются те же самые знание и опыт* (М. Шаркар. Гармонии Света, с. 30). Когда по прошествии некоторого времени перечитываешь «Савитри», каждый раз прочитанное предстает в совершенно новом свете и открываются вещи, которых раньше, казалось, не было. Поэтому каждый может увидеть в «Савитри» только то, что готово воспринять его сознание, то есть любое ее восприятие будет заведомо ограниченным, не говоря уже о попытках передать это восприятие на другом языке.

И наконец, главное. «Савитри» — это мантра и в ней ведущую роль играет ЗВУКОПИСЬ, *«сущность звуков, образующая сущность слов»*, как говорит сам Шри Ауробиндо. Очевидно, что при любой попытке воспроизвести «Савитри» на другом языке вся эта магическая звукопись будет безвозвратно утрачена. О какой же адекватности можно говорить, если в «перевод» заведомо утрачивается, вероятно, наиболее важная составляющая подлинника?

Таким образом, тексты, представленные здесь, являются интерпретацией, переложением великого божественного шедевра — это то, что мне удалось открыть в «Савитри» в результате многолетней работы, что удалось вместить и передать на русском языке. Чтобы попытаться максимально полно представить «Савитри» на русском языке, были сделаны две интерпретации оригинального текста: поэтическая и прозаическая. Поэтическое переложение призвано в максимально возможной степени передать русскоязычному читателю поэтическую красоту и силу «Савитри». При этом в случаях, когда приходилось выбирать между большей красотой строки и ее большей смысловой точностью, выбор делался в пользу красоты. Прозаическое переложение, наоборот, ставит целью максимально точную передачу на русском языке смысла строк «Савитри», при этом однако выдвигалась задача создать и как можно более гармоничный и поэтический текст, чтобы передать и в нем нечто от красоты и гармонии подлинника.

Нужно помнить, что оба текста, и поэтический, и прозаический, являются лишь переложениями подлинника, личностной,

а значит заведомо ограниченной и неточной, интерпретацией глубочайшего Боговдохновенного откровения великого провидца. Они призваны дать русскоязычному читателю первое представление о «Савитри», а также помочь всем интересующимся в освоении оригинального текста. Однако, несмотря на все вышесказанное, обнаружилось, что поэтическое переложение «Савитри» все же имеет одно очень серьезное достоинство. В нем хотя бы в какой-то мере, пусть зачастую в видоизмененной и переработанной форме, оживают и вибрируют образы подлинника, — а по словам Шри Ауробиндо, *«абстракции дают нам чистую концепцию Божьих истин; образы даруют нам их живую реальность»* (Час Бога, с. 66). «Савитри» можно охарактеризовать как образно-интуитивное откровение: именно за счет живых образов, воплощенных в магической звукописи, происходит ее мантрическое воздействие на сознание. Поэтому поэзия, пусть и в несовершенной форме, способна более живо, чем любое прозаическое выражение, передать образно-вибрационное содержание «Савитри» и облегчить его восприятие для изучающих эпос в подлиннике.

Я заверяю читателя, что старался быть как можно более бережным с подлинником как в поэтическом переложении, стремясь максимально сохранить его поэтическую красоту и силу, так и в прозаическом, пытаясь как можно точнее передать глубочайший и многогранный смысл великого духовного Откровения; я прошу прощение за все возможные неточности и искажения, допущенные как по субъективным, так и по объективным причинам.

О причинах и принципах издания серии

В последние годы интерес к «Савитри» среди русскоязычных читателей заметно растет. В разных городах начинают работать группы по изучению этого грандиозного эпоса; многие пытаются знакомиться с ним самостоятельно. В связи с этим мои переложения «Савитри» оказались востребованными и полезными для людей, пытающихся осваивать это труднейшее произведение. Многие изучающие с благодарностью и энтузиазмом восприняли эти материалы и именно по их настоятельным просьбам начато издание Песней «Савитри».

Сам Шри Ауробиндо работал над «Савитри» в течение нескольких десятилетий, перерабатывая поэму снова и снова, чтобы добиться максимального совершенства каждой строки и произведения в целом. Отдельные части эпоса он переписывал десятки раз. Издавать «Савитри» он начал в 1946 г. отдельными Песнями и при этом продолжал дорабатывать текст как на этапе публикации, так и уже после издания Песней, прежде чем опубликовать произведение целиком. Не удивительно, что и мы решили начать издание переложений «Савитри» с отдельных Песней. Главная причина этого — в необычайной сложности текста подлинника, в связи с чем качественная подготовка материалов даже к одной Песни требует огромного труда, и конечно, гораздо легче качественно подготовить к изданию одну Песнь, чем сразу целую Книгу и тем более Часть «Савитри». При этом сейчас у достаточно широкого круга людей, изучающих «Савитри», существует серьезная и неотложная потребность в этих учебных материалах. Поэтому мы решили, что целесообразнее издавать материалы к «Савитри» небольшими завершенными Песнями, чем ждать, пока будут приемлемо доработаны переложения целых Книг или Частей поэмы. Это, с одной стороны, позволит более тщательно и качественно готовить публикуемые материалы, а с другой — даст возможность читателям и изучающим «Савитри» более глубоко, обстоятельно и планомерно осваивать публикуемые тексты. Кроме того, не нужно забывать, что «Савитри» исполнена могучей духовной силой, оказывающей глубокое воздействие на все существо человека. Так что к этому тексту нужно приближаться с благоговением и знакомиться с ним постепенно, чтобы гармонично вмещать и в полной мере усваивать его.

Хочу искренне поблагодарить моих близких, оказывающих мне такую сердечную помощь и поддержку, а также всех друзей из Ауруконференции, Ашрама Шри Ауробиндо и Ауровиля, чья духовная и материальная помощь сделала возможной публикацию серии, и вообще — всех тех, чьи высокие помыслы и неравнодушные сердца способствовали выходу в свет этих публикаций. Мы надеемся, что наши издания помогут всем искренним искателям найти свой путь в мир божественной Красоты и Мудрости «Савитри».

Д. Мельгунов

КОМПОЗИЦИЯ КНИГИ

Материалы книги расположены следующим образом. Вначале после предисловия к серии и заметки о материалах серии представлено поэтическое переложение с параллельным оригинальным текстом на английском языке. Затем дается прозаическое переложение без параллельного английского текста — для удобства тех, кто хочет просто познакомиться с содержанием публикуемой Песни без сопоставления переложения с подлинником. Для облегчения восприятия текста смысловые блоки выделены красной строкой в поэтическом и отделены пробельной строкой в прозаическом переложении. Далее приводятся сводные учебные материалы для тех, кто пытается изучать «Савитри» в подлиннике: для их удобства даются одновременно поэтическое и уточненное прозаическое переложение с параллельным английским текстом. По ходу текста курсивом в угловых скобках приведены условные названия смысловых блоков. Тексты сопровождаются нумерацией строк; а в квадратных скобках дана постраничная нумерация, соответствующая изданию Ашрама Шри Ауробиндо. После сводных материалов помещены комментарии к тексту. Кроме того, чтобы читатель мог составить более полное представление о сюжете эпоса и месте в нем публикуемой Песни, в книге дается краткое содержание поэмы — причем содержание Части второй, к которой относится публикуемая Песнь, освещается более подробно, по Песням, содержание же Части первой и третьей представлено в обобщенном виде. В конце книги приводятся глоссарий и библиография, а также краткая биография Шри Ауробиндо и Матери.

О «САВИТРИ»

Сказание о Сатьяване и Савитри излагается в Махабхарате как история супружеской любви, побеждающей смерть. Но эта легенда, как показали многие особенности человеческого повествования, является одним из множества символических мифов ведийского цикла.

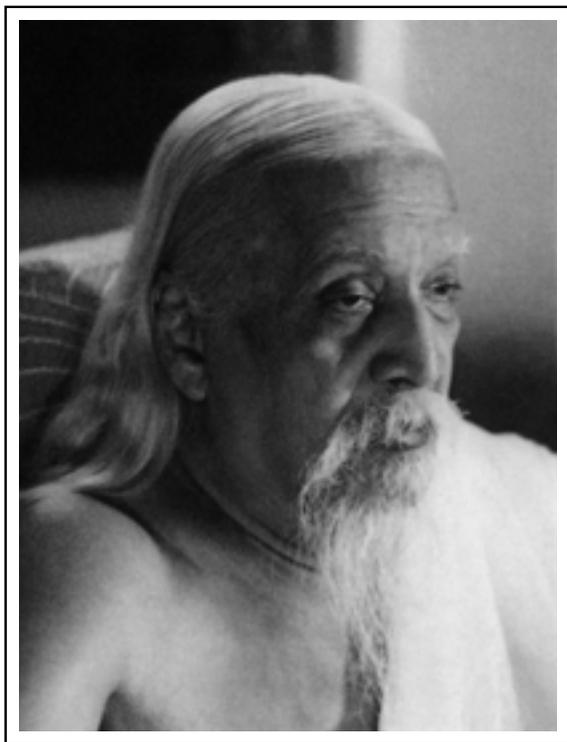
Сатьяван — это душа, несущая в себе божественную истину бытия, но низошедшая во власть смерти и неведения; Савитри — Божественное Слово, дочь Солнца, богиня верховной Истины, которая нисходит и рождается во имя спасения мира; Ашвапати, Повелитель Коня, ее человеческий отец, является Повелителем *тапаси*, концентрированной энергии духовного устремления, помогающей нам взойти от смертного к бессмертным планам бытия; Дьюматсена, Повелитель Светозарных Воинств, отец Сатьявана, это Божественный Разум, который здесь ослеп, утратив свое небесное царство видения и в результате этой потери — и свое царство величия и славы.

Тем не менее, все это — не просто аллегория, а герои сказания — не просто персонифицированные качества, но воплощения или эманации живых сознательных Сил, с которыми мы можем установить конкретную взаимосвязь, и они воплощаются в человеческих телах, чтобы прийти на помощь человеку и показать ему путь из его смертного состояния к божественному сознанию и бессмертной жизни.

*

Савитри представлена в поэме как воплощение божественной Матери. Предполагается, что это воплощение имело место во времена далекого прошлого, когда необходимо было совершить все это открытие и «проторить пути к Бессмертью».

Шри Ауробиндо

Шри Ауробиндо
1950

*О Провидец глубокосердный, Царь всевышних таинств,
Ты, исторгнутый Сердцем Божьим сокровенной любви поток,
Ты проник в те шифры, где из смертных не бывал никто.
Душу обнял прилив морей, что берега небес омывают,
И глаголы Знания волнами пламени полились,
Засверкали нагие мысли, проникая во мрак бессветный...
Белозвездные свитки богов из хранилищ заветных Света
Ты открыл, за строкой строка, темным детям земли.*

Шри Ауробиндо. Провидец

КНИГА IV

КНИГА РОЖДЕНИЯ И ПОИСКА

ПЕСНЬ 1

Рождение и детство Пламени

Поэтическое переложение

BOOK FOUR

THE BOOK OF BIRTH AND QUEST

Canto One

The Birth and Childhood of the Flame

A Maenad of the cycles of desire
Around a Light she must not dare to touch,
Hastening towards a far-off unknown goal
Earth followed the endless journey of the Sun.
5 A mind but half-awake in the swing of the void
On the bosom of Inconscience dreamed out life
And bore this finite world of thought and deed
Across the immobile trance of the Infinite.
A vast immutable silence with her ran:
10 Prisoner of speed upon a jewelled wheel,
She communed with the mystic heart in Space.
Amid the ambiguous stillness of the stars
She moved towards some undisclosed event
And her rhythm measured the long whirl of Time.
15 In ceaseless motion round the purple rim
Day after day sped by like coloured spokes,
And through a glamour of shifting hues of air
The seasons drew in linked significant dance
The symbol pageant of the changing year.
20 Across the burning languor of the soil
Paced Summer with his pomp of violent noons
And stamped his tyranny of torrid light
And the blue seal of a great burnished sky.
Next through its fiery swoon or clotted knot
25 Rain-tide burst in upon torn wings of heat,
Startled with lightnings air's unquiet drowse,
Lashed with life-giving streams the torpid soil,

МЕНАДОЮ кружений вожделенных
Вкруг Света, недоступного вовек,
Спеша к далекой неизвестной цели,
Земля влеклась за Солнцем в вечный путь.
Очнувшись в колыбели пустоты,
На лоне Бессознания сонный разум
Лелеял грезу жизни и стремил
Свой мир конечный мыслей и деяний
Сквозь транс недвижимый бесконечных Ширей.

Лишь вечное безмолвье мчалось с нею:
Влекума самоцветным колесом,
Не в силах одолеть его вращенье,
Она лишь поверяла боль свою
Мистическому сердцу мироздания.
Средь мнимой неподвижности светил
Она неслась к безвестному исходу,
И бег ее чеканил ритм времен.
В своем безостановочном вращеньи,
Подобны разноцветным спицам, дни
Спешили вслед за ободом пурпурным;
И в одеяньях перемен воздушных
Шли месяцы, слагаясь в мудром танце
В процессию времен-знамений года.

Сквозь жаркую истому всей Природы
Шагало Лето в блеске знойных полдней,
Тирания землю раскаленным светом
И жгучей синью блещущих небес.
За ним на крыльях свергнутого жара
Сквозь воспаленный обморок иль спазм
Ворвался жизнедарный шквал дождя,
Встревожил блеском молний сонный воздух,
Смыл омертвенье с выжженных равнин,

Overcast with flare and sound and storm-winged dark
 The star-defended doors of heaven's dim sleep,
 30 Or from the gold eye of her paramour
 Covered with packed cloud-veils the earth's brown face.
 Armies of revolution crossed the time-field,
 The clouds' unending march besieged the world,
 Tempests' pronunciamientos claimed the sky
 35 And thunder drums announced the embattled gods.
 A traveller from unquiet neighbouring seas,
 The dense-maned monsoon rode neighing through earth's hours:
 Thick now the emissary javelins:
 Enormous lightnings split the horizon's rim
 40 And, hurled from the quarters as from contending camps,
 Married heaven's edges steep and bare and blind:
 A surge and hiss and onset of huge rain,
 The long straight sleet-drift, clamours of winged storm-charge,
 Throngs of wind-faces, rushing of wind-feet
 45 Hurrying swept through the prone afflicted plains:
 Heaven's waters trailed and dribbled through the drowned land.
 Then all was a swift stride, a sibilant race,
 Or all was tempest's shout and water's fall.
 A dimness sagged on the grey floor of day,
 50 Its dingy sprawling length joined morn to eve,
 Wallowing in sludge and shower it reached black dark.
 Day a half darkness wore as its dull dress.
 Light looked into dawn's tarnished glass and met
 Its own face there, twin to a half-lit night's:
 55 Downpour and drip and seeping mist swayed all
 And turned dry soil to bog and reeking mud:
 Earth was a quagmire, heaven a dismal block.
 None saw through dank drenched weeks the dungeon sun.

Затмил огнем и мраком вихрекрылым
Врата ко сну небес под стражей звезд
Иль от золотого любящего ока
Скрыл туч вуалью смуглый лик земли.
Мятежная армада вторглась в лета,
Несметных туч полки стеснили мир,
Повстанцы-смерчи слали вызов небу,
И грозовая дробь на штурм звала богов.
С бушующих морей с громóвым ржаньем
Принесся вскачь муссон косматогривый:
И грянули дружной тараны молний,
И раскололся обруч горизонта,
И с двух сторон небес — двух вражьих станов
Сошлись, схлестнулись тьмы тяжелых ратей:
Потоки вод, шипя, бушуя, ширясь,
Разгульный ливневихрь и рев смерч-крылый,
Шум ветроног, смешенье ветроликов
Низверглись на распластанную землю.
И утонула персть в небесной влаге:
Повсюду вздулись яростные воды,
Вскипели, понеслись, крутятся и споря,
Повсюду бился дождь, стонала буря.
День облачился сумраком унылым:
Из слякотного утра в сизый вечер
Во влажной хмари серо он тянулся
И погружался в морозящий мрак,
И в потускневшем зеркале зари
Встречал свой бледный лик ночеподобный.
Все набухало, хлюпало, сочилось:
Зловонной жижей стал иссохший прах,
Земля — болотом, небо — хлябью хмурой.
За пеленой сырых промозглых дней
Неделями томилось солнце-узник.

Even when no turmoil vexed air's sombre rest,
60 Or a faint ray glimmered through weeping clouds
As a sad smile gleams veiled by returning tears,
All promised brightness failed at once denied
Or, soon condemned, died like a brief-lived hope.
Then a last massive deluge thrashed dead mire
65 And a subsiding mutter left all still,
Or only the muddy creep of sinking floods
Or only a whisper and green toss of trees.
Earth's mood now changed; she lay in lulled repose,
The hours went by with slow contented tread:
70 A wide and tranquil air remembered peace,
Earth was the comrade of a happy sun.
A calmness neared as of the approach of God,
A light of musing trance lit soil and sky
And an identity and ecstasy
75 Filled meditation's solitary heart.
A dream loitered in the dumb mind of Space,
Time opened its chambers of felicity,
An exaltation entered and a hope:
An inmost self looked up to a heavenlier height,
80 An inmost thought kindled a hidden flame
And the inner sight adored an unseen sun.
Three thoughtful seasons passed with shining tread
And scanning one by one the pregnant hours
Watched for a flame that lurked in luminous depths,
85 The vigil of some mighty birth to come.
Autumn led in the glory of her moons
And dreamed in the splendour of her lotus pools
And Winter and Dew-time laid their calm cool hands
On Nature's bosom still in a half sleep
90 And deepened with hues of lax and mellow ease
The tranquil beauty of the waning year.

И даже в час угрюмого затишья,
Когда проглянет свет из скорбных туч,
Как горькая улыбка меж рыданий,
Желанный луч во мгле скрывался вскоре,
Надеждой зыбкой таял в вышине.

Но вот последний шквал встревожил хляби,
Последний рыкнул гром — и стихло все;
Лишь крались робко мутные потоки
И, трепеща, дерев шептались кроны.
Земля обмякла, распростерлась в неге;
Часы текли размеренно и мирно:
Вновь вспомнил тишь безбрежный ясный воздух,
Земля сдружилась вновь с блаженным солнцем.
Настал покой, как в ожиданье Бога,
Разлился свет мечтательного транса;
В уединенном сердце созерцанья
Родились единенье и блаженство.
И Время вскрыло кладовые счастья,
Мечта закралась в смутный ум Пространства,
Явились ликование и надежда:
Заветный дух воззрил к небесным высям,
В глубинной мысли вспыхнул тайный пламень,
Глубинный взор пленился скрытым солнцем.
И мудрых три поры прошли лучистым шагом,
За часом час высматривая зорко
Заветный пламень в плодоносных глубях,
Бессонный пыл великого рожденья.
Явилась Осень полных лун красою
И светлой грезой лотосных озер;
Зима и Время рос в объятых хладных
Ласкали сонную еще Природу
И осеняли негою покойной
Прекрасный лик свершившегося года.

Then Spring, an ardent lover, leaped through leaves
And caught the earth-bride in his eager clasp;
His advent was a fire of irised hues,
95 His arms were a circle of the arrival of joy.
His voice was a call to the Transcendent's sphere
Whose secret touch upon our mortal lives
Keeps ever new the thrill that made the world,
Remoulds an ancient sweetness to new shapes
100 And guards intact unchanged by death and Time
The answer of our hearts to Nature's charm
And keeps for ever new, yet still the same,
The throb that ever wakes to the old delight
And beauty and rapture and the joy to live.
105 His coming brought the magic and the spell;
At his touch life's tired heart grew glad and young;
He made joy a willing prisoner in her breast.
His grasp was a young god's upon earth's limbs:
Changed by the passion of his divine outbreak
110 He made her body beautiful with his kiss.
Impatient for felicity he came,
High-fluting with the coil's happy voice,
His peacock turban trailing on the trees;
His breath was a warm summons to delight,
115 The dense voluptuous azure was his gaze.
A soft celestial urge surprised the blood
Rich with the instinct of God's sensuous joys;
Revealed in beauty, a cadence was abroad
Insistent on the rapture-thrill in life:
120 Immortal movements touched the fleeting hours.
A godlike packed intensity of sense
Made it a passionate pleasure even to breathe;

И вот Весенний Дух, влюбленный пылкий,
Взметнувшись из листвы новорожденной,
В объятия заключил невесту-землю;
Он вспыхнул всюду радужным огнем,
Он обнял все своим счастливым вихрем.
Он зазвенел призывом к сферам Божьим,
Чье тайное дыханье в жизни бренной
Хранит неугасимым, неизбывным
Блаженный трепет, сотворивший мир,
Пьянит нектаром древним в новых формах,
Живит извечно тот сердечный отклик,
Что будит в нас Природы чудный лик,
И вечно заново творит все тот же
Немолчный пульс, что полнит прежним счастьем,
Восторгом, красотой и жаждой жить.
С ним стало все пленительным, волшебным;
Он юность пробудил в уставшей жизни,
Вселяя радость в сладкий сердца плен.
Он стиснул землю, словно юный бог,
И от его божественных лобзаний
Она оделась новою красой.
Явился он, объятый жаждой счастья,
Звеня на флейте трелью соловьиной,
Воздев на кроны свой тюрбан павлиний;
Был вздох его приливом упоенья
И взор его — глубокой страстной синью.
Небесный мягкий ток прихлынул в кровь,
Пылая Божьей чувственной усладой;
Повсюду плыл, рожденный красотой,
Каданс восторга трепетного жизни:
Бессмертный ритм коснулся бранных дней.
Воспрявших чувств огонь богоподобный
Усладой пылкой сделал каждый вздох.

All sights and voices wove a single charm.
 The life of the enchanted globe became
 125 A storm of sweetness and of light and song,
 A revel of colour and of ecstasy,
 A hymn of rays, a litany of cries:
 A strain of choral priestly music sang
 And, swung on the swaying censer of the trees,
 130 A sacrifice of perfume filled the hours.
 Asocas burned in crimson spots of flame,
 Pure like the breath of an unstained desire
 White jasmines haunted the enamoured air,
 Pale mango-blossoms fed the liquid voice
 135 Of the love-maddened coil, and the brown bee
 Muttered in fragrance mid the honey-buds.
 The sunlight was a great god's golden smile.
 All Nature was at beauty's festival.

In this high signal moment of the gods
 140 Answering earth's yearning and her cry for bliss,
 A greatness from our other countries came.
 A silence in the noise of earthly things
 Immutably revealed the secret Word,
 A mightier influx filled the oblivious clay:
 145 A lamp was lit, a sacred image made.
 A mediating ray had touched the earth
 Bridging the gulf between man's mind and God's;
 Its brightness linked our transience to the Unknown.
 A spirit of its celestial source aware
 150 Translating heaven into a human shape
 Descended into earth's imperfect mould
 And wept not fallen to mortality,
 But looked on all with large and tranquil eyes.
 One had returned from the transcendent planes

Весь белый свет предстал единым чудом;
Вся жизнь на зачарованной земле
Взыграла бурей счастья, света, песнью,
Неистовством услад и буйством красок,
Литанией лучей, хоралом кличей:
Повсюду возносился гимн священный
И, вея над лампадами дерев,
Курились фимиамы ароматов.
Багрянцем крон ашоки пламенели;
Чисты как пыл безгрешного желанья,
Пьянили воздух белые жасмины;
Соцветья нежных манго вдохновляли
Безумца-соловья, и желтый шмель
Гудел счастливо над медовым цветом.
Улыбкой божества сияло солнце.
Природа всеблистала красотою.

В тот звездный судьбоносный час богов
В ответ земному стону о блаженстве
Родилось наших вышних стран величье.
Безмолвие средь гомона мирского
Всевластно изрекло Глагол заветный,
Могучий ток прихлынул в косный прах:
Явился горний светоч, дивный образ.
Связуя человеческий разум с Божьим,
Как мост над бездной, ясный луч пролет
Из запредельных сфер — в земное тленье
И в прахе отразил небесный облик.
Великий дух сошел во плоть людскую,
Что помнил свой возвышенный исток
И не скорбел о низверженье в смерть,
Но обнял мир покойным светлым взором.
Та, что вовек сражалась с тьмой и болью,

- 155 And bore anew the load of mortal breath,
Who had striven of old with our darkness and our pain;
She took again her divine unfinished task:
Survivor of death and the aeonic years,
Once more with her fathomless heart she fronted Time.
- 160 Again there was renewed, again revealed
The ancient closeness by earth-vision veiled,
The secret contact broken off in Time,
A consanguinity of earth and heaven,
Between the human portion toiling here
- 165 And an as yet unborn and limitless Force.
Again the mystic deep attempt began,
The daring wager of the cosmic game.
For since upon this blind and whirling globe
Earth-plasm first quivered with the illumining mind
- 170 And life invaded the material sheath
Afflicting Inconscience with the need to feel,
Since in Infinity's silence woke a word,
A Mother-wisdom works in Nature's breast
To pour delight on the heart of toil and want
- 175 And press perfection on life's stumbling powers,
Impose heaven-sentience on the obscure abyss
And make dumb Matter conscious of its God.
Although our fallen minds forget to climb,
Although our human stuff resists or breaks,
- 180 She keeps her will that hopes to divinise clay;
Failure cannot repress, defeat o'erthrow;
Time cannot weary her nor the Void subdue,
The ages have not made her passion less;

Вернулась вновь из высей неземных
И вновь взвалила бремя смертной жизни,
Возобновив божественный свой труд:
Бессмертная, пройдя сквозь бездны лет,
Она пришла в своей любви безмерной
Вновь бросить вызов Времени и Смерти.
Из-под покровов виденья земного
Явилось вновь извечное родство,
Единобытие земли и неба,
Взаимосвязь, незримая во тленье,
Частицы праха, здесь вершащей труд,
С доселе не рожденной высшей Силой.
Вновь началось заветное дерзанье,
Рисковый кон космической игры.
Ведь на кружащем косном этом шаре
С тех пор, как свет ума коснулся плазмы,
И жизнь влилась в сосуд материальный,
Тревожа Несознание жаждой чувств,
И в вечной Тишине очнулось слово, —
В груди Природы трудится вовеки,
Пылает Матерь-мудрость, увлекая
К блаженству сердце тягот и желаний,
К безгрешности слепую силу жизни,
К небесной страсти сумрачные бездны,
Материю немую — к знанию Бога.
Пусть спит наш ум, забыв о восхождении,
Пусть медлит и бунтует наша персть —
Своей незыблемой мечтою-волей
Она к обожествленью движет прах.
Не утомляясь временем и тленьем,
Не поддаваясь гнету Пустоты,
Она идет вперед неудержимо
И пыл ее не остудить векам.

No victory she admits of Death or Fate.
185 Always she drives the soul to new attempt;
Always her magical infinitude
Forces to aspire the inert brute elements;
As one who has all infinity to waste,
She scatters the seed of the Eternal's strength
190 On a half-animate and crumbling mould,
Plants heaven's delight in the heart's passionate mire,
Pours godhead's seekings into a bare beast frame,
Hides immortality in a mask of death.
Once more that Will put on an earthly shape.
195 A Mind empowered from Truth's immutable seat
Was framed for vision and interpreting act
And instruments were sovereignly designed
To express divinity in terrestrial signs.
Outlined by the pressure of this new descent
200 A lovelier body formed than earth had known.
As yet a prophecy only and a hint,
The glowing arc of a charmed unseen whole,
It came into the sky of mortal life
Bright like the crescent horn of a gold moon
205 Returning in a faint illumined eve.
At first glimmering like an unshaped idea
Passive she lay sheltered in wordless sleep,
Involved and drowned in Matter's giant trance,
An infant heart of the deep-caved world-plan
210 In cradle of divine inconscience rocked
By the universal ecstasy of the suns.

Ей не страшны провал и поражение;
Всегда, опровергая смерть и рок,
На новый шторм она выводит душу;
Волшебной беспредельностью своею
Влечет слепые грубые стихии;
И, словно расточая бесконечность,
Роняет семя вечного Всевластья
В недолговечный полумертвый прах
И в страстный сердца ил — усладу неба,
Исканья бога будит в полузвере,
Бессмертье прячет под личиной смерти.

Вновь Воля та в земной явилась плоти.
Вновь, вдохновленный Истиной нетленной,
Для виденья и объясненья знанья
Был образован лучезарный Разум
И все орудья вылеплены властно,
Явив в приметах смертных божество.
И, подчиняясь силе Нисхожденья,
Сплотился прах в пленительное тело —
Прекрасней не рождалось на земле.
И целиком неведомое диво,
Еще лишь тонким светочем-знаменьем,
Вдруг показалось в небе смертной жизни —
Златым рожком луны новорожденной,
Что озарила вновь плененный сумрак.
Вначале, теплясь искоркой идеи,
Она лежала, немо, недвижимо,
Во власти сна, в материальном трансе:
Дитя — опора мирового плана,
Таимого в пещере сокровенной,
Вселенной сердце, — словно в колыбели,
В божественном почилосознаныи
Под сенью экстатических светил.

Some missioned Power in the half-wakened frame
Nursed a transcendent birth's dumb glorious seed
For which this vivid tenement was made.
215 But soon the link of soul with form grew sure;
Flooded was the dim cave with slow conscient light,
The seed grew into a delicate marvellous bud,
The bud disclosed a great and heavenly bloom.
At once she seemed to found a mightier race.
220 Arrived upon the strange and dubious globe
The child remembering inly a far home
Lived guarded in her spirit's luminous cell,
Alone mid men in her diviner kind.
Even in her childish movements could be felt
225 The nearness of a light still kept from earth,
Feelings that only eternity could share,
Thoughts natural and native to the gods.
As needing nothing but its own rapt flight
Her nature dwelt in a strong separate air
230 Like a strange bird with large rich-coloured breast
That sojourns on a secret fruited bough,
Lost in the emerald glory of the woods
Or flies above divine unreachable tops.
Harmoniously she impressed the earth with heaven.
235 Aligned to a swift rhythm of sheer delight
And singing to themselves her days went by;
Each minute was a throb of beauty's heart;
The hours were tuned to a sweet-toned content
Which asked for nothing, but took all life gave
240 Sovereignly as her nature's inborn right.

Хранимое особой Силой свыше,
В созданье сонном зрело чудо-семя,
Готова трансцендентное рожденье,
Что озарить должно сосуд прелестный.
Но вот окрепла связь души и формы;
В пещерной тьме забрезжил свет сознанья,
Бутоном нежным распустилось семя,
Бутон расцвел цветком красы небесной.
И словно новая родилась роса;
Дитя — предтеча рода всемогущих,
Придя на странный непонятный шар,
Но помня в сердце свой далекий кров,
Она жила, от мира затворившись
В пресветлой келье духа своего,
Божественна, средь смертных одинока.
В ней ощущалось с самых ранних лет
Сиянье света, что земле неведом,
И чувства, что лишь вечности под силу,
И мысли, что присущи лишь богам.
Могучей птицей дивного пера,
Полна своим восторгом окрыленным,
Она жила в иных, великих странах,
Присев на тайной ветви плодоносной
В бескрайнем царстве изумрудных кущ
Иль воспаряя выше высших круч
В божественный эфир недостижимый,
Гармонией небес волнуя землю.
Размерены блаженным скорым ритмом,
Счастливой песней дни ее текли;
В мгновеньях билось сердце красоты;
Часы лились в довольстве сладкозвучном,
Что ничего не просит, все приемля
Всеправно, будто дань своей природы.

Near was her spirit to its parent Sun,
The Breath within to the eternal joy.
The first fair life that breaks from Nature's swoon,
Mounts in a line of rapture to the skies;
245 Absorbed in its own happy urge it lives,
Sufficient to itself, yet turned to all:
It has no seen communion with its world,
No open converse with surrounding things.
There is a oneness native and occult
250 That needs no instruments and erects no form;
In unison it grows with all that is.
All contacts it assumes into its trance,
Laugh-tossed consents to the wind's kiss and takes
Transmutingly the shocks of sun and breeze:
255 A blissful yearning riots in its leaves,
A magic passion trembles in its blooms,
Its boughs aspire in hushed felicity.
An occult godhead of this beauty is cause,
The spirit and intimate guest of all this charm,
260 This sweetness's priestess and this reverie's muse.
Invisibly protected from our sense
The Dryad lives drenched in a deeper ray
And feels another air of storms and calms
And quivers inwardly with mystic rain.
265 This at a heavenlier height was shown in her.
Even when she bent to meet earth's intimacies
Her spirit kept the stature of the gods;
It stooped but was not lost in Matter's reign.
A world translated was her gleaming mind,
270 And marvel-mooned bright crowding fantasies
Fed with spiritual sustenance of dreams
The ideal goddess in her house of gold.

Был близок дух ее с родимым Солнцем,
Дыханье в сердце — с радостью предвечной.

Когда, восстав из забвения Природы,
Впервые жизнь пригожая возрастает
И рвется к небу пикою восторга,
В своем счастливом устремлении ввысь
Она самоблаженна, самосуца
И все ж обращена к всему вокруг:
Без видимых сношений с внешним миром
Она живет в оккультном единении,
В орудьях не нуждаясь и обличьях;
Она возрастает в лад со всем, что суще,
В свой транс вбирает все прикосновенья,
Смеясь всей кроной, ловит ласки ветра,
Впивает благодать дождя и солнца:
В листьях кипит блаженное томленье,
Волшебной страстью полнятся соцветья,
Стремятся ветви ввысь в безмолвном счастье.
Оккультный дух — той красоты источник,
Богиня — гостя той изящной сказки,
Той неги жрица, муза той мечты.
От наших чувств невидимо хранима,
Дриада, под лучом купаясь тайным,
Живет, вдыхая воздух бурь и тишей,
Трепещет скрытно под нездешним ливнем.

В ней с высотой небесной то предстало.
Пускай она к земным сошла объятьям —
В ней дух хранил достоинство богов;
Он низлетел, но не забылся в персти.
Был ум ее открытым светлым миром,
И луносветный рой фантазий чудных
Питал духовной благодатью грез
В златом дворце богиню идеала.

Aware of forms to which our eyes are closed,
Conscious of nearnesses we cannot feel,
275 The Power within her shaped her moulding sense
In deeper figures than our surface types.
An invisible sunlight ran within her veins
And flooded her brain with heavenly brilliances
That woke a wider sight than earth could know.
280 Outlined in the sincerity of that ray
Her springing childlike thoughts were richly turned
Into luminous patterns of her soul's deep truth,
And from her eyes she cast another look
On all around her than man's ignorant view.
285 All objects were to her shapes of living selves
And she perceived a message from her kin
In each awakening touch of outward things.
Each was a symbol power, a vivid flash
In the circuit of infinities half-known;
290 Nothing was alien or inanimate,
Nothing without its meaning or its call.
For with a greater Nature she was one.
As from the soil sprang glory of branch and flower,
As from the animal's life rose thinking man,
295 A new epiphany appeared in her.
A mind of light, a life of rhythmic force,
A body instinct with hidden divinity
Prepared an image of the coming god;
And when the slow rhyme of the expanding years
300 And the rich murmurous swarm-work of the days
Had honey-packed her sense and filled her limbs,
Accomplishing the moon-orb of her grace,
Self-guarded in the silence of her strength
Her solitary greatness was not less.

Провидя лики, что для нас незримы,
И таинства, что недоступны нам,
В ней чудо-Мощь творила чувств обличье
С нездешней глубиною дивных черт.
Незримый солнцеток ей полнил жилы
И в мозг вторгался свётами небес,
Даруя зренье широты нездешней.
В том искреннем луче, по-детски чистом,
Блистая мысль ее, сплетая светлый
Узор глубинной истины души.
В очах ее иной светился взгляд
На все вокруг, чем зренье темных смертных.
Обличьями своих заветных «я»
Ей все предметы виделись; все вещи
Своим прикосновением бодрящим
Сообщали ей о тайном с ней родстве —
Знаменья-силы, проблески живые
В круженье беспредельностей туманных.
Все было для нее живым и близким,
Все открывало ей свой смысл, свой зов.
Ведь в ней Природа высшая явилась.
Как из земли восстал цветок прелестный,
Как человек возрос под шкурой зверя, —
В ней новое предстало Откровенье.
Пресветлый разум, жизни властный ритм,
Божественности знак в чертах телесных
Слагали образ будущего бога.

Когда ж неспешный сказ растущих лет
И рой гудящий дней трудолюбивых
Весь мед сносили в соты чувств и членов,
Восполнив лунный диск ее красы, —
Безмолвьем силы внутренней хранимо,
Не преуменьшилось ее величье.

- 305 Nearer the godhead to the surface pressed,
A sun replacing childhood's nebula
Sovereign in a blue and lonely sky.
Upward it rose to grasp the human scene:
The strong Inhabitant turned to watch her field.
- 310 A lovelier light assumed her spirit brow
And sweet and solemn grew her musing gaze;
Celestial-human deep warm slumbrous fires
Woke in the long fringed glory of her eyes
Like altar-burnings in a mystiered shrine.
- 315 Out of those crystal windows gleamed a will
That brought a large significance to life.
Holding her forehead's candid stainless space
Behind the student arch a noble power
Of wisdom looked from light on transient things.
- 320 A scout of victory in a vigil tower,
Her aspiration called high destiny down;
A silent warrior paced in her city of strength
Inviolate, guarding Truth's diamond throne.
A nectarous haloed moon her passionate heart
- 325 Loved all and spoke no word and made no sign,
But kept her bosom's rapturous secrecy
A blissful ardent moved and voiceless world.
Proud, swift and joyful ran the wave of life
Within her like a stream in Paradise.
- 330 Many high gods dwelt in one beautiful home;
Yet was her nature's orb a perfect whole,
Harmonious like a chant with many tones,
Immense and various like a universe.

В ней солнце божества лишь ярче стало,
Всеправно увенчав туманность детства,
Взойдя в лазурном небе одиноком.
Оно росло, стремясь обнять весь мир:
Надел свой озирал Жилец могучий.
Сиял все краше лик ее духовный,
Стал ясный взор ее глубок и сладок;
Небесный-в-смертной теплый томный огонь
Проснулся в глубине очей прекрасных
Под сенью долгих трепетных ресниц,
Как жертвенное пламя в тайном храме.
В хрустальных окнах тех светилась воля,
Что придавала жизни высший смысл.
Обняв ее чела простор безгрешный,
За аркою пытливой чудо-сила
Свет-мудрости на тленный мир взирала.
Ее стремленье, смотровой победы,
Без сна вперяясь вдаль с дозорной башни,
Сзывало в жизнь высокую судьбу.
Незыблемый, в ее твердыне силы
Безмолвный воин не смыкал очей,
Храня всечасно трон алмазный Правды.
В груди ее в укромности блаженной,
В безмолвной, страстной, радостной вселенной
Медвяною луной пылало сердце,
Любя весь мир безгласно, неприметно.
Широк и скор, в ней жизни ток счастливый
Струился гордо райскою рекой.
Жил сонм богов в одном прекрасном зданье;
И все ж ее природы универсум
Был совершенным, стройным, словно песнь,
Что льется разногласыми ладами, —
Бескрайний, многомерный, цельный мир.

The body that held this greatness seemed almost
335 An image made of heaven's transparent light.
Its charm recalled things seen in vision's hours,
A golden bridge spanning a faery flood,
A moon-touched palm-tree single by a lake
Companion of the wide and glimmering peace,
340 A murmur as of leaves in Paradise
Moving when feet of the Immortals pass,
A fiery halo over sleeping hills,
A strange and starry head alone in Night.

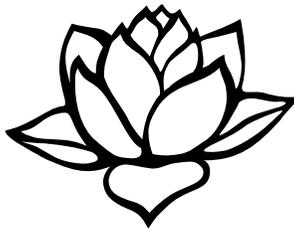
End of Canto One

А тело, что вместило то величье,
Казалось, соткано небесным светом,
Чаруя, словно образы видений:
Златой ли мост над сказочным потоком,
Иль пальма одинокая у моря,
Объятая покоем лунных ширей,
Иль сладкий шепот райской муравы,
Трепещущей под стопами бессмертных,
Пресветлый ореол над спящим долом,
Чудесный звездный лик, един среди Ночи.

Конец Песни первой

02.07.99

Прозаическое переложение

Песнь первая

Рождение и детство Пламени

- Менадой побуждаемых желанием круговращений
Вокруг Света, которого она не смеет коснуться,
Спеша к далекой неведомой цели,
Земля влеклась за Солнцем в его нескончаемом путешествии.
- 5 Разум, лишь наполовину пробудившийся в колыбели пустоты,
На лоне Бессознания выдумывал грезу жизни
И нес этот конечный мир мысли и действия
Сквозь неподвижный транс Бесконечного.
Лишь великое неизменное безмолвие сопровождало землю в ее полете:
- 10 Пленница, увлекаемая движением изукрашенного самоцветами колеса,
Она могла поверить свои чаяния лишь мистическому сердцу Пространства.
Среди обманчивой неподвижности звезд
Она стремилась к некоему нераскрытому событию,
И ритм ее движения размерял долгое вихревое кружение Времени.
- 15 В нескончаемом круговороте вслед за пурпурным ободом
День проносился за днем, словно разноцветные спицы,
И в очаровании сменяющихся красок воздуха
Сезоны сочетались в своем глубоком взаимосвязанном танце
В символическое пышное шествие изменяющего свой облик года.
- 20 Сквозь жаркую истому раскаленной почвы
Шагало Лето в блеске неистовых полдней,
Запечатляя всюду свою тиранию жгучего света
И синюю печать огромного ослепительного неба.
Затем сквозь его воспаленный обморок или запекшийся спазм
- 25 Сезон дождей вторгся ливневым шквалом на разорванных крыльях зноя,
Встревожил молниями беспокойную дремоту воздуха,
Ударил жизнедарными струями в оцепеневшую почву,
Затмил вспышками, грохотом и бурекрылым мраком
Охраняемые звездами двери к смутному сну небес

- 30 Или от золотого ока возлюбленного
Скрыл плотными облачными покрывалами смуглый лик земли.
Революционные армии заполнили арену времени,
Тучи нескончаемым маршем обложили мир,
Воззвания бурь требовали обладания небом
- 35 И барабанная дробь грома возвещала противоборство богов.
Странник, прилетевший с беспокойных соседних морей,
Густогривый муссон с ржанием помчался сквозь земные часы:
И вот посыпались обильнее первые пробные копыя:
Чудовищные молнии раскололи обод горизонта
- 40 И, блистая с противоположных сторон света, словно посылаемые
из двух противостоящих станов,
Соединили нависшие в беспросветной обнаженности края небосвода:
Шквал, шипение, натиск сильнейшего ливня,
Длинные прямые струи дождевой лавины, грохот окрыленного
штормового заряда,
Столпотворение ветроликов, толчея ветроног
- 45 Неудержимо обрушились на простертые сокрушенные равнины:
Небесные воды понеслись, заструились по залитой захлебнувшейся земле.
Все превратилось в быстрый бег, шипящую гонку,
Все заполнили вопль бури и падение воды.
Над серыми полами дня нависли сумерки,
- 50 Их тусклая нескончаемая протяженность соединила утро с вечером;
Утопая в слякоти и дожде, они достигали черной тьмы.
День, словно в унылое одеяние, облачился в полумрак.
Свет вглядывался в матовое зеркало зари и встречал в нем
Собственное лицо, неотличимое от полуосвещенного чела ночи:
- 55 Нескончаемый дождь, изморось, сочащийся туман заволокли все
И превратили ссохшуюся почву в топкую грязь и курящуюся жижу:
Земля стала болотом, небо нависло гнетущей сумрачной глыбой.
Целыми промозглыми, вымокшими неделями не было видно солнца-узника.
Даже когда никакие шквалы не тревожили хмурого успокоения воздуха
- 60 Или робкий луч вдруг проглядывал сквозь плачущие тучи,
Как горькая улыбка появляется из-под набегающих снова и снова слез,
Все обещанное прояснение вмиг исчезало, словно попав под запрет,

Или же, осужденное и обреченное, вскоре угасало, будто мимолетная
надежда.

- Наконец, последний могучий ливень вздыбил мертвую грязь
65 И с затихающим ропотом все стихло —
Лишь скользко сочились иссякающие потоки
И перешептывались в зеленом смятии кроны деревьев.
Настроение земли переменилось; она простерлась в сонном отдохновении,
Часы проходили мирной размеренной поступью:
70 Раздольный прозрачный воздух вновь вспомнил покой,
Земля сдружилась со счастливым солнцем.
Наступила тишина, словно свидетельство приближения Бога,
Свет самопогруженного транса озарил почву и небо,
И некое ощущение глубинного тождества и упоения
75 Наполнило одинокое сердце созерцания.
Мечта закралась в бессловесный ум Пространства,
Время раскрыло свои потайные палаты счастья,
Явились восторг и надежда:
Глубинная душа подняла взор к более высоким небесным высям,
80 Глубинная мысль зажгла сокровенное пламя
И внутренний взгляд преклонился перед невидимым солнцем.
Три глубокомудрые поры прошли сияющей поступью
И, бдительно отмечая каждый час вынашивания плода,
Неусыпно следили за ростом пламени, таящегося в светоносном лоне,
85 За бодрствованием готовящегося великого рождения.
Настала Осень, принося великолепие своих лун
И грезя в прелести своих лотосных прудов;
Зима и Время рос ласкали покойными прохладными дланями
Лоно Природы, по-прежнему пребывающей в полусне,
90 И углубляли оттенками мягкого, зрелого умиротворения
Покойную красоту идущего на убыль года.
- И вот дух Весны, словно пылкий влюбленный, вспрынул
из новорожденной листвы
И внезапно заключил землю-невесту в свои страстные объятия.

- Его пришествие горело огнем радужных оттенков,
95 Его длани представляли объятиями нагрянувшего восторга,
Его глас звучал призывом к сферам Трансцендентного,
Чье тайное прикосновение к нашим смертным жизням
Вечно сохраняет и возобновляет трепет, сотворивший мир,
Выражает древнюю радость во все новых формах,
100 И сохраняет незатронутым, неподвластным смерти и Времени,
Отклик наших сердец на прелесть и очарование Природы,
И вечно возобновляет всегда остающийся все тем же
Пульс, который извечно пробуждает все сущее к прежнему
изначальному наслаждению,
И красоте, и восторгу, и радости жизни.
- 105 С его приходом повсюду распространились магия и очарование;
От его прикосновения утомленное сердце жизни стало счастливым и юным;
Он вселил в ее грудь, добровольной пленницей, сокровенную радость.
Он пылко стиснул тело земли, словно юный бог:
Преображенная страстью его внезапного божественного явления,
110 Вся она облеклась чарующей красотой от его поцелуя.
Он явился, исполненный жажды счастья,
Звонко играя на флейте счастливыми трелями коила,
Воздев на кроны деревьев свои павлиний тюрбан;
Его дыхание стало теплым призывом к упоению,
115 Его взор зачаровывал глубокой, сладострастной лазурью.
Мягкая горячая волна словно вдруг прихлынула к сердцу,
Наполняя кровь избытком чувственной Божьей радости;
Ритм единой гармонии разлился в повсеместном торжестве красоты,
Полня жизнь необоримым трепетом восторга:
- 120 Бессмертные веяния коснулись скоротечных земных часов.
Благодаря богоподобной насыщенной обостренности пылких чувств
Само дыхание стало страстным наслаждением;
Все образы, все звуки слились в единое чарующее откровение.
Вся жизнь на зачарованном земном шаре предстала
125 Бурей сладости, неистовством света и пения,
Празднеством цвета и упоения,
Хоралом лучей, литанией ключей:

Словно многоголосая музыка торжественного священнодействия
 разносилась всюду в счастливых голосах весны
 И, овевая покачивающиеся курильницы деревьев,
 130 Чудные ароматы, жертвенными благовониями, полнили земные часы.
 Алыми пламенами пылали ашоки;
 Чисты словно дыхание беспорочного желания,
 Белые жасмины пьянили зачарованный воздух;
 Нежные соцветия манго насыщали томные мелодичные трели
 135 Обезумевшего от любви коила; и желтая пчела
 Мягко гудела в благоухании медвяных бутонов.
 Сам солнечный свет сиял свыше золотистой улыбкой великого божества.
 Вся Природа блистала роскошным торжеством красоты.

В этот великий, судьбоносный час богов
 140 В ответ на жажду земли и ее мольбу о блаженстве
 Родилось величие из наших нездешних стран.
 Среди земного шума и суеты
 Тайное Слово было непреложно изречено безмолвием;
 В забвение плоти низлилась высшая, более могучая сила, чем обычно
 проявляется в смертных;
 145 На земном лоне возгорелся божественный светоч, соткался
 священный образ.
 Земли коснулся луч-посредник свыше,
 Пролегая, словно мост, над бездной между умом человека
 и Божьим Разумом;
 Своим сиянием он связал нашу бренность с высшим Неведомым.
 В земное тленье, выражая небесную высь в несовершенном
 человеческом облики,
 150 Низошел божественный дух, высшая Душа,
 Которая сохраняла осознание своего небесного истока
 И не скорбела о своем низвержении в смертность,
 Но взирала на все великим покойным взглядом.
 Та, что издавна сражалась с нашим мраком и нашей болью,
 155 Вновь вернулась из трансцендентных планов

- И приняла на себя бремя смертной жизни,
 Снова взявшись за свою незавершенную божественную задачу:
 Сохраняя свое бытие несмотря на смерть и нескончаемые годы,
 Она снова противостояла Времени своим бездонным сердцем.
- 160 Вновь возобновилась, вновь проявилась
 Глубокая изначальная близость, скрытая земным видением,
 Сокровенное кровное родство земли и неба,
 Тайная связь, разорванная в царстве Времени,
 Между брэнной человеческой частью, живущей в тяжких трудах
 здесь на земле,
- 165 И еще не родившейся, не проявленной беспредельной божественной Силой.
 И вот вновь началось это глубокое мистическое дерзание,
 Этот рискованный кон космической игры.
 Ведь с тех пор, как на этом слепом кружащемся шаре
 Земная плазма впервые затрепетала озаряющим разумом
- 170 И жизнь овладела материальной формой,
 Встревожив Несознание потребностью чувствовать,
 С тех пор, как в безмолвии Бесконечности пробудилось слово,
 В груди Природы, в ее недрах трудится некая материнская Мудрость,
 Стремясь утолить блаженством сердце тягот и лишений
- 175 И навязать совершенство неполноценным силам жизни,
 Принудить сумрачную бездну к небесному чувствуванию
 И пробудить бессловесную, косную Материю к осознанию ее Бога.
 Невзирая на то, что наши падшие умы забывают о восхождении,
 Невзирая на то, что наш человеческий материал сопротивляется
 или сокрушается,
- 180 Она продолжает следовать велению своей воли, надеющейся
 обожествить смертный прах.
 Ни неудача, ни поражение не могут остановить или сломить ее;
 Вся бесконечность Времени не в силах утомить ее,
 а вся вселенская Пустота ниспровергнуть ее усилия;
 Нескончаемые века труда ничуть не уменьшили ее пыла;
 Она не признает победы Судьбы и Смерти
- 185 И всегда ведет душу к новым попыткам и дерзаниям;
 Ее магическая беспредельность

- Семя выросло в нежный чудный бутон,
Бутон расцвел прекрасным и пышным небесным цветком.
И она словно бы сразу положила на земле начало более могучей расе.
- 220 Придя на странный сомнительный шар,
Дитя, внутренне помнившее свою далекую обитель,
Она жила в безопасности светлой кельи своего духа,
Одинокая среди людей в своей божественности.
Даже в ее детских проявлениях можно было ощутить
- 225 Близость света, еще не открытого земле,
Чувства, которые могла сопережить только вечность,
Мысли, естественные и свойственные лишь для богов.
Словно бы не нуждаясь ни в чем, кроме своего восхищенного полета,
Ее природа жила в обособленности насыщенного могучего воздуха,
- 230 Подобная чудной птице с пышноперой, изобильно окрашенной грудью,
Которая то присаживается на тайную плодоносную ветвь,
Затерявшись в изумрудной роскоши великих лесов,
То воспаряет выше недостижимых божественных вершин.
Она гармонично впечатляла землю реальностью неба.
- 235 Следуя быстрому ритму ничем не омрачаемого восторга,
Напевая сами себе, мирно проходили ее дни;
Каждая минута была биением сердца красоты;
Часы текли в ладу со сладкозвучным согласием,
Которое не просило ничего, но принимало все, что давала жизнь,
- 240 С царственным благоволением, будто врожденную дань своей природы.
Ее дух был близок с родимым Солнцем,
А Дыхание жизни внутри — с вечной радостью.
- Первая пригожая жизнь, которая вырывается из забвения Природы,
Побегом восторга поднимается к небесам;
- 245 Поглощенная собственным счастливым порывом, она живет,
Самодостаточна и все же обращена ко всему сущему:
У нее нет зримой взаимосвязи со своим миром
Или открытого обмена с окружением.
Она обладает естественным сокровенным единством с мирозданием,
- 250 Которое не нуждается во внешних средствах и не создает никаких форм
для самовыражения;

Она возрастает в унисон со всем сущим.
 В свой транс она вбирает все прикосновения,
 Вибрируя от смеха, благосклонно принимает поцелуи ветра и усваивает,
 Преобразуя и поглощая, потрясения солнечных лучей
 и воздушных дуновений:

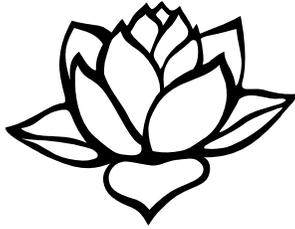
- 255 Блаженное томление вскипает в ее листьях,
 Магическая страсть волнуется в ее соцветиях,
 Ее ветви в тихом счастье стремятся ввысь.
 Причина этой красоты — оккультное божество,
 Душа и сокровенная гостья всего этого очарования,
- 260 Жрица этой сладости и муза этой грезы.
 Незримо хранимая от наших чувств,
 Живет Дриада, орошаемая более глубоким лучом,
 И ощущает иной воздух бурь и затиший,
 И в сокровенной глубине трепещет под мистическим ливнем.
- 265 Все это было явлено в божественном ребенке с небесной высотой.
 Даже хотя она преклонилась, чтобы опережить таинства земли,
 Ее дух сохранял стать богов;
 Он низлетел, но не потерял себя в царстве Материи.
 Ее лучащийся разум воспроизводил в себе целый мир,
- 270 И дивнолунные светлые роящиеся фантазии
 Питали духовным нектаром грез
 Идеальную богиню в ее золотой обители.
 Различая формы, которые недоступны нашим глазам,
 Сознывая рядом присутствия, которых мы не можем почувствовать,
- 275 Сила внутри нее придавала ее формирующемуся восприятию
 Более глубокие черты, чем имеют наши поверхностные типичные чувства.
 Невидимый солнечный свет струился по ее жилам
 И полнил ее мозг небесными блистаниями,
 Которые пробуждали более широкое видение, чем могла постичь земля.
- 280 Очерченные в искренности этого луча,
 Ее бьющие ключом по-детски чистые мысли изобильно превращались
 В светоносные узоры-выражения глубокой истины ее души,
 И из ее глаз исходил иной взгляд

- На все вокруг, чем невежественное зрение человека.
285 Все предметы были для нее формами, обликами живых «я»,
И она постигала весть тайного родства
В каждом пробуждающем прикосновении внешних вещей.
Каждый предмет предстал символической силой,
яркой, живой вспышкой
- В круговороте полуизведанных бесконечностей;
290 Ничто не было чуждым или неодошевленным,
Ничто не утаивало своего смысла или своего зова.
Ведь она была едина с высшей Природой.
Как из земли проклюнулось великолепие цветка и побега,
Как из жизни животного возрос мыслящий человек,
295 Так в ней проявилось новое откровение.
Светоносный разум, жизнь, исполненная ритмической силы,
Тело, проникнутое тайной божественностью,
Подготавливали образ грядущего бога;
И когда размеренный стих распускающихся лет
300 И обильный труд деловито гудящего роя дней
Собрали весь мед в соты ее чувств и напитали все ее члены,
Восполнив лунный диск ее грации,
Хранимое самосущим безмолвием ее силы,
Ее уединенное величие не приуменьшилось.
- 305 Божество пролагало себе путь все ближе к поверхности,
Солнцем, сменившим туманность детства,
Царственно воссиявшем в голубом одиноком небе.
Оно восходило все выше, стремясь обнять всю человеческую арену:
Могучая Постоялица начала осматривать поле своей работы.
310 Ее духовное чело засветилось более миловидным светом,
А ее задумчивый взгляд стал сладок и серьезен;
Небесно-человеческие глубокие теплые томные огни
Пробудились в продолговатом, окаймленном густыми ресницами
великолепии ее очей,
Словно алтарные пламена в таинственном святилище.
- 315 В этих хрустальных окнах мерцала воля,
Которая придавала жизни великий смысл.

- Обнимая искреннюю беспорочную широту ее чела,
 Благородная сила мудрости, скрытая за пытливым изгибом,
 Взирала глазами света на преходящее.
- 320 Дозорным победы на сторожевой башне,
 Ее стремление сзывало в жизнь высокую судьбу;
 Безмолвный воин вышагивал в ее незыблемой твердыне силы,
 Храня в неприкосновенности алмазный престол Истины.
 Нектарная, окруженная ореолом луна — ее страстное сердце
- 325 Любило все и вся, не выдавая себя ни словом, ни знаком
 И сохраняя восторженную сокровенность в ее груди —
 Блаженный, пылкий, трепетный и безгласный мир.
 Гордый, стремительный и радостный, поток жизни
 Мчался в ней волнами, подобный райской реке.
- 330 Много высоких богов уживались в единой прекрасной обители;
 И все же многомерный универсум ее природы был совершенным
 в своей целостности,
 Гармоничный, словно песнь с множеством тонов,
 Огромный и разнообразный, словно вселенная.
 Тело же, которое вмещало это величие, почти казалось
- 335 Образом, сотканным из прозрачного света небес.
 Его очарование напоминало видения, открывающиеся в часы прозрения:
 Золотой мост, выгнувшийся над волшебным потоком,
 Одинокую пальму у озера, ласкаемую светом луны —
 Подругу раздольного мерцающего покоя,
- 340 Перешептывание трав в Раю,
 Волнуемых стопами Бессмертных,
 Огненный ореол над спящими холмами,
 Странную звездоосиянную вершину, одиноко высящуюся в Ночи.

Конец Песни первой

Сводные материалы

The Birth and Childhood of the Flame

- A Maenad of the cycles of desire *<движение времени на земле>*
Around a Light she must not dare to touch,
Hastening towards a far-off unknown goal
Earth followed the endless journey of the Sun.
5 A mind but half-awake in the swing of the void
On the bosom of Inconscience dreamed out life
And bore this finite world of thought and deed
Across the immobile trance of the Infinite.
A vast immutable silence with her ran:
10 Prisoner of speed upon a jewelled wheel,
She communed with the mystic heart in Space.
Amid the ambiguous stillness of the stars
She moved towards some undisclosed event
And her rhythm measured the long whirl of Time.
15 In ceaseless motion round the purple rim
Day after day sped by like coloured spokes,

Менадою кружений вожеленных
Вкруг Света, недоступного вовек,
Спеша к далекой неизвестной цели,
Земля влеклась за Солнцем в вечный путь.
Очнувшись в колыбели пустоты,
На лоне Бессознания сонный разум
Лелеял грезу жизни и стремил
Свой мир конечный мыслей и деяний
Сквозь транс недвижный бесконечных Ширей.
Лишь вечное безмолвье мчалось с нею:

Песнь первая

Рождение и детство Пламени

- Менадой¹ круговращений желаний²
Вокруг Света, которого она не смеет коснуться³,
Спеша к далекой неведомой цели,
Земля влеклась за Солнцем в [его] нескончаемом путешествии.
- 5 Разум, лишь наполовину пробудившийся в колыбели⁴ пустоты,
На лоне Бессознания выдумывал грезу жизни
И нес этот конечный мир мысли и действия
Сквозь неподвижный транс Бесконечного.
Ее [землю] сопровождало [в ее полете лишь] великое неизменное безмолвие:
- 10 Пленница, увлекаемая движением изукрашенного самоцветами колеса,
Она [доверительно] общалась [лишь] с мистическим сердцем Пространства.
Среди обманчивой неподвижности звезд
Она стремилась к некоему нераскрытому событию,
И ритм ее [движения] размерял долгое вихревое кружение⁵ Времени.
- 15 В нескончаемом круговороте вслед за пурпурным ободом
День проносился за днем, словно разноцветные спицы,

¹ Или: вакханкой (см. Глоссарий).

² Или: кружений, побуждаемых желанием.

³ Или: которого ей нельзя посметь коснуться.

⁴ Или: на качелях; в колебательном движении.

⁵ Или: длинный вихрь; долгий круговорот.

Влекума звездоцветным колесом,
Не в силах одолеть его вращенье,
Она лишь поверяла боль свою
Мистическому сердцу мироздания.
Средь мнимой неподвижности светил
Она неслась к безвестному исходу,
И бег ее чеканил ритм времен.
В своем безостановочном вращеньи,
Подобны разноцветным спицам, дни
Спешили вслед за ободом пурпурным;

- And through a glamour of shifting hues of air
 The seasons drew in linked significant dance
 The symbol pageant of the changing year.
- 20 Across the burning languor of the soil <лето>
 Paced Summer with his pomp of violent noons
 And stamped his tyranny of torrid light
 And the blue seal of a great burnished sky.
 Next through its fiery swoon or clotted knot <сезон дождей>
- 25 Rain-tide burst in upon torn wings of heat,
 Startled with lightnings air's unquiet drowse,
 Lashed with life-giving streams the torpid soil,
 Overcast with flare and sound and storm-winged dark
 The star-defended doors of heaven's dim sleep,
- 30 Or from the gold eye of her paramour
 Covered with packed cloud-veils the earth's brown face.
- [350] Armies of revolution crossed the time-field,
 The clouds' unending march besieged the world,
 Tempests' pronunciamientos claimed the sky
- 35 And thunder drums announced the embattled gods.
 A traveller from unquiet neighbouring seas,
 The dense-maned monsoon rode neighing through earth's hours:
 Thick now the emissary javelins:

И в одеяниях перемен воздушных
 Шли месяцы, слагаясь в мудром танце
 В процессию времен-знамений года.
 Сквозь жаркую истому всей Природы
 Шагало Лето в блеске знойных полдней,
 Тирания землю раскаленным светом
 И жгучей синью блещущих небес.
 За ним на крыльях свергнутого жара
 Сквозь воспаленный обморок иль спазм
 Ворвался жизнедарный шквал дождя,
 Встревожил блеском молний сонный воздух,

- И в очаровании сменяющихся красок воздуха
 Сезоны сочетались в своем глубоком⁶ взаимосвязанном танце
 В символическое [пышное] шествие изменяющего [свой облик] года.
- 20 Сквозь жаркую истому [раскаленной] почвы
 Шагало Лето в блеске⁷ неистовых полдней,
 Запечатляя [всюду] свою тиранию жгучего света
 И синюю печать огромного ослепительного неба.
 Затем сквозь его воспаленный обморок или запекшийся спазм⁸
- 25 Шквал дождя⁹ ворвался на разорванных крыльях зноя,
 Встревал молниями беспокойную дремоту воздуха,
 Хлестнул жизнедарными струями оцепеневшую почву,
 Затмил вспышками, грохотом и бурекрылым мраком
 Охраняемые звездами двери смутного сна небес
- 30 Или от золотого ока возлюбленного
 Скрыл плотными облачными покрывалами смуглый лик земли.
 Революционные армии заполнили арену времени,
 Тучи нескончаемым маршем обложили мир,
 Воззвания¹⁰ бурь требовали обладания небом
- 35 И барабанная дробь грома возвещала противоборство богов.
 Странник с беспокойных соседних морей,
 Густогривый муссон с ржанием мчался сквозь земные часы:
 И вот посыпались обильнее первые пробные копыя:

⁶ Или: глубоко значимом и символичном.

⁷ Или: великолепии, роскоши.

⁸ Или: ступок.

⁹ Или: сезон дождей.

¹⁰ Или: прокламации — досл.: пронунциаменто (см. Глоссарий).

Смыл омертвенье с выжженных равнин,
 Затмил огнем и мраком вихрекрылым
 Врата ко сну небес под стражей звезд
 Иль от золотого любящего ока
 Скрыл туч вуалью смуглый лик земли.
 Мятежная армада вторглась в лета,
 Несметных туч полки стеснили мир,
 Повстанцы-смерчи слали вызов небу,
 И грозовая дробь на штурм звала богов.
 С бушующих морей с громовым ржаньем
 Принесся вскачь муссон косматогривый:
 И грянули дружной тараны молний,

- Enormous lightnings split the horizon's rim
40 And, hurled from the quarters as from contending camps,
Married heaven's edges steep and bare and blind:
A surge and hiss and onset of huge rain,
The long straight sleet-drift, clamours of winged storm-charge,
Throngs of wind-faces, rushing of wind-feet
45 Hurrying swept through the prone afflicted plains:
Heaven's waters trailed and dribbled through the drowned land.
Then all was a swift stride, a sibilant race,
Or all was tempest's shout and water's fall.
A dimness sagged on the grey floor of day,
50 Its dingy sprawling length joined morn to eve,
Wallowing in sludge and shower it reached black dark.
Day a half darkness wore as its dull dress.
Light looked into dawn's tarnished glass and met
Its own face there, twin to a half-lit night's:
55 Downpour and drip and seeping mist swayed all
And turned dry soil to bog and reeking mud:
Earth was a quagmire, heaven a dismal block.
None saw through dank drenched weeks the dungeon sun.
Even when no turmoil vexed air's sombre rest,
60 Or a faint ray glimmered through weeping clouds

И раскололся обруч горизонта,
И с двух сторон небес — двух вражьих станом
Сошлись, схлестнулись тьмы тяжелых ратей:
Потоки вод, шипя, бушуя, ширясь,
Разгульный ливневихрь и рев смерч-крылый,
Шум ветроног, смешенье ветроликов
Низверглись на распластанную землю.
И утонула персть в небесной влаге:
Повсюду вздулись яростные воды,
Вскипели, понеслись, крутясь и споря,
Повсюду бился дождь, стонала буря.
День облачился сумраком унылым:

As a sad smile gleams veiled by returning tears,
 All promised brightness failed at once denied
 Or, soon condemned, died like a brief-lived hope.
 Then a last massive deluge thrashed dead mire
 65 And a subsiding mutter left all still,
 Or only the muddy creep of sinking floods
 Or only a whisper and green toss of trees.
 [351] Earth's mood now changed; she lay in lulled repose,
 The hours went by with slow contented tread:
 70 A wide and tranquil air remembered peace,
 Earth was the comrade of a happy sun.
 A calmness neared as of the approach of God,
 A light of musing trance lit soil and sky
 And an identity and ecstasy
 75 Filled meditation's solitary heart.
 A dream loitered in the dumb mind of Space,
 Time opened its chambers of felicity,
 An exaltation entered and a hope:
 An inmost self looked up to a heavenlier height,
 80 An inmost thought kindled a hidden flame
 And the inner sight adored an unseen sun.
 Three thoughtful seasons passed with shining tread

*<три поры
 вынашивания плода>*

Как горькая улыбка меж рыданий,
 Желанный луч во мгле скрывался вскоре,
 Надеждой зыбкой таял в вышине.
 Но вот последний шквал встревожил хляби,
 Последний рыкнул гром — и стихло все;
 Лишь крались робко мутные потоки
 И, трепеща, дерев шептались кроны.
 Земля обмякла, распростерлась в неге;
 Часы текли размеренно и мирно:
 Вновь вспомнил тишь безбрежный ясный воздух,
 Земля сдружилась вновь с блаженным солнцем.

- Как горькая улыбка появляется из-под набегающих снова и снова слез,
 Все обещанное прояснение вмиг исчезало, словно попав под запрет,
 Или же, осужденное и обреченное, вскоре угасало, будто мимолетная надежда.
 Наконец, последний могучий ливень вздыбил мертвую грязь
- 65 И с затихающим ропотом все стихло —
 Лишь скользко сочились иссякающие потоки
 И перешептывались в зеленом смятении кроны деревьев.
 Настроение земли переменилось; она простерлась в сонном отдохновении,
 Часы проходили мирной размеренной поступью:
- 70 Раздольный прозрачный воздух [вновь] вспомнил покой,
 Земля сдружилась со счастливым солнцем.
 Наступила тишина, словно свидетельство приближения Бога,
 Свет самопогруженного транса озарил почву и небо,
 И некое тождество¹² и упоение
- 75 Наполнили одинокое сердце созерцания.
 Мечта закралась в бессловесный ум Пространства,
 Время раскрыло свои потайные палаты¹³ счастья,
 Явились восторг и надежда:
 Глубинное «я» подняло взор к более высоким небесным высям,
- 80 Глубинная мысль зажгла сокровенное пламя
 И внутренний взгляд преклонился перед невидимым солнцем.
 Три глубокомысленные, [исполненные глубокого промысла] поры прошли
 сияющей поступью

¹² Или: единение — ощущение тождества, единства с чем-то высшим и отсюда — экстаз.

¹³ Или: кладовые.

Настал покой, как в ожиданье Бога,
 Разлился свет мечтательного транса;
 В уединенном сердце созерцанья
 Родились единенье и блаженство.
 И Время вскрыло кладовые счастья,
 Мечта закралась в смутный ум Пространства,
 Явились ликованье и надежда:
 Заветный дух воззрил к небесным высям,
 В глубинной мысли вспыхнул тайный пламень,
 Глубинный взор пленился скрытым солнцем.
 И мудрых три поры прошли лучистым шагом,

And scanning one by one the pregnant hours
 Watched for a flame that lurked in luminous depths,
 85 The vigil of some mighty birth to come.
 Autumn led in the glory of her moons <осень и время рос>
 And dreamed in the splendour of her lotus pools
 And Winter and Dew-time laid their calm cool hands
 On Nature's bosom still in a half sleep
 90 And deepened with hues of lax and mellow ease
 The tranquil beauty of the waning year.
 Then Spring, an ardent lover, leaped through leaves <весна>
 And caught the earth-bride in his eager clasp;
 His advent was a fire of irised hues,
 95 His arms were a circle of the arrival of joy.
 His voice was a call to the Transcendent's sphere
 Whose secret touch upon our mortal lives
 Keeps ever new the thrill that made the world,
 Remoulds an ancient sweetness to new shapes
 100 And guards intact unchanged by death and Time
 The answer of our hearts to Nature's charm
 And keeps for ever new, yet still the same,
 The throb that ever wakes to the old delight
 [352] And beauty and rapture and the joy to live.

За часом час высматривая зорко
 Заветный пламень в плодоносных глубях,
 Бессонный пыл великого рожденья.
 Явилась Осень полных лун красою
 И светлой грезой лотосных озер;
 Зима и Время рос в объятьях холодных
 Ласкали сонную еще Природу
 И осеняли негою покойной
 Прекрасный лик свершившегося года.
 И вот Весенний Дух, влюбленный пылкий,
 Взметнувшись из листвы новорожденной,
 В объятья заключил невесту-землю;

- И, бдительно отмечая каждый час вынашивания плода,
 Неусыпно следили за ростом пламени, таящегося в светоносном лоне¹⁴,
- 85 За бодрствованием готовящегося великого рождения.
 Настала Осень, принося великолепии своих лун
 И грезя в прелести своих лotosных прудов;
 Зима и Пора рос ласкали покойными прохладными дланями
 Лоно Природы, по-прежнему [пребывающей] в полусне,
- 90 И углубляли оттенками мягкого, зрелого умиротворения
 Покойную красоту идущего на убыль года.
 И вот [дух] Весны¹⁵, словно пылкий влюбленный, вспрынул
 из [новорожденной] листвы
 И [внезапно] заключил землю-невесту в свои страстные объятия.
 Его пришествие горело огнем радужных оттенков,
- 95 Его длани представляли объятиями нагрянувшего восторга,
 Его глас звучал призывом к сферам Трансцендентного,
 Чье тайное прикосновение к нашим смертным жизням
 Вечно сохраняет и возобновляет¹⁶ трепет, сотворивший мир,
 Выражает древнюю радость во все новых формах,
- 100 И сохраняет незатронутым, неподвластным смерти и Времени,
 Отклик наших сердец на прелесть и очарование Природы,
 И вечно возобновляет всегда остающийся все тем же
 Пульс, который извечно пробуждает [все сущее] к прежнему
 [изначальному] наслаждению,
 И красоте, и восторгу, и радости жизни.

¹⁴ Или: в лучистых глубинах.

¹⁶ В подлиннике Весна персонифицируется в мужском роде — как возлюбленный Земли.

Он вспыхнул всюду радужным огнем,
 Он обнял все своим счастливым вихрем.
 Он зазвенел призывом к сферам Божьим,
 Чье тайное дыханье в жизни брeнной
 Хранит неугасимым, неизбывным
 Блаженный трепет, сотворивший мир,
 Пьянит нектаром древним в новых формах,
 Живит извечно тот сердечный отклик,
 Что будит в нас Природы чудный лик,
 И вечно заново творит все тот же
 Немолчный пульс, что полнит прежним счастьем,
 Восторгом, красотой и жаждой жить.

- 105 His coming brought the magic and the spell;
 At his touch life's tired heart grew glad and young;
 He made joy a willing prisoner in her breast.
 His grasp was a young god's upon earth's limbs:
 Changed by the passion of his divine outbreak
- 110 He made her body beautiful with his kiss.
 Impatient for felicity he came,
 High-fluting with the coil's happy voice,
 His peacock turban trailing on the trees;
 His breath was a warm summons to delight,
- 115 The dense voluptuous azure was his gaze.
 A soft celestial urge surprised the blood
 Rich with the instinct of God's sensuous joys;
 Revealed in beauty, a cadence was abroad
 Insistent on the rapture-thrill in life:
- 120 Immortal movements touched the fleeting hours.
 A godlike packed intensity of sense
 Made it a passionate pleasure even to breathe;
 All sights and voices wove a single charm.
 The life of the enchanted globe became
- 125 A storm of sweetness and of light and song,
 A revel of colour and of ecstasy,
 A hymn of rays, a litany of cries:

С ним стало все пленительным, волшебным;
 Он юность пробудил в уставшей жизни,
 Вселяя радость в сладкий сердца плен.
 Он стиснул землю, словно юный бог,
 И от его божественных лобзаний
 Она оделась новою красой.
 Явился он, объятый жаждой счастья,
 Звеня на флейте трелью соловьиной,
 Воздев на кроны свой тюрбан павлиний;
 Был вздох его приливом упоенья
 И взор его — глубокой страстной синью.

- 105 С его приходом повсюду распространились магия и очарование;
От его прикосновения утомленное сердце жизни стало счастливым и юным;
Он вселил в ее грудь, добровольной пленницей, [сокровенную] радость.
Он [пылко] стиснул тело земли, словно юный бог:
Преображенная страстью его внезапного божественного явления,
- 110 Вся она облеклась [чарующей] красой от его поцелуя.
Он явился, исполненный жажды счастья,
Звонко играя на флейте счастливыми трелями коила¹⁷,
Воздев на [кроны] дерев свой павлиний тюрбан;
Его дыхание стало теплым призывом к упоению,
- 115 Его взор зачаровывал глубокой, сладострастной лазурью.
Мягкая горящая волна [словно] вдруг прихлынула [к сердцу],
Наполняя кровь избытком чувственной Божьей радости;
Ритм единой гармонии разлился в повсеместном торжестве красоты,
Полня жизнь необоримым трепетом восторга:
- 120 Бессмертные веяния коснулись скоротечных [земных] часов.
Благодаря богоподобной насыщенной обостренности [пылких] чувств
Само дыхание стало страстным наслаждением;
Все картины [и образы], все [звуки и] голоса слились в единое
чарующее откровение.
[Вся] жизнь на зачарованном земном шаре предстала
- 125 Бурей сладости, [неистовством] света и пения,
Празднеством цвета и упоения,
Хоралом лучей, литанией¹⁸ кличей:

¹⁷ Или: кукушки (см. Глоссарий).

¹⁸ Или: священным гимном (см. Глоссарий).

Небесный мягкий ток прихлынул в кровь,
Пылая Божьей чувственной усладой;
Повсюду плыл, рожденный красотой,
Каданс восторга трепетного жизни:
Бессмертный ритм коснулся бранных дней.
Воспрявших чувств огонь богоподобный
Усладой пылкой сделал каждый вздох.
Весь белый свет предстал единым чудом;
Вся жизнь на зачарованной земле
Взыграла бурей счастья, света, песнью,
Неистовством услад и буйством красок,
Литанией лучей, хоралом кличей:

A strain of choral priestly music sang
 And, swung on the swaying censer of the trees,
 130 A sacrifice of perfume filled the hours.
 Asocas burned in crimson spots of flame,
 Pure like the breath of an unstained desire
 White jasmines haunted the enamoured air,
 Pale mango-blossoms fed the liquid voice
 135 Of the love-maddened coil, and the brown bee
 Muttered in fragrance mid the honey-buds.
 The sunlight was a great god's golden smile.
 All Nature was at beauty's festival.

[353] In this high signal moment of the gods
 140 Answering earth's yearning and her cry for bliss,
 A greatness from our other countries came.
 A silence in the noise of earthly things
 Immutably revealed the secret Word,
 A mightier influx filled the oblivious clay:
 145 A lamp was lit, a sacred image made.

<Пришествие>

Повсюду возносился гимн священный
 И, вея над лампадами дерев,
 Курились фимиамы ароматов.
 Багрянцем крон ашоки пламенели;
 Чисты как пыл безгрешного желанья,
 Пьянили воздух белые жасмины;
 Соцветья нежных манго вдохновляли
 Безумца-соловья, и желтый шмель
 Гудел счастливо над медовым цветом.

Словно многоголосая музыка [торжественного] священнодействия
разносилась всюду [в счастливых голосах весны]

И, овеявая покачивающиеся курильницы деревьев,

130 [Чудные] ароматы жертвенными благовониями полнили [земные] часы.

Алыми¹⁹ пламенами пылали ашоки;

Чисты словно дыхание беспорочного желания,

Белые жасмины пьянили зачарованный воздух;

Нежные²⁰ соцветия манго насыщали томные мелодичные трели

135 Обезумевшего от любви коила; и желтая²¹ пчела

Мягко гудела в благоухании медвяных бутонцов.

Сам солнечный свет сиял свыше золотистой улыбкой великого божества.

Вся Природа блистала роскошным торжеством красоты.

В этот великий, судьбоносный час богов

140 В ответ на жажду земли и ее мольбу о блаженстве

Родилось величие из наших вышних²² стран.

Среди земного шума и суеты

Тайное Слово было непреложно изречено²³ безмолвием;

В забвение плоти низлилась [высшая] более могучая сила,

[чем обычно проявляется в смертных]²⁴;

145 [На земном лоне] возгорелся [горний] светоч, сооткался священный образ.

¹⁹ Или: малиновыми.

²⁰ Или: бледные.

²¹ Досл.: коричневая.

²² Досл.: иных, нездешних.

²³ Или: раскрыто, поведано.

²⁴ Или: косный прах наполнил более могучий прилив.

Улыбкой божества сияло солнце.

Природа всеблистала красотой.

В тот звездный судьбоносный час богов

В ответ земному стону о блаженстве

Родилось наших вышних стран величье.

Безмолвие средь гомона мирского

Всевластно изрекло Глагол заветный,

Могучий ток прихлынул в косный прах:

Явился горний светоч, дивный образ.

- A mediating ray had touched the earth
 Bridging the gulf between man's mind and God's;
 Its brightness linked our transience to the Unknown.
 A spirit of its celestial source aware
 150 Translating heaven into a human shape
 Descended into earth's imperfect mould
 And wept not fallen to mortality,
 But looked on all with large and tranquil eyes.
 One had returned from the transcendent planes
 155 And bore anew the load of mortal breath,
 Who had striven of old with our darkness and our pain;
 She took again her divine unfinished task:
 Survivor of death and the aeonic years,
 Once more with her fathomless heart she fronted Time.
 160 Again there was renewed, again revealed
 The ancient closeness by earth-vision veiled,
 The secret contact broken off in Time,
 A consanguinity of earth and heaven,
 Between the human portion toiling here
 165 And an as yet unborn and limitless Force.

Связуя человеческий разум с Божьим,
 Как мост над бездной, ясный луч пролет
 Из запредельных сфер — в земное тленьё
 И в прахе отразил небесный облик.
 Великий дух сошел во плоть людскую,
 Что помнил свой возвышенный исток
 И не скорбел о низверженье в смерть,
 Но обнял мир покойным светлым взором.
 Та, что вовек сражалась с тьмой и болью,
 Вернулась вновь из высей неземных

- Земли коснулся луч-посредник свыше,
 Пролегая, словно мост, над бездной между умом человека и Божьим [Разумом];
 Своим сиянием он связал нашу брэнность с [высшим] Неведомым.
 В земное тленье, выражая небесную высь в несовершенном
 человеческом обличи,
- 150 Низошел [божественный] дух, [высшая Душа,
 Которая сохраняла сознание своего небесного истока²⁵
 И не скорбела о [своем] низвержении в смертность,
 Но взирала на все великим покойным взглядом.
 Та, что с незапамятных времен сражалась с нашим мраком и нашей болью,
- 155 Вновь вернулась из трансцендентных планов
 И приняла на себя бремя смертной жизни,
 Снова взявшись за свою незавершенную божественную задачу:
 Сохраняя свое бытие несмотря на смерть и нескончаемые годы²⁶,
 Она снова противостала Времени своим бездонным сердцем.
- 160 Вновь возобновилась, вновь проявилась
 Глубокая изначальная близость, скрытая земным видением,
 Сокровенное [кровное] родство земли и неба,
 Тайная связь, разорванная в [царстве] Времени,
 Между брэнной человеческой частью, живущей в тяжких трудах здесь
 [на земле],
- 165 И еще не родившейся, [не проявленной] беспредельной [божественной] Силой.

²⁵ Досл.: Дух, осознающий свой вышний источник, / Воплощая небо в человеческой форме, /
 Низошел в земной несовершенный сосуд...

²⁶ Или: Выживая, несмотря на смерть и нечислимые годы.

И вновь взвалила бремя смертной жизни,
 Возобновив божественный свой труд:
 Бессмертная, пройдя сквозь бездны лет,
 Она пришла в своей любви безмерной
 Вновь бросить вызов Времени и Смерти.
 Из-под покровов виденья земного
 Явилось вновь извечное родство,
 Единобытие земли и неба,
 Взаимосвязь, незримая во тленье,
 Частицы праха, здесь вершащей труд,
 С доселе не рожденной высшей Силой.

Again the mystic deep attempt began,
 The daring wager of the cosmic game.
 For since upon this blind and whirling globe
 Earth-plasm first quivered with the illumining mind
 170 And life invaded the material sheath
 Afflicting Inconscience with the need to feel,
 Since in Infinity's silence woke a word,
 A Mother-wisdom works in Nature's breast
 To pour delight on the heart of toil and want
 [354] And press perfection on life's stumbling powers,
 Impose heaven-sentience on the obscure abyss
 And make dumb Matter conscious of its God.
 Although our fallen minds forget to climb,
 Although our human stuff resists or breaks,
 180 She keeps her will that hopes to divinise clay;
 Failure cannot repress, defeat o'erthrow;
 Time cannot weary her nor the Void subdue,
 The ages have not made her passion less;
 No victory she admits of Death or Fate.
 185 Always she drives the soul to new attempt;

<вековечный труд
 Матери>

Вновь началось заветное дерзанье,
 Рисковый кон космической игры.
 Ведь на кружащем косном этом шаре
 С тех пор, как свет ума коснулся плазмы,
 И жизнь влилась в сосуд материальный,
 Тревожа Несознание жаждой чувств,
 И в вечной Тишине очнулось слово, —
 В груди Природы трудится вовеки,
 Пылает Матерь-мудрость, увлекая
 К блаженству сердце тягот и желаний,
 К безгрешности слепую силу жизни,
 К небесной страсти сумрачные бездны,

- И вот вновь началось это глубокое мистическое дерзание²⁷,
 Этот рискованный кон космической игры.
 Ведь с тех пор, как на этом слепом кружащемся шаре
 Земная плазма впервые затрепетала озаряющим разумом
- 170 И жизнь овладела материальной формой²⁸,
 Встревожив Несознание потребностью чувствовать,
 С тех пор, как в безмолвии Бесконечности пробудилось слово,
 В груди Природы [в ее недрах] трудится некая материнская Мудрость,
 Стремясь утолить блаженством сердце тягот и лишений²⁹
- 175 И навязать совершенство неполноценным силам жизни,
 Принудить сумрачную бездну к небесному чувству
 И пробудить бессловесную, косную Материю к осознанию ее Бога.
 Невзирая на то, что наши падшие умы забывают о восхождении,
 Невзирая на то, что наш человеческий материал³⁰ сопротивляется
 или сокрушается,
- 180 Она продолжает следовать велению своей воли, надеющейся
 обожествить смертный прах.
 Ни неудача, ни поражение не могут остановить или сломить ее;
 [Вся бесконечность] Времени не в силах утомить ее,
 а [вся] вселенская Пустота ниспровергнуть ее усилия;
 [Нескончаемые] века труда [ничуть] не уменьшили ее пыла;
 Она не признает победы Судьбы и Смерти
- 185 И всегда ведет душу к новым попыткам [и дерзаниям];
- ²⁷ Или: попытка.
²⁸ Или: вторглась в материальную форму.
²⁹ Или: пролить благодать на сердце трудов и нужд.
³⁰ Или: содержимое; вещество.

Материю немую — к знанию Бога.
 Пусть спит наш ум, забыв о восхождении,
 Пусть медлит и бунтует наша персть —
 Своей незыблемой мечтою-волей
 Она к обожествлению движет прах.
 Не утомляясь временем и тленьем,
 Не поддаваясь гнету Пустоты,
 Она идет вперед неустойчиво
 И пыл ее не остудить векам.
 Ей не страшны провал и поражение;
 Всегда, опровергая смерть и рок,
 На новый шторм она выводит душу;

- Always her magical infinitude
 Forces to aspire the inert brute elements;
 As one who has all infinity to waste,
 She scatters the seed of the Eternal's strength
 190 On a half-animate and crumbling mould,
 Plants heaven's delight in the heart's passionate mire,
 Pours godhead's seekings into a bare beast frame,
 Hides immortality in a mask of death.
 Once more that Will put on an earthly shape.
 195 A Mind empowered from Truth's immutable seat
 Was framed for vision and interpreting act
 And instruments were sovereignly designed
 To express divinity in terrestrial signs.
 Outlined by the pressure of this new descent
 200 A lovelier body formed than earth had known.
 As yet a prophecy only and a hint,
 The glowing arc of a charmed unseen whole,
 It came into the sky of mortal life
 Bright like the crescent horn of a gold moon
 205 Returning in a faint illumined eve.

*<формирование
 внешних инструментов
 и рождение>*

Волшебной беспредельностью своею
 Влечет слепые грубые стихии;
 И, словно расточая бесконечность,
 Роняет семя вечного Всевластья
 В недолговечный полумертвый прах
 И в страстный сердца ил — усладу неба,
 Исканья бога будит в полуживере,
 Бессмертье прячет под личиной смерти.
 Вновь Воля та в земной явилась плоти.
 Вновь, вдохновленный Истиной нетленной,
 Для виденья и объясненья знанья

- At first glimmering like an unshaped idea
 Passive she lay sheltered in wordless sleep,
 Involved and drowned in Matter's giant trance,
 An infant heart of the deep-caved world-plan
 210 In cradle of divine inconscience rocked
 [355] By the universal ecstasy of the suns.
 Some missioned Power in the half-wakened frame
 Nursed a transcendent birth's dumb glorious seed
 For which this vivid tenement was made.
 215 But soon the link of soul with form grew sure;
 Flooded was the dim cave with slow conscient light,
 The seed grew into a delicate marvellous bud,
 The bud disclosed a great and heavenly bloom.
 At once she seemed to found a mightier race.
 220 Arrived upon the strange and dubious globe
 The child remembering inly a far home
 Lived guarded in her spirit's luminous cell,
 Alone mid men in her diviner kind.

*<раскрытие
 божественного Сознания
 в новорожденной>*

<божественное дитя>

Вначале, теплясь искоркой идеи,
 Она лежала, немо, недвижимо,
 Во власти сна, в материальном трансе:
 Дитя — опора мирового плана,
 Таимого в пещере сокровенной,
 Вселенной сердце, — словно в колыбели,
 В божественном почило несознания
 Под сенью экстатических светил.
 Хранимое особой Силой свыше,
 В созданье сонном зрело чудо-семя,
 Готова трансцендентное рожденье,
 Что озарить должно сосуд прелестный.

- Сначала, едва мерцая, словно еще не оформившаяся идея,
Она пассивно покоилась под сенью бессловесного сна,
Поглощенная, окутанная исполинским трансом Материи, —
Новорожденное сердце таимого в глубокой пещере мирового плана,
210 Убаюкиваемое в колыбели божественного несознания
Всеобщим экстазом [космических] солнц.
Некая ниспосланная [для этой цели] Сила в полупробужденной оболочке
[новорожденной]
Выпестовывала дремлющее блистательное семя трансцендентного рождения,
Для которого было создано это прекрасное преходящее жилище[-тело].
215 Но вскоре связь души с формой стала уверенной;
Сумеречную пещеру залил медленный свет осознанности,
Семя выросло в нежный чудный бутон,
Бутон расцвел прекрасным и пышным небесным цветком.
И она словно бы сразу положила на земле начало более могучей расе.
220 Придя на странный сомнительный шар,
Дитя, внутренне помнившее свою далекую обитель,
Она жила в безопасности светлой кельи своего духа,
Одинокая среди людей в своей божественности³³.

³³ Досл: в своей принадлежности к более божественному роду.

Но вот окрепла связь души и формы;
В пещерной тьме забрезжил свет сознания,
Бутоном нежным распустилось семя,
Бутон расцвел цветком красы небесной.
И словно новая родилась раса;
Дитя — предтеча рода всемогущих,
Придя на странный непонятный шар,
Но помня в сердце свой далекий кров,
Она жила, от мира затворившись
В пресветлой келье духа своего,
Божественна, среди смертных одинока.

- Even in her childish movements could be felt
 225 The nearness of a light still kept from earth,
 Feelings that only eternity could share,
 Thoughts natural and native to the gods.
 As needing nothing but its own rapt flight
 Her nature dwelt in a strong separate air
 230 Like a strange bird with large rich-coloured breast
 That sojourns on a secret fruited bough,
 Lost in the emerald glory of the woods
 Or flies above divine unreachable tops.
 Harmoniously she impressed the earth with heaven.
 235 Aligned to a swift rhythm of sheer delight
 And singing to themselves her days went by;
 Each minute was a throb of beauty's heart;
 The hours were tuned to a sweet-toned content
 Which asked for nothing, but took all life gave
 240 Sovereignly as her nature's inborn right.
 Near was her spirit to its parent Sun,
 The Breath within to the eternal joy.

В ней ощущалось с самых ранних лет
 Сиянье света, что земле неведом,
 И чувства, что лишь вечности под силу,
 И мысли, что присущи лишь богам.
 Могучей птицей с грудью дивноперой,
 Полна своим восторгом окрыленным,
 Она жила в иных, великих странах,
 Присев на тайной ветви плодоносной
 В бескрайнем царстве изумрудных кущ
 Иль воспаряя выше высших пиков

- Даже в ее детских проявлениях можно было ощутить
- 225 Близость света, еще не открытого земле,
Чувства, которые могла сопережить только вечность,
Мысли, естественные и свойственные [лишь] для богов.
Словно бы не нуждаясь ни в чем, кроме своего восхищенного полета,
Ее природа жила в обособленности насыщенного могучего воздуха,
- 230 Подобная удивительной птице с пышноперой, богато окрашенной грудью,
Которая то присаживается на тайную плодоносную ветвь,
Затерявшись в изумрудной роскоши [великих] лесов,
То воспаряет выше недостижимых божественных вершин.
Она гармонично запечатляла на земле [реальность] неба³⁴.
- 235 Следуя быстрому ритму ничем не омрачаемого восторга,
Напевая сами себе, [мирно] проходили ее дни;
Каждая минута была биением сердца красоты;
Часы текли в ладу со сладкозвучным согласием,
Которое не просило ничего, но принимало все, что давала жизнь,
- 240 С царственным благоволением, будто врожденную дань своей природы³⁵.
Ее дух был близок с родимым³⁶ Солнцем,
А Дыхание [жизни] внутри — с вечной радостью.

³⁴ Досл.: Она гармонично впечатляла землю небом.

³⁵ Или: как то, что принадлежит ее природе по праву рождения.

³⁶ Или: ее дух был сопричастен своему родительскому Солнцу.

В божественный эфир недостижимый,
Гармонией небес волнует землю.
Размерены блаженным скорым ритмом,
Счастливой песней дни ее текли;
В мгновеньях билось сердце красоты;
Часы лились в довольстве сладкозвучном,
Что ничего не просит, все приемля
Всеправно, будто дань своей природы.
Был близок дух ее с родимым Солнцем,
Дыханье в сердце — с радостью предвечной.

The first fair life that breaks from Nature's swoon,
 Mounts in a line of rapture to the skies;
 245 Absorbed in its own happy urge it lives,
 Sufficient to itself, yet turned to all:
 [356] It has no seen communion with its world,
 No open converse with surrounding things.
 There is a oneness native and occult
 250 That needs no instruments and erects no form;
 In unison it grows with all that is.
 All contacts it assumes into its trance,
 Laugh-tossed consents to the wind's kiss and takes
 Transmutingly the shocks of sun and breeze:
 255 A blissful yearning riots in its leaves,
 A magic passion trembles in its blooms,
 Its boughs aspire in hushed felicity.
 An occult godhead of this beauty is cause,
 The spirit and intimate guest of all this charm,
 260 This sweetness's priestess and this reverie's muse.
 Invisibly protected from our sense
 The Dryad lives drenched in a deeper ray
 And feels another air of storms and calms
 And quivers inwardly with mystic rain.

< Дриада —
 душа дерева >

Когда, восстав из забвения Природы,
 Впервые жизнь пригожая взрастает
 И рвется к небу пикою восторга,
 В своем счастливом устремлении ввысь
 Она самоблаженна, самосуца
 И все ж обращена к всему вокруг:
 Без видимых сношений с внешним миром
 Она живет в оккультном единении,
 В орудьях не нуждаясь и обличьях;
 Она взрастает в лад со всем, что суще,
 В свой транс вбирает все прикосновенья,

- Первая пригожая жизнь, которая вырывается из забвения Природы,
Побегом восторга поднимается к небесам;
- 245 Поглощенная собственным счастливым порывом, она живет,
Самодостаточна и все же обращена ко всему [сущему]:
У нее нет зримой взаимосвязи со своим миром
Или открытого обмена с окружением.
Она обладает естественным сокровенным единством [с мирозданием],
- 250 Которое не нуждается во [внешних] средствах и не создает [себе]
никаких форм [выражения];
- Она возрастает в унисон со всем сущим.
В свой транс она вбирает все прикосновения,
Вибрируя от смеха, благосклонно принимает поцелуи ветра и усваивает,
Преобразуя [и поглощая], потрясения солнечных лучей и воздушных дуновений:
- 255 Блаженное томление вскипает в ее листьях,
Магическая страсть волнуется в ее соцветиях,
Ее ветви в тихом счастье стремятся [ввысь].
Причина этой красоты — оккультное божество,
Душа и сокровенная гостя³⁷ всего этого очарования,
- 260 Жрица этой сладости и муза этой грезы.
Незримо хранимая от наших чувств,
Живет Дриада, орошаемая более глубоким лучом³⁸,
И ощущает иной воздух бурь и затиший,
И в сокровенной глубине трепещет от мистического ливня.

³⁷ Досл.: дух и сокровенный гость.

³⁸ Или: погруженная в более сокровенный луч.

Смесь всей кроной, ловит ласки ветра,
Впивает благодать дождя и солнца:
В листьях кипит блаженное томленье,
Волшебной страстью полнятся соцветья,
Стремятся ветви ввысь в безмолвном счастье.
Оккультный дух — той красоты источник,
Богиня — гостя той изящной сказки,
Той неги жрица, муза той мечты.
От наших чувств невидимо хранима,
Дриада, под лучом купаясь тайным,
Живет, вдыхая воздух бурь и тишей,
Трепещет скрытно под нездешним ливнем.

- 265 This at a heavenlier height was shown in her.
 Even when she bent to meet earth's intimacies
 Her spirit kept the stature of the gods;
 It stooped but was not lost in Matter's reign.
 A world translated was her gleaming mind,
 270 And marvel-mooned bright crowding fantasies
 Fed with spiritual sustenance of dreams
 The ideal goddess in her house of gold.
 Aware of forms to which our eyes are closed,
 Conscious of nearnesses we cannot feel,
 275 The Power within her shaped her moulding sense
 In deeper figures than our surface types.
 An invisible sunlight ran within her veins
 And flooded her brain with heavenly brilliances
 That woke a wider sight than earth could know.
 280 Outlined in the sincerity of that ray
 Her springing childlike thoughts were richly turned
 Into luminous patterns of her soul's deep truth,
 [357] And from her eyes she cast another look
 On all around her than man's ignorant view.
 285 All objects were to her shapes of living selves
 And she perceived a message from her kin
 In each awakening touch of outward things.

*<природа Савитри
 в детстве>*

В ней с высотой небесной то предстало.
 Пускай она к земным сошла объятям —
 В ней дух хранил достоинство богов;
 Он низлетел, но не забылся в персти.
 Был ум ее открытым светлым миром,
 И луносветный рой фантазий чудных
 Питал духовной благодатью грез
 В златом дворце богиню идеала.
 Провидя формы, что для нас незримы,
 И таинства, что недоступны нам,
 В ней чудо-Мощь творила чувств обличье
 С нездешней глубиной дивных черт.

- 265 Все это было явлено в ней (в божественном ребенке) с небесной высотой.
Даже хотя она преклонилась, чтобы сопережить таинства земли³⁹,
Ее дух сохранял стать богов;
Он низлетел, но не потерял себя в царстве Материи.
Ее лучащийся разум воспроизводил в себе целый мир⁴⁰,
- 270 И дивнолунные светлые роящиеся фантазии
Питали духовным нектаром⁴¹ грез
Идеальную богиню в ее золотой обители.
Различая формы, на которые наши глаза закрыты,
Сознавая рядом присутствия⁴², которых мы не можем почувствовать,
- 275 Сила внутри нее придавала ее формирующемуся восприятию
Более глубокие черты, чем [имеют] наши поверхностные типичные [чувства]⁴³.
Невидимый солнечный свет струился по ее жилам
И полнил ее мозг небесными блистаниями,
Которые пробуждали более широкое видение, чем могла постичь земля.
- 280 Очерченные в искренности этого луча,
Ее бьющие ключом по-детски чистые мысли изобильно превращались
В светоносные узоры-выражения глубокой истины ее души,
И из ее глаз исходил иной взгляд
На все вокруг, чем невежественное зрение человека.
- 285 Все предметы были для нее формами, обликами живых «я»,
И она постигала весть [тайного] родства
В каждом пробуждающем прикосновении внешних вещей.

³⁹ Или: чтобы установить тесные отношения с землей.

⁴⁰ Или: был целым воспроизведенным миром.

⁴¹ Досл.: пропитанием.

⁴² Досл.: сознавая близости...

⁴³ Досл.: типы.

Незримый солцеток ей полнил жилы
И в мозг вторгался свётами небес,
Даруя зренье широты нездешней.
В том искреннем луче, по-детски чистом,
Блистала мысль ее, сплетая светлый
Узор глубинной истины души.
В очах ее иной светился взгляд
На все вокруг, чем зренье темных смертных.
Обличьями своих заветных «я»
Ей все предметы виделись; все вещи
Своим прикосновением бодрящим
Сообщали ей о тайном с ней родстве —

Each was a symbol power, a vivid flash
 In the circuit of infinities half-known;
 290 Nothing was alien or inanimate,
 Nothing without its meaning or its call.
 For with a greater Nature she was one.
 As from the soil sprang glory of branch and flower,
 As from the animal's life rose thinking man,
 295 A new epiphany appeared in her.
 A mind of light, a life of rhythmic force,
 A body instinct with hidden divinity
 Prepared an image of the coming god;
 And when the slow rhyme of the expanding years
 300 And the rich murmurous swarm-work of the days
 Had honey-packed her sense and filled her limbs,
 Accomplishing the moon-orb of her grace,
 Self-guarded in the silence of her strength
 Her solitary greatness was not less.
 305 Nearer the godhead to the surface pressed,
 A sun replacing childhood's nebula
 Sovereign in a blue and lonely sky.
 Upward it rose to grasp the human scene:
 The strong Inhabitant turned to watch her field.

*<Савитри
 как откровение
 супраментальной
 Природы>*

*<взросление Савитри
 и проявление
 ее скрытой
 божественности>*

Знаменья-силы, проблески живые
 В круженье беспредельностей туманных.
 Все было для нее живым и близким,
 Все открывало ей свой смысл, свой зов.
 Ведь в ней Природа высшая явилась.
 Как из земли восстал цветок прелестный,
 Как человек возрос под шкурой зверя, —
 В ней новое предстало Откровенье.
 Пресветлый разум, жизни властный ритм,
 Божественности знак в чертах телесных
 Слагали образ будущего бога.

- Каждый [предмет] представлял символической силой, яркой, [живой] вспышкой
В круговороте полуизведанных бесконечностей;
- 290 Ничто не было чуждым или неодушевленным,
Ничто не [утаивало] своего смысла или своего зова.
Ведь она была едина с высшей Природой.
Как из земли проклюнулось великолепие побега и цветка,
Как из жизни животного восстал мыслящий человек,
- 295 [Так] в ней проявилось новое откровение.
Разум света⁴⁴, жизнь[, исполненная] ритмической силы,
Тело, проникнутое тайной божественностью,
Подготавливали образ грядущего бога;
И когда размеренный стих расцветающих⁴⁵ лет
- 300 И обильный труд деловито гудящего роя дней
Собрали весь мед [в соты] ее чувств и напитали все ее члены,
Восполнив лунный диск ее грации,
Самохранимое в безмолвии ее силы,
Ее уединенное величие не приуменьшилось.
- 305 Божество пролагало себе путь все ближе к поверхности,
Солнцем, сменившим туманность детства,
Царственно [воссиявшим] в голубом одиноком небе.
Оно восходило все выше, стремясь обнять [всю] человеческую арену:
Могучая Постоялица⁴⁶ начала осматривать поле своей [работы].

⁴⁴ Или: Светоносный разум.

⁴⁵ Или: растущих, распускающихся.

⁴⁶ Или: Жилец.

Когда ж неспешный сказ растущих лет
И рой гудящий дней трудолюбивых
Весь мед сносили в соты чувств и членов,
Восполнив лунный диск ее красы, —
Безмолвьем силы внутренней хранимо,
Не преуменьшилось ее величье.
В ней солнце божества лишь ярче стало,
Всеправно увенчав туманность детства,
Взойдя в лазурном небе одиноком.
Оно росло, стремясь обнять весь мир:
Надел свой озирал Жилец могучий.

- 310 A lovelier light assumed her spirit brow
 And sweet and solemn grew her musing gaze;
 Celestial-human deep warm slumbrous fires
 Woke in the long fringed glory of her eyes
 Like altar-burnings in a mystieried shrine.
- 315 Out of those crystal windows gleamed a will
 That brought a large significance to life.
 Holding her forehead's candid stainless space
 Behind the student arch a noble power
- [358] Of wisdom looked from light on transient things.
- 320 A scout of victory in a vigil tower,
 Her aspiration called high destiny down;
 A silent warrior paced in her city of strength
 Inviolate, guarding Truth's diamond throne.
 A nectarous haloed moon her passionate heart
- 325 Loved all and spoke no word and made no sign,
 But kept her bosom's rapturous secrecy
 A blissful ardent moved and voiceless world.
 Proud, swift and joyful ran the wave of life
 Within her like a stream in Paradise.

*<качества
 природы Савитри>*

Сиял все краше лик ее духовный,
 Стал ясный взор ее глубок и сладок;
 Небесный-в-смертной теплый томный огонь
 Проснулся в глубине очей прекрасных
 Под сенью долгих трепетных ресниц,
 Как жертвенное пламя в тайном храме.
 В хрустальных окнах тех светилась воля,
 Что придавала жизни высший смысл.
 Обняв ее чела простор безгрешный,
 За аркою пытливой чудо-сила
 Свет-мудрости на тленный мир взирала.

- 310 Ее духовное чело засветилось более миловидным светом,
А ее задумчивый взгляд стал сладок и серьезен;
Небесно-человеческие глубокие теплые томные огни
Пробудились в продолговатом, окаймленном [густыми ресницами]
великолепии ее очей,
Словно алтарные пламена в таинственном святилище.
- 315 В этих хрустальных окнах мерцала воля,
Которая придавала жизни великий смысл.
Обнимая искреннюю беспорочную широту ее чела,
Благородная сила мудрости, скрытая за пытливым изгибом,
Взирала глазами света на преходящее.
- 320 Дозорным победы на сторожевой башне,
Ее стремление сзывало [в жизнь] высокую судьбу;
Безмолвный воин вышагивал в ее незыблемой твердыне силы⁴⁷,
Храня [в неприкосновенности] алмазный⁴⁸ престол Истины.
Нектарная, окруженная ореолом луна — ее страстное сердце
- 325 Любило все и вся, не выдавая себя ни словом, ни знаком
И сохраняя восторженную сокровенность в ее груди —
Блаженный, пылкий, трепетный и безгласный мир.
Гордый, стремительный и радостный, поток жизни
Мчался в ней волнами, подобный райской реке.

⁴⁷ Или: в ее граде силы вышагивал несокрушимый безмолвный воин.

⁴⁸ Или: бриллиантовый.

Ее стремление, смотровой победы,
Без сна вперяясь вдаль с дозорной башни,
Сзывало в жизнь высокую судьбу.
Незыблемый, в ее твердыне силы
Безмолвный воин не смыкал очей,
Храня всечасно трон алмазный Правды.
В груди ее в укромности блаженной,
В безмолвной, страстной, радостной вселенной
Медвяною луной пылало сердце,
Любя весь мир безгласно, неприметно.
Широк и скор, в ней жизни ток счастливый
Струился гордо райскою рекой.

- 330 Many high gods dwelt in one beautiful home;
 Yet was her nature's orb a perfect whole,
 Harmonious like a chant with many tones,
 Immense and various like a universe.
 The body that held this greatness seemed almost
- 335 An image made of heaven's transparent light.
 Its charm recalled things seen in vision's hours,
 A golden bridge spanning a faery flood,
 A moon-touched palm-tree single by a lake
 Companion of the wide and glimmering peace,
- 340 A murmur as of leaves in Paradise
 Moving when feet of the Immortals pass,
 A fiery halo over sleeping hills,
 A strange and starry head alone in Night.

End of Canto One

Жил сонм богов в одном прекрасном зданье;
 И все ж ее природы универсум
 Был совершенным, стройным, словно песнь,
 Что льется разногласными ладами, —
 Бескрайний, многомерный, цельный мир.
 А тело, что вместило то величье,
 Казалось, соткано небесным светом,
 Чаруя, словно образы видений:

- 330 Много высоких богов уживались в единой прекрасной обители;
И все же [многомерный] универсум⁴⁹ ее природы был совершенным
в своей целостности,
Гармоничный, словно песнь с множеством тонов,
Огромный и разнообразный, словно вселенная.
Тело же, которое вмещало это величие, почти казалось
- 335 Образом, созданным из прозрачного света небес.
Его очарование напоминало видения, открывающиеся в часы прозрения:
Золотой мост, выгнувшийся над волшебным потоком,
Одинокую пальму у озера, ласкаемую светом луны, —
Подругу раздольного мерцающего покоя,
- 340 Перешептывание трав в Раю,
Волнуемых стопами Бессмертных,
Огненный ореол над спящими холмами,
Странную звездоосиянную главу⁵⁰, одиноко [высящуюся] в Ночи.

Конец Песни первой

⁴⁹ Или: объемный мир; многонаселенная сфера; светило.

⁵⁰ Или: звездную вершину.

Златой ли мост над сказочным потоком,
Иль пальма одинокая у моря,
Объятая покоем лунных ширей,
Иль сладкий шепот райской муравы,
Трепещущей под стопами бессмертных,
Лучистый огонь над спящими холмами,
Чудесный звездный лик, един средь Ночи.

Конец Песни первой

КОММЕНТАРИЙ

Комментарий представляет собой частную точку зрения комментатора и не претендует на полноту. Он выполнен в форме свободного изложения-пояснения, ставящего задачу, с одной стороны, в большем объеме передать тонкие особенности и атмосферу оригинального текста, а с другой — пояснить общие направления сюжета и скрытый символизм образов поэмы. По ходу изложения приводятся цитаты из работ и бесед Шри Ауробиндо и Матери, связанные, по мнению комментатора, с исследуемым текстом и позволяющие глубже понять смысл, заложенный в него автором. В частности, приводятся автобиографические заметки Матери, чья жизнь и духовный путь нашли отражение в образе героини эпоса, а также выдержки из ставшей классической биографии Матери, написанной ее и Шри Ауробиндо близким учеником, известным ученым К. Р. Шриниваша Айенгаром, позволяющие проследить связь содержания поэмы с жизнью и духовным развитием Матери. Кроме того, проводится сопоставление сюжетов эпоса Шри Ауробиндо и древней легенды о Савитри, легшей в его основу.

(1)

Движение времени на земле

Менадой-вакханкой, вожделенно кружась вокруг желанного солнца, но не смея его коснуться, земля вечно влечется вслед за ним в нескончаемом странствии. Полупробудившийся в колыбели пустоты разум вымышляет на лоне Бессознания грезу жизни и несет этот ограниченный мирок мыслей и действий сквозь неподвижный транс Беспредельности. Так, беспомощно вращаясь в вселенском колесе, изукрашенном звездами-самоцветами, земля летит куда-то в безграничном непреходящем безмолвии, но все же ощущает глубокую общность с неким мистическим сердцем вселенной; среди мнимой неподвижности звезд она стремится к некоему безвестному событию-исходу, и ритм ее движения задает вековечный циклический ход земного Времени. В этом безостановочном движении дни, словно красочные спицы в колесе, сменяют друг друга, увлекаемые пурпурным ободом горизонта. И в меняющихся оттен-

ках воздуха следуют друг за другом сезоны-времена года, слагаясь в череду бесконечных лет.

Такой грандиозной картиной Шри Ауробиндо начинает Часть вторую «Савитри». Удивительное описание хода земного времени! Вращение вселенной увлекает солнце, которое влечет за собой в нескончаемое странствие землю; земля жаждет прикоснуться к влекущему запретному светочу, но не смеет этого сделать и лишь вечно продолжает безнадежно вращаться вокруг него, побуждаемая своим негасимым стремлением к Свету. Так сам материальный процесс вращения земли вокруг солнца в прозрении поэта-провидца предстает глубоким символом психологической реальности Земли в универсальной божественной Игре и фундаментальной двойственности ее природы: он олицетворяет, с одной стороны, ее вечное стремление к Свету, а с другой — невозможность или недостаточную решимость достичь его, но в то же время и невозможность оторваться от влекущего светоча. Физическая реальность движения небесных тел наполняется глубоким психологизмом и предстает символом глубочайшей истины существования Земли как принципа развивающегося Бытия в мире Несознания (санскритское *бхуми*), олицетворением ее предназначения во вселенной, ее взаимодействия с Солнцем, в свою очередь являющимся символом высшего Света, к которому ей суждено подняться в своем развитии. Из мрака Несознания к солнцу Света — таков путь Земли, таково ее вечное устремление и ее предназначение. Высший Свет вечно побуждает Землю стремиться к предначертанной ей цели. Он вытягивает принцип Бытия из глубин Несознания, побеждая инертность и косность бессознательного, и вращение земли вокруг солнца, которое влечет ее к неведомому исходу, задает ход земного Времени, то есть побуждает движение эволюции на земле.

В процессе эволюционного развития на земле возникает мир жизни и разума — конечный, ограниченный мир человека разумного, его мыслей и действий, в котором сама жизнь предстает лишь грезой, вымыслом ума — главной движущей силой человеческого мира, несущей его сквозь неподвижный транс Беспредельного. Этот транс также является символом всей материальной вселенной: транс, забытие Бесконечного порождает Несознание, из которого и восстает, движимый эволюционной силой, матери-

альный мир. Мы видим, что этот сонный разум с его грезой жизни не способен утолить жажду, стремление земли. Она продолжает беспомощно вращаться в самоцветном звездном колесе, увлекаемая им к некоему еще непроявленному событию и в окружающем ее вечном безмолвии ощущает притяжение и водительство некоего мистического сердца Пространства, Космоса.

Итак, поэт открывает нам удивительную истину: именно стремление земли к свету побуждает ее движение, в результате чего принцип Бытия возникает из Несознания и начинает эволюционировать. В материальном отношении это стремление порождает движение земли: она вращается вокруг солнца, и это вращение является в отношении земли фактором, определяющим ход времени на ней. Вращение вокруг солнца — это мера земного времени и одновременно символ временного процесса и хода эволюции. Вместе с тем, земля следует за солнцем в его движении, и этот материальный факт также предстает символом: солнце словно влекущий путеводный светоч, светозарный водитель земли влечет ее к ее пока еще нераскрытой цели.

Далее, вращение земли вокруг своей оси также предстает символом эволюционного движения: нам рисуется образ колеса времени, где дни, словно разноцветные спицы, вращаются вслед за пурпурным ободом горизонта, — словно божественная колесница мерно движется к своей цели. И из этого вращения рождается смена времен года: в очаровании воздушных перемен и меняющихся красок природы сезоны следуют друг за другом, слагаясь в движение лет.

Шри Ауробиндо рисует законченную картину земного времени как символа и следствия универсальных процессов космического бытия.

(2)

Времена года — универсальные символы

Теперь это событие, к которому с незапамятных пор влечется земля, близко: на земле должна родиться Савитри, спасительница, воплощение Божественной Матери, которая дарует земле столь желанный и долгожданный Свет. В преддверии Ее рождения сама череда времен года предстает глубоко символичной: сезоны-зна-

меня, словно во взаимосвязанном, исполненном глубокого смысла танце, образуют символическую меняющую облики процессию — пышное торжественное шествие этого судьбоносного года.

Интересно, что в своей поэме Шри Ауробиндо, в отличие от древней легенды, не дает никаких физических подробностей рождения Савитри. Вот как описывается рождение Савитри в легенде из Махабхараты:

Царь, который всегда был твердо верен обетам праведности, с течением времени оставил свое семя в лоне своей старшей царицы, спутницы на пути дхармы.

О Юдхиштхира, та, что понесла, была царевной, происходящей родом из Малавов; в ней взрастал плод, как в небе растет Владыка Звезд в светлую половину месяца.

По прошествии должного времени она родила прелестную девочку с глазами-лотосами; возрадовавшись этому, благороднейший из царей надлежащим образом исполнил все обряды для новорожденной.

Поскольку она была дарована [Богиней] Савитри, довольной почитанием Савитри¹, [совершенным царем], отец вместе с умудренными нарекли ее также Савитри.

Шри Ауробиндо не говорит ничего ни о родителях Савитри, ни собственно о ее физическом рождении и даже не называет ее имени — лишь из названия Песни мы можем узнать о «рождении Пламени». Тем самым он подчеркивает универсальный масштаб и символический характер этого Рождения. Рождается не просто человеческое существо, не просто еще один индивид, но высшее божественное Пламя нисходит на землю. Картина, изображаемая в Песне, отличается поистине вселенским и непреходящим масштабом. Автору действительно удалось соединить Вневременное и Время в едином грандиозном описании, словно высеченном на скрижалях вечности. Вместо физических подробностей человеческого рождения Шри Ауробиндо рисует картину следующих друг

¹ Или: жертвованием Савитри — можно трактовать это как возношение мантры (джану) Савитри, которое, согласно легенде, Ашвапати совершал в течении восемнадцати лет.

за другом времен года, которые предстают символом зачатия и вынашивания Савитри. Саму смену земных сезонов поэт-провидец преображает в универсальный символ божественного Пришествия. Универсальность этого события он подчеркивает, говоря о глубокой значимости взаимосвязанного танца сезонов и о символичности пышного шествия года, слагающегося из этого танца:

*The seasons drew in linked significant dance
The symbol pageant of the changing year.*

*Сезоны сочетались в своем глубоком взаимосвязанном танце
В символическое [роскошное] шествие изменяющего
[свой облик] года.*

Вся земная Природа словно бы готовится к пришествию Савитри, принимает участие в ее рождении и служит его символом.

Согласно легенде, Савитри рождается в Индии, и Шри Ауробиндо описывает чередование именно индийских сезонов — это шесть времен года: лето, сезон дождей, осень, зима, пора рос и весна. Тем не менее описание достаточно универсально и соответствует природным явлениям, происходящим в большинстве частей света. Это блистательное поэтическое полотно исполнено невероятной красоты и силы. Мы можем отчетливо ощутить, что сверхсознательное видение способно проявлять свою глубину и могущество выражения и в изображении казалось бы совершенно земных, далеких от йогических сфер природных явлений. После запредельной возвышенности и грандиозности описаний йоги царя Ашвапати из Части первой «Савитри», здесь мы с удивлением видим, что это запредельное Сверхсознание может выражать себя и с тонким, проникновенным лиризмом, вдохновенной чувственной красотой, что оно не чуждо ничему земному, а напротив, дарует земным явлениям совершенную полноту самовыражения и самопостижения. Именно об этом говорит Шри Ауробиндо в «Поэзии будущего»:

Поэзия новой эпохи совсем не обязательно будет чем-то возвышенным и далеким или прекрасно и утонченно непостижимым — или по крайней мере, не только таким, — но и прибли-

зит к нам самые высокие вещи, сделает их доступными и зримыми, с великой силой и красотой воспоет все, о чем пели прежде, все, чем мы являемся, — от внешнего тела до самого Бога и истинного «Я», конечное и бесконечное, преходящее и Вечное, — но сделает это с новым всепримирающим и всеобъемлющим видением, в результате чего они предстанут нам иными, чем были, даже когда будут оставаться прежними. ...

Ибо теперь разум человека более широко открывается глубочайшей истине Божественного, высшего «Я», Духа, вечного Присутствия — не обособленного и далекого, но близкого нам, окружающего нас, пребывающего в нас: Духа в мире, высшего «Я» в человеке и человечестве, Духа во всем сущем, во всем живом, Божества, Бытия, Силы, Красоты, вечного Восторга, осеняющего все, поддерживающего все и проявляющегося во всяком явлении творения. Поэзия, которая живет в этом видении, должна дать нам совершенно новое изображение и истолкование жизни; ибо само по себе и с первым же прикосновением это видение заново воссоздает и заново изображает мир для нас и приносит нам более великое ощущение и более широкую, тонкую и глубокую форму нашего бытия. ... Природа уже предстает нашему взору в более грандиозном и более прозрачном облачении своей божественной и животной, земной и космической жизни, и в будущем, безусловно, можно ожидать появления поэтических творений, выражающих более глубокое видение Природы, чем все созданное донныне.

Поэзия будущего, с. 226, 250

Лето

Описание начинается с Лета, «шагающего в роскошном блеске неистовых полудней», словно прожигая, прокаливая землю своим жаром, своей «тиранией жгучего света», очищая ее и запечатляя всюду свою «синюю печать огромного блистающего неба», словно свидетельство того, что она готова принять небесное семя. Солнце будто бы страстно взирает на землю своим невыносимо пылким оком, любясь ее смуглым, загорелым от знойных ласк возлюбленного ликом.

Сезон дождей

И вот, словно разрядом, выплеском этой знойной, раскаленной страсти солнца, на землю обрушивается жизнедарный шквал дождя. Интересно очевидное созвучие *torrid light — torpid soil* (жгучий, раскаленный свет — вялая, оцепеневшая земля), подчеркивающее изначальную разделенность земли и неба, противоположность их состояния и одновременно — некую сокровенную связь между ними. Сезон дождей предстает символом оплодотворения земли небесной влагой, семенем небес. Поразительное по реалистичности, красоте и силе описание бурного муссона! Сколь музыкальны и прекрасны поистине мантрические строки:

*A traveller from unquiet neighbouring seas,
The dense-maned monsoon rode neighing through earth's hours...*

*С бушующих морей с громовым ржаньем
Принесся вскачь муссон косматогривый...*

Так и слышится завывание ветра, рокот грома, бушевание моря, за которыми доподлинно оживает образ могучего необузданного коня-урагана. Гроза, буря, битва богов предшествуют и сопровождают падение семени небес в земное лоно. Неистовство божественной страсти, соития земли и неба, кажется, сотрясает весь мир. Все погружается в сумрак, все окутано влажной изморосью; день неотличим от ночи, небо от земли: перевозданный хаос творения...

Но вот все затихает. Земля, словно обмякнув в сонной неге после бурного соития, удовлетворенно покоится, приняв в себя семя неба. Всюду распространяется тишь и покой; стихии успокаиваются; солнце счастливо, ибо земля теперь породнилась с небом, и оно льет на землю дружественные лучи. Все замирает, словно предчувствуя приближение Бога; свет грезящего транса озаряет и землю, и небо, словно объединяя их и подчеркивая их новое родство и сопричастность друг другу; все обнимается созерцательным покоем, чье уединенное сердце полнит единение и экстаз. В Пространстве, словно в бессловесном, смутном разуме, вибрирует некая тонкая мечта; Время раскрывает свои потайные кладовые счастья; все

наполняется возвышенным восторгом и надеждой: некое глубинное сокровенное «я» устремляет взор к более высокой выси неба, сокровенная мысль возжигает некое тайное пламя, и внутреннее видение с восхищением и преклонением прозревает невидимое солнце.

Все эти тонкие, глубокие образы символически говорят о пришествии Савитри. «Тайное пламя», «невидимое солнце» — это она; это ее свет озаряет землю и небо, это от нее исходит созерцательный покой, это ее приближение ощущает земля, Пространство и Время, полнясь в своей сокровенной душе и мысли мечтой и надеждой на освобождение и преображение, единением с Божественностью и блаженством.

Три поры вынашивания плода

И вот сияющей поступью проходят три должные мудрые поры, девять месяцев вынашивания божественного плода, исполненные глубокого промысла. Они проникают взором каждый час вынашивания, следя за тайным Пламенем, возрастающим в светоносных недрах земли, в обоготворенном лоне: вся Природа словно встречает в торжественном, священном бдении грядущее великое Рождение.

Настает Осень, принося великолепие своих полноликих лун и грезя над прелестью своих чудных лотосных озер; за ней приходят Зима и Пора рос (сезон года в преддверии весны), лаская своими покойными прохладными дланями лоно Природы, по-прежнему пребывающей в полусне словно в самопогруженности вынашивания чудного плода, и углубляя оттенками мягкого, зрелого умиротворения покойную красоту близящегося к завершению года. Все словно погружается в негу и отдохновение, готовясь к долгожданному разрешению от бремени.

Весна

И вот Весенний Дух, словно пылкий влюбленный, вспрынув из новорожденной листвы, внезапно заключает в свои страстные объятия землю-невесту. Он предстает олицетворением божественного Возлюбленного, к которому с незапамятных пор влеклась земля — и теперь ее возлюбленный вдруг приходит к ней и овладевает ею.

Его пришествие зажигает всюду огонь радужных оттенков, его длани даруют упоенной земле объятия восторга, его глас звучит призывом к трансцендентным сферам, к обители всевышнего Возлюбленного, чье тайное прикосновение всегда питает и поддерживает наши смертные жизни, возрождает древнюю радость во все новых и новых формах, пробуждает в наших сердцах неподвластный времени и смерти отклик на прелесть и очарование Природы, трепещет повсюду сокровенным неутихающим пульсом, извечно пробуждая все сущее к изначальному восторгу, красоте, наслаждению и радости жизни. Его магия и очарование преобразуют все вокруг; он вселяет в сердце земли сокровенную радость, которая счастливо томится в ее груди. Он обнимает тело земли, словно юный бог, и, преображенная страстью его внезапного божественного явления, она облекается новой, чарующей красотой от его поцелуя. Он приходит, исполненный жажды счастья, звонко играя на флейте счастливыми трелями коила (индийской кукушки, олицетворения весны и любви, аналогичного нашему соловью), воздев на кроны деревьев свой павлиний тюрбан; его дыхание плывет теплым призывом к упоению, его взор чарует глубокой, сладострастной синью. Очарование юного бога, восторг и радость, жажда счастья, чарующая игра на флейте, павлиний тюрбан, любовные объятия и поцелуи, даруемые возлюбленной-земле, — все это традиционные атрибуты и признаки Кришны, божественного Возлюбленного, Божества блаженства, счастья и радости, столь распространенные в индийской литературной традиции.

Все это прекрасное и глубоко поэтичное описание весны становится у Шри Ауробиндо символом божественного Пришествия в мир: едва ли не каждой строкой, не каждым новым образом он снова и снова подчеркивает это. Удивительно, сколь тонко и гармонично сплетена связь между описанием знакомых всем явлений весеннего времени и символическим содержанием, вкладываемым в него поэтом. Практически каждая строка и каждый образ играют такую двоякую символическую роль и могут восприниматься и как образное описание весенних реалий, и как символ мистерии божественного пришествия.

Мягкая волна свыше словно вдруг прихлынула к сердцу, наполняя кровь избытком чувственной Божьей радости, — снова символ

божественного пришествия, ощущаемого даже в движении крови, в пульсации сердца. Интересно, что с одной стороны, описание отличается глубокой чувственностью, но с другой — эта чувственность чиста и беспорочна, исполнена светлой божественной радости. Так самой атмосферой поэтических строк подчеркивается характер происходящего — это слияние, воссоединение земли и неба в чувственной и чистой божественной Любви.

Бессмертные веяния касаются скоротечных земных часов, все наполняется трепетом восторга, ритмом единой гармонии, изливающейся в повсеместном торжестве красоты. Само дыхание становится страстным наслаждением благодаря богоподобной обостренности пылких чувств: все картины и образы, все звуки и голоса сплетаются в единую чарующую полноту и гармонию. Вся жизнь на зачарованном земном шаре становится бурей сладости и света, счастливой песнью, празднеством цвета и упоения, хоралом лучей, священным гимном-литанией возгласов и призывов. Вся Природа словно охвачена единым Богослужением, славя Его пришествие. Словно торжественное славословие разносится всюду в едином счастливом хоре голосов весны и, овеивая покачивающиеся курильницы деревьев, жертвоприношения благовоний полнят земные часы.

Интересно, что Шри Ауробиндо говорит именно о «литании»: все возгласы, все призывы земной Природы сливаются в единую литанию — торжественную и пылкую молитву-славословие. В западном христианстве особой известностью пользуется Литания Пресвятой Богородице, и в ряде стран существует обычай весной, в мае ежедневно совершать службу прославления Девы Марии с включением в нее этой литании. Савитри рождается именно весной, и звуки расцветающей природы отождествляются с всеприродной литанией родившейся Спасительнице.

Алыми пламенами пылают ашоки; белые жасмины, чистые словно дыхание беспорочного желания, пленяют зачарованный воздух; нежные соцветия манго насыщают томные мелодичные трели обезумевшего от любви коила; и коричневая пчела мягко гудит в благоухании медвяных бутонов. Все это — прекрасные и живые поэтические символы: алые соцветия ашоки — символ страсти; белые цветы жасмина — олицетворение чистоты и беспорочного желания; манго — символ пьянящей нежности; пчела — символ

сладостного упоения; коил-кукушка — символ весны и любви. Однако за этими поэтическими образами скрывается и еще более глубокая символика, опять же связанная с божественным Возлюбленным, Кришной. Для Шри Ауробиндо Кришна — это олицетворение блаженства Всевышнего, «Предвечный в Своей ипостаси Блаженства». В индийской традиции Кришна обладает пятью блаженными формами, и считается, что им соответствуют пять цветков, среди которых упоминаются и цветы ашоки и манго; при этом цветок манго воспринимается как символ проявления божественной любви и блаженства на уровне ментального сознания, *читтты* (*читта-кандарпа*), а цветок ашоки — как олицетворение светоносного преображения *камананды*, наслаждения любовной страсти (*камананда-пракаша*). Эти цветы также являются олицетворением пяти любовных стрел Кришны, соответствующих пяти его качествам. Кроме того, Кришна часто представляется в священных текстах в образе шмеля, кружащегося над своим лотосом высочайшей Любви и Блаженства и вечно пьющего его нектар¹. Как мы видим, Шри Ауробиндо искусно использует эти традиционные символические образы в своем описании весны как символа единения земной Природы с ее божественным Возлюбленным.

Интересно, что, по словам Матери, упоминаемые здесь цветы имеют следующее духовное значение: ашоки — беспечальная радость; жасмина — всеобъемлющая, «интегральная» чистота; манго — надежда Природы на реализацию, обретение Божественного. Таким образом, Шри Ауробиндо символами этих цветов говорит о том, что вся Природа встречает Савитри беспечальной

¹ Ср. например:

...У Кришны есть пять цветочных стрел, которые представляют вкус, прикосновение, зрение, звук и запах. Они представляют также пять рас: шанга, дасья, сакхья, ватсалья, мадхурья. Эти пять стрел называются: чидананд-дхара, видьянанда-дхара, садананда-дхара, камананда-дхара, рамананда. Названия стрел Кришны соответствуют пяти цветам и пяти сладостным формам Кришны: цветок манго — читта-кандарпа (любовное божество ума); цветок ашоки — камананда-пракаша (проявление блаженства любви); цветок бакула — видьянанда-дхара (хранитель блаженства мудрости). Место божественной любви Кришны — Вриндаван. Цветок лотоса — Шримати Радхика и цветок Ее любви — всегда вне всякого понимания. Шри Кришна — шмель, кружащийся над этим лотосом и вечно пьющий его нектар.

радостью и всеобъемлющей чистотой; а ее глашатай-коил поет, вдохновленный надеждой Природы на обретение Божественного. Это также и символ качеств, необходимых духовному искателю для обретения Божественного: беспечальный внутренний покой, всеобъемлющая чистота и неослабевающая надежда, вера в обретение, реализацию Божественного.

И теперь сам солнечный свет сияет свыше золотистой улыбкой великого божества — снова символ явления божественного Возлюбленного. Вся Природа блистает роскошным торжеством красоты, готовая к всевышнему Пришествию. В этот прекрасный, пленительный момент всеземного празднества и рождается Она.

Итак, смена земных сезонов предстает символом извечного циклично-спирального движения-восхождения земли к высшему Свету, к влекущему ее Божеству. Летний жар — символ жгучей божественной страсти; дожди — символ божественного оплодотворения земли, соития земли и неба; осень — символ созревания, а зима, холодное время года — символ вынашивания сокровенного плода, которому предстоит родиться; весна — символ пришествия божественного Возлюбленного земли, символ высшего осуществления, торжества Любви над смертью и мраком.

(3)

Пришествие

С тех пор, как существует земля, где бы и когда бы ни возникла возможность проявления луча Сознания, я была там.

Мать. Собр. соч., т. 13, с. 37

Божественное Рождение

Далее следует глубокое описание мистической сути божественного Рождения-Пришествия. В этот звездный, судьбоносный час богов в ответ на жажду земли и ее мольбу о счастье, о которой говорилось в начальных строках Песни, рождается величие из наших высших сфер. Тайное Слово необоримо изрекается безмолвием

среди земного шума и суеты. В забвение плоти нисходит высшая, более могучая сила, чем та, что обычно проявляется в смертных; на лоне земли зажигается божественный светоч, создается священный образ.

Земли касается луч свыше, пролегая словно мост над бездной между умом человека и Божьим Разумом, и связует своим сиянием наш бренный уровень с высшим Неведомым. И вот в земное тление, выражая небесную высь в несовершенном человеческом облики, нисходит божественный дух, высшая Душа, которая сохраняет сознание своего небесного истока и не скорбит о своем низвержении в смертность, но объемлет все великим покойным взором.

Та, что издревле сражалась с нашим мраком и нашей болью, вновь возвращается из трансцендентных планов и принимает на себя бремя смертной жизни, снова берясь за свою незавершенную божественную задачу. Пережив смерть и нескончаемые годы, она снова противостоит Времени, своим бездонным сердцем бросая вызов Смерти.

Вновь возобновляется и проявляется глубокое родство земли и неба, тайная связь, разорванная в царстве Времени, между двумя полюсами бытия: бренной человеческой частью, живущей в тяжелых трудах здесь на земле, и еще не родившейся, не проявленной безграничной божественной Силой.

Божественная Мать-Спасительница и ее труд на земле

Мы видим описание ипостаси божественной Матери — Матери-Спасительницы, которая с начала времен снова и снова рождается на земле, чтобы возвышать ее к Свету и Блаженству. Здесь уместно вспомнить древнюю притчу, которую не раз рассказывала Мать.

Эта история... пришла к нам из древней оккультной традиции, и она содержит в себе глубокий смысл. Несмотря на свою символическую форму, она и в самом деле является подлинной историей.

Когда Всевышний решил проявить себя во внешних формах, для того чтобы в этих формах созерцать себя, он сначала создал внутри себя Знание и Силу Проявления. Эта Знание-

Сила, или Сознание-Сила, есть Великая Мать. (Всякое могущество и всякая сила — это вибрация; всякая вибрация — это сознание; всякое сознание — это индивидуализированное существо — исключений здесь не бывает). Всевышний повелел, что Радость и Свобода должны лечь в основу Его Проявления, ибо без этих двух качеств Божественное выражение Блаженства, Ананды, невозможно; и Мать — Великая Созидательница, — конечно, исполнила Его волю.

После того, как был заложен фундамент божественной Радости и Свободы, Мать создала четыре Существа. Из них должно было развиться все, чему надлежало быть облеченным в форму. Эти четыре сущности были воплощениями Божественных Атрибутов, изначальными первоисточниками и столпами Творения. Первое существо было Сознанием, которое есть Свет; второе было Жизнью; третье — Блаженством, которое есть Любовь; четвертое — Истиной. Это были величайшие и невероятно могущественные существа, ибо каждое из них воплощало в себе один из Атрибутов Божественного. Они были почти полным Его Подобием. И они обладали полной свободой наслаждаться своей божественной сущью. Но случилось так, что эти первые четыре существа, почти уподобившиеся Богу, были настолько очарованы своей свободой и блаженством, что в какой-то момент вообразили, что они равны Богу и что они сами и есть Всевышний.

Как мы уже знаем, Высочайшее, или Всевышний, является также Единым, в котором нет места разобщенности. Но в силу того, что каждое из этих четырех существ вообразило себя Всевышним, во всем Творении появилась иллюзия разобщенности. В своем сознании эти четыре сущности отделились друг от друга и от своего Первоисточка. В конечном итоге они стали полной противоположностью тому, чем они были изначально. Существо Сознания и Света стало Владыкой Тьмы и Неведения; Существо Блаженства и Любви стало Владыкой Страданий; Существо Истины стало Владыкой Ажи; Существо Жизни стало Владыкой Смерти. Вот символическое описание того, что произошло с миром и почему он стал таким, каков он есть сейчас.

Когда Великая Мать увидела, какое разрушение было совершено ее детьми, она обратилась к Высочайшему, прося у Него средств, благодаря которым можно было бы исправить случившееся. Тогда Он повелел Ей излить Ее Сознание Света во Тьму Несознания, Ее Истину — в эту Ложь, Ее Любовь — в это Страдание. И Великая Мать сделала это, даже с еще большей интенсивностью, чем тогда, когда она творила эти четыре Существа. Она погрузилась в ужас Ночи Несознания и снова пробудила в ней Сознание, Любовь и Истину, чтобы развернуть движение Вселенной в направлении утраченного Источника неиссякаемого Блаженства. Медленную реализацию этого спасительного возвращения-избавления мы и называем эволюцией¹.

Дж. ван Фрекем. За пределы человека, с. 89—91

Слово, изрекаемое безмолвием, — это также олицетворение Божественной Матери...

И Шри Ауробиндо далее раскрывает этот образ. Ведь с тех пор, как на этом слепом кружащемся шаре земная плазма впервые затрепетала озаряющим разумом и жизнь овладела материальной формой, встревожив Несознание потребностью чувствовать, с тех пор, как в безмолвии Бесконечности пробудилось слово, в недрах, в груди Природы трудится Мать-мудрость, стремясь утолить блаженством сердце тягот и лишений и навязать совершенство неполноценным силам жизни, принудить сумрачную бездну к небесному чувствованию и пробудить бессловесную, косную Материю к осознанию ее Бога. Так работает эта материнская Мудрость; она вечно трудится и в нас: невзирая на то, что наши падшие умы забывают о восхождении, а наша человеческая сущность сопротивляется или сокрушается, она продолжает следовать велению своей воли, надеющейся обожествить смертный прах. Ни неудача, ни поражение не могут остановить или обескуражить ее; вся бесконечность времени не в силах утомить ее, а вся вселенская Пустота — расходить или ниспровергнуть ее усилия; нескончаемые века труда ни чуть не уменьшили ее пыла; она не признает побед Судьбы и Смерти; она всегда ведет душу к новым попыткам и дерзаниям; ее магическая беспредельность вечно принуждает инертные грубые

¹ О Божественной Матери и ее труде см. также Предисловие к серии, с. 15—16.

начала стремиться ввысь. словно готовая расточить целую бесконечность, она щедро сыплет семена могущества Вечного в полуживые распадающиеся формовки человеческих существ, сажает ростки небесного восторга в страстную грязь человеческого сердца, изливает искания божества в его голое звериное тело, прячет бессмертие под маской смерти.

Вочеловечение

И вот вновь возобновляется это глубокое мистическое дерзание, этот рискованный кон космической игры. Высшая божественная Воля снова облачается в земную форму. Божественное сознательное существо, рождающееся на земле, полновластно формирует для себя свои внешние инструменты, призванные выразить божественность земными средствами: разум, витальное, тело (именно таково высшее предназначение всех наших инструментов). Создается Разум, получающий полномочия от незыблемого престола Истины, для видения и интерпретативной функции — такова подлинная функция разума: не хаотическое мышление, но безмолвное видение и выражение получаемой свыше Истины. Под давлением этого нового Нисхождения формируется тело, более прекрасное, чем когда-либо знала земля. И вот все это новоявленное чудо, пока еще, скорее, лишь как предвестие и знамение божественного Воплощения, тонким светящимся месяцем очаровательного, еще невидимого целого, поднимается в небесах смертной жизни, сияя словно узкая приоткрывающаяся дуга растущей золотой луны, вновь восходящей в вечеряющих просветленных сумерках. Великолепное поэтическое описание божественного Рождения, исполненное тонкой лиричной образности и многомерного символизма. Интересно, что Шри Ауробиндо, описывая рождение Савитри, сравнивает ее со

Светящейся дугой очаровательного, еще невидимого целого...
The glowing arc of a charmed unseen whole...

При этом слово *glowing* (светящаяся) в английском очень близко по звучанию с *growing* (растущая) и при чтении такое созвучие

невольно вызывает ассоциацию с ростом, проявлением. За счет этого у нас возникает ощущение чего-то светлого и растущего, предваряя образ восходящего месяца, который получает развитие в последующих строках. Шри Ауробиндо нередко использует этот тонкий поэтический прием, за счет неявного созвучия слов вызывая в сознании дополнительные ассоциативные связи.

А вот что говорит о Пришествии Савитри Мать:

Земля — это символический мир, это олицетворение, своего рода кристаллизация и средоточие эволюционного труда, придающее ему... более конкретную реальность. Так что история земли является символической историей. И именно на земле происходит это Нисхождение (это событие не вселенского, но земного творения); и Нисхождение происходит в индивидуальное ЗЕМНОЕ существо, в индивидуальную земную атмосферу.

В «Савитри» очень ясно говорится об этом: универсальная Мать присутствует всюду и работает повсюду во вселенной, но конкретную форму та работа, которую необходимо совершить, чтобы эволюция достигла своего совершенства, своей цели, обретает именно на земле. Так что изначально существует своего рода представительная эманация универсальной Матери, которая постоянно присутствует на земле, чтобы помочь ей подготовиться; затем, когда подготовка завершена, универсальная Мать сама нисходит на землю, чтобы закончить свою работу. ...

Конечно, последствия этого затрагивают всю вселенную, но сама работа ДЕЛАЕТСЯ здесь, место работы ЗДЕСЬ. Поэтому вместо того, чтобы блаженствовать в Своем универсальном состоянии или же за пределами вселенной, вне времени, Она говорит: «Нет, я решаю делать свою работу ЗДЕСЬ, таков мой выбор».

Мать. Агенда, 28 июля 1961 г.

...Она согласилась принять на себя все вибрации, свойственные человеческому существованию, чтобы возвысить человечество из его нынешнего состояния в состояние более высокое.

Если бы она не разделила человеческую участь, то она оставалась бы полностью чуждой человеческой среде — точнее, полностью ее превосходящей, — а ее непосредственное соприкосновение с людьми — если бы она пожелала такового — было бы безрезультатным: никто бы не вынес ее света...

Если бы божественное сознание и божественные силы могли осуществлять это воздействие непосредственно из высшего, совершенного мира и таким образом добиваться преобразования материи, тогда не было бы необходимости в воплощении Божественного в человеческом теле. Тогда совершенное сознание могло бы достигать своей цели, воздействуя на земное сознание прямо из своего мира Истины. На самом деле, такое прямое воздействие также имеет место, но вызываемые им изменения происходят очень медленно, поэтому когда требуется придать развитию, преобразованию материального мира более сильный импульс, заставить его двигаться вперед более энергично, тогда и возникает необходимость в воплощении божественных посланников; Божественное облекается в человеческую природу. Это необходимо и неизбежно, и, принимая тело, божественный посланник принимает и все, что с этим связано, — все, что связано с человеческой природой, — но только в определенном смысле, это не есть, разумеется, обыкновенное человеческое существо. Он не утрачивает своего высшего сознания, своей связи с Истиной, и как раз в результате сопричастия в одном существе Божественного и человеческого возникает то сочетание, соединение, «со-бытие» двух сознаний, двух природ, которое и позволяет осуществить преобразование низшей природы и низшего сознания. Но без связи с материей преобразование было бы невозможным.

Мать. Собр. соч., т. 6, с. 478—479

А вот что говорит Шри Ауробиндоо феномене божественного воплощения:

Божественное воплощается в человеческом облике, принимает внешнюю человеческую природу, чтобы проложить путь восхождения и показать его людям, но при этом не перестает

быть Божественным. Имеет место Проявление — проявление растущего божественного сознания, а не превращение человеческого сознания в божественное.

Цит. по: Мать — образы жизни (эпиграф)

Раскрытие божественного Сознания в человеке

...уже в трехлетнем возрасте я вела совершенно сознательную жизнь. Все началось еще с зачаточного состояния в утробе матери.

Мать. (Цит. по: Н. Дас. Жизнь Матери, Гл. 1)

Далее Шри Ауробиндо дает поразительное по психологической тонкости и глубине описание проявления, раскрытия божественной Души, высшего Сознания в человеке.

Сначала, едва мерцая, еще неоформленной идеей, она пассивно покоится в объятиях бессловесного сна, поглощенная, окутанная исполинским трансом Матери, — новорожденное сердце таимого в глубокой сокровенной пещере мирового плана, которое баюкает в колыбели божественного несознания вселенский экстаз несметных солнц. То есть она — сердце глубокого, сокровенного вселенского плана, и даже ее неосознанность — божественна: это игра, мистерия Божественного, принимающего на себя покров видимого неосознанности, «исполинского транса Матери», но в действительности остающегося собой. Ее божественное сердце низшло в пещеру мирового Несознания, и вот все светила вселенной, упоенные фактом божественного Пришествия, баюкают в колыбели неосознанности это божественное Дитя.

Некая ниспосланная для этой цели Сила в полупробужденной оболочке новорожденного младенца выпестовывала дремлющее блистательное семя трансцендентного рождения, для которого было создано это прекрасное преходящее жилище-тело. То есть Савитри с момента рождения опекает и возвращает особая Сила свыше, особое Присутствие, направляя и организовывая ее земное воплощение, обеспечивая связь ее воплощенного существа с его высшим Источником и давая ей водительство и силы для исполнения своей миссии. Как мы увидим, в решающие моменты ее жизни

эта связь активизируется и происходит вмешательство ее высшего «Я», высшей Силы, которое изменяет ход событий. По сути миссия Савитри и заключается в том, чтобы полностью проявить в себе свое высшее «Я» и Силу в воплощенном состоянии, что и происходит в кульминации ее противостояния с судьбой.

И вот связь души с формой крепнет; сумеречную пещеру постепенно заполняет растущий свет осознанности, семя вырастает в нежный чудный бутон, бутон распускается великим и прекрасным небесным цветком. Так в недрах Несознания, словно прекрасный бутон, постепенно раскрывается божественное сознание, низошедшее в этот мир. И это божественное дитя самым своим появлением на свет словно бы дает начало на земле более великому, более могучему роду, чем род смертных. Едва родившись, она становится предтечей, основоположницей новой одухотворенной расы.

(4)

Божественное дитя

Начиная с пяти лет, я стала осознавать, что не принадлежу этому миру и что мое сознание отличается от человеческого. В это же время началась и моя йога.

Мать. (Цит. по: Н. Дас. Жизнь Матери, Гл. 1)

Божественное дитя, пришедшее на этот странный непонятный земной шар, но внутренне хранящее память о своей далекой вышней обители, живет в безопасной неприкосновенности в светлой келье своего духа, одинокое среди людей в своей божественности. И уже в ее детских проявлениях ощущается близость света, еще неизвестного земле, и чувства, которые под силу только вечности, и мысли, присущие только богам.

Уже в раннем детстве Мирра отличалась от своих сверстников. Она не старалась быть заметной и не болтала попусту, но жила глубоко в своем внутреннем мире. ... Она любила сидеть в своем крошечном креслице с мягкой обивкой, сделанном специально для нее, сидеть, погрузившись в себя, — и при этом испытывала нисхождение в голову великого сверкающего

Света, который приятно будоражил ее мозг. У нее было чувство, что этот Свет постепенно растет, и ей хотелось, чтобы он овладел ею целиком. ...

Айенгар, О Матери, с. 4

Я приобщилась к созерцанию, или, можно сказать, начала свою йогу в возрасте около 4 лет. У меня был маленький стульчик, на котором я любила сидеть неподвижно, погружившись в медитацию. В эти моменты на меня нисходил яркий свет, создававший в моей голове нечто вроде волнения. Конечно, я тогда ничего не понимала, для понимания я была еще слишком мала, но постепенно я стала чувствовать, что мне предстоит проделать великую работу, о которой еще никто ничего не знает.

Мать. (Цит. по: Н. Дас. Жизнь Матери, Гл. 1)

Природа Савитри подобна чудо-птице с пышноперой, изобильно окрашенной грудью (возможно, намек на широкую, многомерную и изобильную божественную Душу, скрывающуюся в груди у Савитри), живущей в своем родном могучем насыщенном воздухе, отделенном от заурядной земной атмосферы. Она то присаживается на тайную плодоносную ветвь, затерявшись в изумрудном великолепии необъятных лесов (возможно, это символ царств истинной Жизни, откуда черпает красоту и силу ее витальная природа), то воспаряет выше недосягаемых божественных вершин, в трансцендентные сферы. То есть ее природа живет в истинной, беспорочной Жизни и питается ее дарами — и при этом воспаряет в высшие трансцендентные сферы, соединяя тем самым сферу Жизни с высшими уровнями Бытия. Этот образ чудесной птицы перекликается с подобными образами Упанишад, например Мундака Упанишады¹.

¹ (1) *Две птицы прекраснокрылые, неразлучные спутники, облюбовали одно общее древо; и одна из двух лакомится сладким плодом этого древа, другая же не притрагивается к нему, а лишь наблюдает за своей напарницей.*

(2) *Душа есть та птица, что сидит, поглощенная, на одном общем древе; но, не будучи господином, она пребывает в заблуждении и подвержена скорби. Однако когда она видит ту другую, которая есть Господин и возлюбленный, она познает, что все есть Его величие, и скорбь покидает ее.*

Гармония существа Савитри

И здесь Шри Ауробиндо говорит о великой гармонии всего существа и жизни Савитри. Ее природа исполнена божественной гармонии и благодаря этому она без усилий спокойно и естественно изливает божественность на все вокруг, давая земле почувствовать и пережить небесные реальности. Ее дни текут спокойно и счастливо в стремительном ритме чистой радости и наслаждения, словно безмятежно напевая самим себе. В каждой минуте ее жизни словно бьется сердце Красоты, и часы текут в ладу с безмятежным согласием, исполненным сладостной гармонии, которое не просит ничего, но принимает все, что приносит жизнь, с царственным благоволением, будто дань своей природы, принадлежащую ей по праву рождения. Ее дух сохраняет близость с ниспославшим его родимым Солнцем высочайшего Духа, а поток Жизни в ней, ее могучее витальное существо, — с вечной радостью. То есть ее дух сохраняет связь с Супраментальным Солнцем, ниспославшим ее, а ее жизненное существо хранит близость с извечной, непреходящей Анандой; таким образом, в ней и через нее на земле гармонично и естественно выражаются реальности высшей полусферы Бытия.

Дриада — душа дерева

А затем Шри Ауробиндо дает удивительное описание души растения, Дриады.

Когда этот первый побег пригожей жизни в растении вырывается из забвения Природы и в восторге устремляется к небесам, она живет, поглощенная собственной счастливой жаждой роста к небу, самодостаточная и вместе с тем спонтанно открытая навстречу всему сущему. И хотя у нее нет видимой связи с окружающим миром, она пребывает в естественном оккультном единении с пространством вокруг себя, взрастая в унисон со всем сущим. В своем

(3) Когда, провидица, она прозревает того Златоцветного, того созидателя, Господина, тот Дух, который есть источник Брахмана [Высшей Реальности], тогда она становится постигшей и отрывает со своих крыл грех и добродетель; чиста, избавлена от всех пятен порока, она достигает наивысшего отождествления.

счастливым трансе она принимает и усваивает все контакты, все прикосновения внешнего мира, поцелуи ветра, бодрящие прикосновения-шоки солнца и воздушных дуновений. В ее листьях кипит блаженное томление, в ее соцветиях трепещет волшебная страсть, ее ветви вздымаются ввысь в утихомиренном счастье, — вся она полна счастья, восторга, стремления ввысь.

За этой красотой растения скрывается оккультное божество, Дриада. В греческой мифологии дриады — нимфы, покровительницы деревьев; некоторые из них бессмертны, некоторые (*гама-дриады*) полностью связаны в своем существовании с деревом и рождаются и погибают вместе с ним; иногда дриады именовались в соответствии с породой деревьев, с которой они отождествлялись, например, дриады, связанные с ясенем (греч. «*мелиа*») назывались дриады-мелии. Шри Ауробиндо описывает дриаду как оккультное божество тонкого плана, связанное с растением, своего рода «душу» растения, которая поддерживает внешнюю растительную форму. Именно от соприкосновения и взаимодействия этой оккультной сущности с материальным планом в физическом мире проявляется и живет растение. Жрицей этой сладости, в которой пребывает растение, музой этой чудной грезы, сокровенной гостьей этого очарования, живет Дриада в тонком эфире с его бурями и затишьями, с его неосязаемыми для нас мистическими ливнями, купаясь в недоступном смертному зрению тонком луче, питающем и живящем ее. Это описание души растения позволяет нам заглянуть глубже, по ту сторону завесы физического мира и увидеть те тайные силы-существа, которые скрываются за внешними феноменами природы (см. о них также в Песне 3 Книги V в монологах Сатьявана). Многие из этих сил были издревле известны человеку, когда он еще не был столь замкнут в своем ментальном мире и имел более тесную связь с природой и более тонкое восприятие, позволявшее улавливать тонкие явления по ту сторону феноменов грубого мира, и под разными именами фигурировали в самых разных культурных традициях мира.

Дерево как таковое издревле служило для многих народов глубоким сакральным символом: вспомним мировое дерево, дерево жизни, дерево познания и т. д. В различных традициях и верованиях дерево представляло олицетворением жизненной силы, плодо-

родия, вечной жизни и даже бессмертия. Часто дерево выступало как женский (материнский) персонаж или как его обиталище¹. Нередко с деревом связаны тексты, в которых фигурирует женское божество, дающее жизнь, в дереве (или на дереве). При этом чаще фигурирует именно женская ипостась. И действительно, дерево представляет собой уникальный символ конкретной материальной связи земли и неба². Корнями оно вырастает из земли и вбирает ее живительные соки, кроной же возносится в небеса, питаясь их воздушным дыханием, их дождями и росами, лучами солнца. С этой точки зрения сопоставление Савитри, которая приходит, чтобы воссоединить землю с небом, с «душой дерева», божеством, стоящим за жизнью растения, предстает особенно уместным и глубоко значимым.

Шри Ауробиндо использует здесь персонаж греческой мифологии, дриаду, относящуюся к такому роду сил-божеств или нимф, считавшихся в древней Греции божествами природы, ее живительных и плодоносных сил. Вообще, «Савитри» изобилует подобными «включениями» из античной мифологии, поскольку Шри Ауробиндо с ранних лет глубоко изучал античную традицию и она была ему чрезвычайно близка. Автор, однако, не просто использует античный образ, но раскрывает его подлинное содержание — ту тонкую реальность, которая стоит за фигурами античной мифологии.

Интересно также отметить, что в «Савитри» часто встречаются подобные законченные фрагменты-вставки, которые органично вплетены в сюжет и вместе с тем представляют собой завершенные, отчетливо выделяющиеся описания тех или иных предметов и явлений. Каждый такой фрагмент словно вдруг распаивает для нас окно в иную реальность, раскрывает новую истину, дарует новый взгляд и новое понимание того или иного явления. Это одна из характерных черт стиля «Савитри».

¹ В некоторых архаичных традициях, например, само Древо Жизни изображается как женское начало. В ряде древнеегипетских изображений женское божество в ветвях Древа Жизни поит достигших его напитоком жизни, небесным эликсиром бессмертия, который поднимается по дереву из подземного царства. Еще более распространены композиции, в которых у Древа жизни стоит женское божество с материнскими функциями (например, изображение матери Будды Майи у ствола дерева ашока).

² Ср. описание Лестницы миров в «Савитри», Кн. 2, П. 1.

Описав эту тонкую красоту души растения, ее светлую чистоту и беспорочную радость, ее счастливую гармонию и спонтанную открытость миру, Шри Ауробиндо сравнивает с нею внутреннее существо Савитри — какая необычная метафора, выражающая действительную взаимосвязь тонких реальностей, метафизический факт! Душа растения чрезвычайно «психична», и для Савитри также свойственно именно психическое сознание.

Психическое существо

Термин «психическое» (от греч. «психе» — душа, дыхание; «пси-хея» — олицетворение души) Шри Ауробиндо использует для обозначения нашей истинной души:

То, что мы называем человеческой «душой», в действительности является двойственной сущностью: с одной стороны, это поверхностная душа желаний, которая проявляется в наших витальных пристрастиях, наших эмоциях, эстетическом чувстве и ментальном поиске силы, знания и счастья, с другой — скрытая под покровом внешней личности психическая сущность, представляющая собой чистую силу света, любви, радости и утонченной субстанции бытия, — именно она и является нашей истинной душой, скрываясь за наружной формой нашего индивидуального бытия, которую мы так часто ошибочно называем этим именем.

Жизнь Божественная, с. 220

А вот что говорит о психическом Мать:

Самое важное для человека заключается в том, чтобы сконцентрировать все свое существо вокруг божественного центра; только в этом случае человек обретает подлинную индивидуальность и становится хозяином своей судьбы... Если вы сознательно организованы, сгруппированы вокруг божественного центра, отзывчивы в его наитиях и указаниям, то вы становитесь полновластным хозяином своей судьбы. ... Я понимала

это, когда была еще совсем маленькой, и начала этим заниматься в пять лет.

Мать. (Цит. по: Н. Дас. Жизнь Матери, Гл. 1)

Интересны также воспоминания Матери о ее переживаниях уже в раннем возрасте единения с деревьями:

В возрасте двенадцати лет Мирра любила гулять в одиночестве в лесу Фонтенбло под Парижем и часто часами сидела у подножия какого-нибудь дерева, забывая себя в единении с Природой. Это была удивительная связь: юная пылкая девочка, созерцающая далекие бесконечности, и безмолвное вековое древо, возвышающееся среди раскинувшихся вокруг царственных лесов, — поистине чудесное уравнение в математике Духа! ... И Мирра действительно ощущала полное умиротворение здесь, на лоне Природы, и испытывала чувство глубокого тождества со всем вокруг. Некоторые деревья в Фонтенбло были очень старыми — до двух тысяч лет и более — и Мирра словно бы проникала в самое сердце первозданной Природы. Деревья, казалось, почти понимали ее и нашептывали ей что-то на знакомом языке. Однажды дух одного дерева случайно услышал, что его собираются срубить, и когда Мирра присела под ним, начал упрашивать ее спасти его от гибели. Впоследствии она не раз спасала деревья от губительного топора. Таким образом для нее единение с Природой было не позой или образным выражением, но глубоким родством, проистекавшим из ощущения духовного единства со всей жизнью, всей Природой.

Айенгар. О Матери, с. 9

Деревья тянутся к дружбе с человеком. У деревьев есть свои привязанности, симпатии, и они достаточно приветливы и открыты, чтобы давать нам приют под своими кронами. Они чувствуют и воспринимают миф по-своему.

Мать. (Цит. по: Н. Дас. Жизнь Матери, Гл. 1)

Природа Савитри в детстве

Итак, в своей чистоте, спонтанной радости и гармонии Савитри подобна душе растения — только все эти качества явлены в ней на ином уровне, «с небесной высотой». И теперь Шри Ауробиндо раскрывает нам внутренние качества возвышенного существа и одухотворенной природы этого божественного ребенка.

Даже не смотря на то, что она низошла сюда, чтобы самой принять и пережить земные реальности во имя их преобразования, ее дух сохранял величие и достоинство, присущие богам, — он опустился в этот мир, но не потерял себя в царстве Матери.

Ее исполненный лучистых проблесков разум выражает собой целый необъятный мир; в нем живет светлый сонм ее чудных лунозарных фантазий, питая духовной благодатью грез богиню идеала в ее золотой обители высшего разума. То есть уже с детства Савитри живет в мире светлых фантазий одухотворенного разума, питающих и взращивающих в ней богиню высших идеалов, существо идеального разума.

В детстве Мирра много мечтала и ее часто посещали видения; она странствовала в далеких вечностях, она создавала в своем внутреннем мире прекрасные образы красоты и любви и чувствовала себя как дома в этих царствах мечты...

Айенгар. О Матери, с. 5

В Савитри проявлена высшая божественная Сила, которая формирует ее развивающееся восприятие по более глубоким мерилам, чем наши поверхностные типичные чувства, и поэтому уже с детства она различает обличья, которых не видят наши обычные глаза, и осознает рядом тонкие присутствия и явления, которые мы не можем ощутить своими обычными чувствами. В ее жилах струится невидимый солнечный свет и полнит ее мозг небесными сверканиями, пробуждающими в ней более обширное видение, чем до сих пор знала земля.

В возрасте пяти лет Мирра начала воспринимать некое Сознание, ощущавшееся как Свет и Сила вокруг головы, и его сияние

никогда не угасало. Даже уже в девяностолетнем возрасте она подтверждала: «С тех пор, с пятилетнего возраста, и все последующие восемьдесят шесть лет моей жизни на земле, я всегда видела этот Свет и руководствовалась в жизни его влиянием — он был моим путеводным Светом».

Айенгар. О Матери, с. 5

То есть даже в физическом существе Савитри проявляется свет супраментального сознания, который дарует ей это более широкое супраземное видение. В этом искреннем луче свыше обретают черты ее стремительные, по-детски непосредственные мысли, изобильно воплощая в себе светоносные формации глубокой истины ее души. И она видит все вокруг иначе, чем обычный человек со своим невежественным зрением: все предметы предстают ей обликами, формами выражения заключенной в них живой сути, их души, их сокровенного «я»; и во всем, в каждом соприкосновении с внешним миром она читает весть тайного родства. Каждый предмет предстает откровением, зримым посланием символической силы, яркой впечатляющей вспышкой, вдруг раскрывающейся взору в великом вселенском вращении окружающих грандиозных полужизведанных бесконечностей. Ничто не кажется ей чуждым или безжизненным — все предстает ей живым и одушевленным, со всем она ощущает глубокое родство, все раскрывает ей свой заветный смысл и свой тайный зов.

(5)

***Савитри — новое, Супраментальное, откровение
в земной эволюции***

...с пятилетнего возраста, и все последующие восемьдесят шесть лет моей жизни на земле, я всегда видела этот Свет и руководствовалась в жизни его влиянием — он был моим путеводным Светом.

Мать. (Цит. по: Айенгар. О Матери, с. 5)

Все эти высшие качества и способности существуют в ней благодаря тому, что она едина с высшей супраментальной Природой

и является ее посланницей, ее первым проявлением в земном мире. С ее рождением на земле проявляется новая эволюционная ступень (ранее Шри Ауробиндо уже говорил о том, что, едва родившись, она словно бы положила начало новой, более великой и могучей расе обоготворенных существ). Так же как когда-то из безжизненной почвы выросла красота цветка и дерева, так же как из животной жизни развился человек разумный, теперь в Савитри миру явлено новое Откровение — проявление более высокого уровня Бытия — Супраментального вслед за проявлениями материального, витального и ментального планов.

Земная эволюция и Сверхразум

Шри Ауробиндо говорит о том, что эволюция на земле является в действительности эволюцией сознания: здесь поступательно проявляются все более высокие уровни Бытия. Творение разворачивалось сверху вниз — из Непроявленного Запредельного были сначала выявлены три уровня абсолютного Бытия, Сознания-Силы и Блаженства, на санскрите именуемые в индийской духовной традиции Сат-Чит-Ананда, представляющие собой статический аспект абсолютной Реальности в Проявлении. Динамическим ее аспектом стал уровень, названный Шри Ауробиндо Сверхразумом или Супраменталом, Сознанием-Истиной, Гнозисом; это уровень, где Единое проявляет себя в Многообразии в Творении Силы-Истины, выражающей Идеи-Реальности.

Под Сверхразумом имеется в виду вся полнота Сознания-Истины Божественной Природы, преисполненной света и знания и превосходящей любое ментальное проявление; на супраментальном уровне нет места двойственности и неведению. ... На уровне Сверхразума отсутствуют противоречия и двойственность, присущие ментальному плану бытия; проблемы, созданные нашим несовершенным разумом, исчезают и Истина предстает как единое лучезарное целое.

Вот как Шри Ауробиндо описывает этот высочайший Гнозис в мантрических строках «Савитри»:

*There in a world of everlasting Light,
 In the realms of the immortal Supermind
 Truth who hides here her head in mystery,
 Her riddle deemed by reason impossible
 In the stark structure of material form,
 Unenigmaed lives, unmasked her face and there
 Is Nature and the common law of things.
 There in a body made of spirit stuff,
 The hearth-stone of the everliving Fire,
 Action translates the movements of the soul,
 Thought steps infallible and absolute
 And life is a continual worship's rite,
 A sacrifice of rapture to the One.
 A cosmic vision, a spiritual sense
 Feels all the Infinite lodged in finite form
 And seen through a quivering ecstasy of light
 Discovers the bright face of the Bodiless,
 In the truth of a moment, in the moment's soul
 Can sip the honey-wine of Eternity.
 A Spirit who is no one and innumerable,
 The one mystic infinite Person of his world
 Multiplies his myriad personality,
 On all his bodies seals his divinity's stamp
 And sits in each immortal and unique. ...
 Each being there is a member of the Self,
 A portion of the million-thoughted All,
 A claimant to the timeless Unity,
 The many's sweetness, the joy of difference
 Edged with the intimacy of the One.*

*Там, в царствии немеркнущего Света,
 В мирах, где вечный властвует Сверхразум,
 Та Истина, что здесь покрыта тайной*

И кажется рассудку невозможной
 В застывшей схеме материальных форм,
 Живет, не пряча своего чела,
 Природою всего, законом высшим.
 Там, в теле, сотканном духовной сутью, —
 Как в очаге бессмертного Огня —
 Деянья воплощают пыл души,
 И мчится мысль, безгрешна, абсолютна,
 И льется жизнь, молебном беспрерывным,
 Единому восторженная жертва.
 Духовный взор, космическое чувство
 Безмерного находят в брэнной форме
 И в трепетном экстазе откровенья
 Бесплотного провидят светлый образ,
 И в сердце, в сути каждого мгновенья
 Впивают Вечности нектар пьянящий.
 Единый, несчислимо сущий Дух,
 Мистическая Личность мирозданья,
 Себя преумножает в сонмах «я»,
 В бессчетных образах, в телах несметных,
 Но все ж во всем — единственен, бессмертен,
 Во всем свою божественность являя. ...
 Там каждый дух — частица в общем Духе,
 Всеобщности миллионоликой атом, —
 Все вечным упивается Единством,
 Восторгом сладостным Многообразья,
 Что обострен событностью с Единым.

Савитри, с. 661—663

Верховный Разум

Эта триада Бытия-Сознания-Блаженства в совокупности с Супраменталом образуют высшую полусферу Бытия. Но Единое желало выразить Себя в одном из своих Проявлений в том числе и во множественности, в которой принцип разделения достиг бы абсолютной степени. Для этого всемогущий творческий Сверхразум как бы отстраняет себя, отступает на задний план и созидает в себе

и выдвигает на передний план принцип Разделения, названный Шри Ауробиндо Верховным Разумом (Overmind)¹. Это своего рода призма с бесконечным числом ячеек, в каждой из которых происходит как бы «фильтрация», обособленное выделение одного специфического луча единого супраментального Солнца. С появлением этого уровня возникает феномен Разделения — то есть принцип единого Супраментального Сознания, Единого-во-Множестве, сменяется принципом Ментального Сознания, основанным на разделении.

Верховный Разум — это уровень сознания, производный от Сверхразума (термин совершенно условный), который поддерживает нашу эволюционирующую материальную вселенную. Если бы Сверхразум присутствовал здесь, на земле с самого начала как непосредственная созидающая Сила, то существование нашего мира в том виде, каков он есть, было бы невозможно, ибо земля была бы с самого начала преисполнена божественного Света, и на уровне бессознательной Материи не могло бы быть эволюционирующего сознания. По этой причине высшая полусфера сознания (Парардха) как бы отделена от низшей (Апарардха). К высшей полусфере относятся — Бытие (Сат), Сознание (Чит), Блаженство (Ананда), Сверхразум (Махас); к низшей — Разум, Жизнь и Материя. Разделительная черта между высшей и низшей полусферами проходит по уровню Верховного Разума, который, хотя и является сам по себе носителем света, тем не менее не пропускает через себя Свет супраментальный и находится от него в зависимости; воспринимая супраментальный Свет, Верховный Разум привносит в него разделение на аспекты, отдельные силы и всевозможные отличные друг от друга принципы, которые, попадая на более низкие планы бытия, еще больше деградируют в своем сознании, как, например, в случае с Разумом, и начинают считать себя исключительными носителями всей полноты Истины, вступая при этом в противоречия со всеми остальными.

Письма о Йоге, с. 243

¹ О Верховном Разуме см. также в Предисловии к серии, с. 25—28.

Если Супраментальное воспринимает все в неделимом единстве, будучи подобным «меду, что может попробовать себя и разом все свои капли, все капли которого могут попробовать друг друга, а каждая капля отведасть все медовые соты целиком, как саму себя» (Час Бога, с. 70), и благодаря этому единству со всем обладает всеведением, то Разум в силу самой своей природы воспринимает все предметы и явления как обособленные феномены и пытается прийти к познанию при помощи обобщения и синтеза отдельных осознаваемых им составляющих.

Принцип Верховного Разума является отправным уровнем ментального сознания и в индийской традиции также носит название Майи. На этом уровне начинается Разделение, а значит — и Неведение.

По своей природе и характеру Верховный Разум есть производное от Супраментального Сознания, своего рода первый шаг Высшей полусферы Сознания в сторону Неведения.

Жизнь Божественная, с. 278

Верховный Разум, фактически, еще не есть Неведение, но лишь первый шаг в направлении Неведения, который делает неизбежным дальнейшее погружение в низшие сферы бытия.

Письма о Йоге, с. 257

На уровне Верховного Разума существует изначальная Майя; в отличие от Майи Неведения, это Майя Знания, которая тем не менее представляет собой Силу, способствующую неизбежному возникновению Неведения. Ибо каждый воплощенный в жизнь космический принцип, следуя своему собственному направлению развития, несет с собой все вытекающие отсюда последствия; так принцип разделения, двойственности приходит к своей логической крайности.

Жизнь Божественная, с. 284

Индийская традиция считала Верховный Разум высочайшим творческим Принципом и в результате пришла к восприятию мира как иллюзии, Майи космического Верховного Разума. Шри Ауоро

биндо смог подняться выше этого уровня, в высшую Полусферу, к Супраментальному Сознанию-Истине, с точки зрения которого мир перестает казаться иллюзией и предстает творческим Самовыражением Единого Божественного, динамической самореализацией Супраментальной Истины. Это фундаментальное открытие лежит в основе мировоззрения Шри Ауробиндо и полностью изменяет взгляд на космическую реальность. Поэтому следует ясно понимать различие двух этих Принципов в видении Шри Ауробиндо.

Индийские философские системы не проводили никакой разницы между двумя отличными друг от друга силами и уровнями сознания, которые мы называем Верховным Разумом и Супраментальным Божественным Гнозисом. Именно поэтому Майю (Силу Верховного Разума или Видья-Авидья) считали высшей созидательной силой.

Письма о Йоге, с. 250

С появлением уровня Верховного Разума возникает низшая полусфера Бытия, полусфера Неведения. Сам по себе Верховный Разум еще обладает Знанием, поскольку непосредственно связан с Супраменталом и открыт его Свету. Но все-таки на этом уровне Лучи-Истины всеобъемлющего Супраментального Гнозиса начинают существовать и выражать себя как обособленные Идеи-Силы; причем каждая Идея стремится выразить себя во всей своей обособленной полноте, создавая обособленный, заверченный мир выражения своего уникального Принципа.

Сверхразум заключает в себе всю полноту Сознания-Истины; Верховный Разум воспринимает его истины в обособленном виде и дает им отдельное выражение. Например, на уровне Супраментального сознания Божественные Покой и Сила, Знание и Воля представляют собой одно целое. Верховный Разум разделяет это единое целое на отдельные составляющие-аспекты, каждая из которых может существовать и действовать в отрыве от остальных. Когда же эти составляющие достигают уровня Разума, то превращаются в неведение

и бессилие, поскольку Знание может не находить поддержки Воли, а Покой — нарушаться действием Силы.

Глоссарий терминов Шри Ауробиндо, с. 104

Каждая такая Идея-Сила на этом уровне может персонифицироваться и как Божество. Поэтому уровень Верховного Разума также называют Миром Богов. Именно Верховный Разум является непосредственным Творцом нашей вселенной (и до воплощения Савитри являлся также высшей направляющей Силой эволюции).

На уровне Верховного Разума видение отличается покоем и устойчивостью, охватывая огромные промежутки времени и пространства, глобальных связей и отношений. То же самое характерно и для созидательного действия Верховного Разума. Это уровень бытия великих Богов и божественных Творцов.

Письма о Йоге, с. 1154

А вот какое блистательное и поразительно точное описание этого великого уровня Бытия дает Шри Ауробиндо в «Савитри»:

*In its vast ambit of ideal Space
Where beauty and mightiness walk hand in hand,
The Spirit's truths take form as living Gods
And each can build a world in its own right. ...
All here gathers beneath one golden sky:
The Powers that build the cosmos station take
In its house of infinite possibility;
Each god from there builds his own nature's world;
Ideas are phalanxed like a group of suns,
Each marshalling his company of rays.
Thought crowds in masses seized by one regard;
All Time is one body, Space a single look:
There is the Godhead's universal gaze
And there the boundaries of immortal Mind:
The line that parts and joins the hemispheres
Closes in on the labour of the Gods
Fencing eternity from the toil of Time.*

*В просторах идеального Пространства,
Где красота с могуществом едины,
Из истин Духа оживают Боги,
И каждый Бог творит свой мир всеправно. ...
Там под златым единым небосводом
Все Силы, воздвигающие космос,
Собираются на рубеже исходном
В обители Возможности безбрежной,
И каждый бог империи вселенской
Возводит новый мир своей природы;
Идеи выступают, ратью солнц,
Ведя вперед лучей своих фаланги;
Теснится Мысль в одном великом взоре,
И Время все лежит единым телом,
И Космос весь — единым откровеньем:
Там — Божества универсальный взгляд,
Там — Разума бессмертного пределы:
Граница двух великих полусфер,
Что их разъединяет и связует,
Венчает, словно купол, мир Богов,
От поиска Времен скрывающая вечность.*

Савитри, с. 261, 660—661

Инволюция, низшая полусфера бытия и эволюция

Далее эти обособленные лучи единой на супраментальном уровне Истины начинают все больше обособляться и дробиться. По мере их дробления возникают все более низкие уровни ментального Сознания. Затем, для сотворения вселенной, принцип Разума выявляет из себя принцип Жизни или Витального Сознания и Энергии. Сгущаясь далее, Витальный уровень переходит в состояние тонкой Материи, и именно из ее дальнейшего дробления и погружения в окончательный мрак Несознания, в океан Бессознательного, возникает мир Материи. Таким образом, происходит окончательное абсолютное дробление или разделение изначального единого бесконечного Бытия-Сознания-Блаженства, в результате которого возникают элементарные частицы Материи, каждая из которых

является бесконечно малым свертком всех бесконечных планов Творения. То есть в каждой элементарной частице последовательно «свернуты» все более высокие планы, начиная от Сат-Чит-Ананды и Сверхразума и кончая Разумом, Жизнью и тонкой Материей. В финале этого Нисхождения или «инволюции», как называет этот процесс Шри Ауробиндо, используя латинский термин, в возникший в результате абсолютного дробления Абсолюта океан Бессознательного низливается принцип абсолютного Блаженства, Ананды. Стремясь к воссоединению со своим Источником наверху, с высочайшей Анандой, он становится движущим фактором эволюции, то есть Восхождения от абсолютного Разделения и Несознания обратно к абсолютному Единству и Знанию. Таким образом, формируется низшая полусфера Бытия, также четырехчастная, как и высшая, в которой каждый элемент является отображением в условиях Неведения элементов высшей полусферы. Разум является отображением Сверхразума, Жизнь — отображением Сознания-Силы, Материя — отображением Бытия, а принцип Души, или психического сознания, — отображением и результатом нисхождения в низшую полусферу высшего принципа Блаженства.

Благодаря стремлению Души к воссоединению со своим Источником-Блаженством, а также притяжению высшего Источника, из океана Несознания сначала возникает материальный мир, являясь результатом взаимодействия уровня тонкой Материи и уровня Бессознательного. Далее в Материи в результате ее взаимодействия с уровнем Жизни проявляется принцип Жизни, проявленной в материальных формах, — это растительный уровень эволюции. Далее, из Жизни в результате ее взаимодействия с уровнем Разума начинает выявляться заключенный в ней принцип Разума, что ведет к появлению сначала животного, в котором этот принцип еще вовлечен в принцип Жизни, а потом и человека, в котором принцип Разума впервые получает вполне сформированное и самосознательное проявление в материально-витальной форме.

Верховный Разум и Сверхразум

Очень точно различие между Верховным Разумом и Сверхразумом описывает Амаль Киран.

«Обычно говоря о Сверхразуме и Верховном Разуме мы проводим между ними отчетливое разграничение, но мы не идем дальше того, что последний представляет собой лишь делегированную силу первого, а значит по сравнению с первым является силой более низкого порядка, неспособной осуществить окончательную победу Божественного. Тем не менее, по сравнению с нашим разумом, Верховный Разум предстает могучим великолепным сиянием, и мы склонны объединять его со Сверхразумом, тогда как мы, ментальные создания, кажемся карликами, обитающими где-то далеко внизу. Тем поразительнее были слова Матери, когда она сказала, что в действительности разрыв между человеческим умом и Верховным Разумом меньше, чем пропасть, отделяющая Верховный Разум от Сверхразума. Однако, если подумать, то это покажется вполне естественным. В конце концов, Верховный Разум — лишь Божественный аспект разума. Сверхразум же — это само Божественное, переживающее себя в творческом самовыражении — прямо и непосредственно. Верховный Разум — это Божественное, проецирующее себя в высочайшей ментальной формулировке своей природы, и здесь оно уже на шаг отдалается от полного самосознания. Поэтому, по словам Шри Ауробиндо, Верховный Разум является вершиной низшей Полусферы: высшая Полусфера начинается за его пределами. Мы тем не менее всегда находимся под впечатлением его близости к Сверхразуму и забываем, что между ними существует радикальное, колоссальное различие. ... И это различие очень ярко отражено в нескольких строках «Савитри», которые в действительности могут служить своего рода семенем-сгустком целого философского откровения, целого нового видения реальности.

*Hardly for a moment glimpsed viewless to Mind,
As if a torch held by a power of God,
The radiant world of the everlasting Truth
Glimmered like a faint star bordering the night
Above the golden Overmind's shimmering ridge.*

*На миг лишь представал незримый Мыслью,
Как факел, ввысь воздетый силой Божьей,
Бессмертной Правды светозарный мир,*

*Звездой мерцавший на границе ночи
Над Разумом Верховным в вышине,
Над золотом его лучистых пиков.*

То есть на самом деле между Верховным Разумом и Супраментальным миром бессмертной Истины пролегает ночь — и настолько обширная и глубокая, что Сверхразум виднеется над Верховным Разумом лишь как крохотная звезда на отдаленнейшей границе мрака.

Именно этим можно объяснить тот факт, что знание Сверхразума было утрачено человечеством и все духовные искатели считали Верховный Разум высочайшим проявлением Динамического Божественного. И действительно, великолепие и могущество Верховного Разума ошеломительны. Не следует недооценивать этого уровня: Верховный Разум — это план Великих Богов, являющихся аспектами и ипостасями единого Божества, делегированного представителя Супраментальной Божественности. И Мать, и Шри Ауробиндо говорили о том, что не было ни одного йогина, который, поднявшись на уровень Верховного Разума, не был бы захвачен его грандиозными великолепиями и не посчитал бы, что он достиг предела восхождения. ... Сам Шри Ауробиндо прошел через определенную стадию в своей садхане, когда казалось, что между Верховным Разумом и Сверхразумом нет радикального различия. Именно поэтому термин «Верховный Разум» не встречается в его обозрении «Арья». Он полагал, что Верховный Разум был лишь одним из низших уровней Сверхразума, уровнем, где божественное многообразие становится всего лишь более выраженным. И по его словам, он видел его таким образом потому, что воспринимал его с уровня разума на этапе ментальной трансформации. На уровне разума озарения Верховного Разума столь могущественны, что кажется, будто он является продолжением высшего «светозарного мира». Но когда Шри Ауробиндо спустился на витальный уровень и особенно когда он низошел в физическое сознание, чтобы осуществить его трансформацию, то стало очевидно, что Верховный Разум не был просто подуровнем Сверхразума. Опустившись на план, где раздробленность Единого достигает предельной формы, полностью погрузившись, так сказать,

в печальное следствие, он выявил подлинную причину разделения, которая до тех пор оставалась скрытой. Причиной, ведущей к всеобщему разделению, оказался сам Верховный Разум — план, где Единое и Множественность перестают находиться в целостном равновесии, и Единое отступает на задний план или образует неявную основу, а множественность проявляется в полной мере. Единство не теряется, но оно позволяет множественности выразить и разработать каждое направление и каждую возможность до максимума. Таким образом начинает возрастать разделение, разворачиваясь по нисходящей, пока, после нескольких планов ниже Верховного Разума, единство не утрачивается окончательно. И тогда возникает то, что Шри Ауробиндо называет Неведением, а затем на низшем уровне нисходящей шкалы — Несознание. И, судя по всему, когда Шри Ауробиндо сфокусировал лучезарный свет Верховного Разума на материальных формациях, порожденных Несознанием, его лучи померкли, оказавшись не в силах победно проникнуть и озарить Материю. При этом стало очевидно, что Верховный Разум не обладает подлинным Всемогуществом. Фундаментальное различие между Верховным Разумом с его делегированным светом и Сверхразумом, обладающим всей полнотой всемогущей Истины, стало совершенно ясным — так же, как и необходимость низведения Сверхразума для окончательной трансформации Материи».

Амаль Киран. Свет и Смех, с. 86—88

Савитри — основоположница новой одухотворенной расы

И вот с рождением Савитри в мире впервые проявляется новый, более высокий принцип — принцип Супраментального Сознания-Истины, Сознания высшей полусферы Бытия. Именно поэтому Шри Ауробиндо говорит о «новом откровении», проявляющемся в ней, и о том, что она является предтечей новой, более могучей расы. Согласно видению Шри Ауробиндо,

Появление супраментального духовного существа, которое подчинит свои ментальные, витальные и телесные проявления закону высшему, чем принцип разделяющего Ума, является

естественным и неизбежным итогом всей природы и процесса развития космического бытия.

Жизнь Божественная, с. 249—250

И вот теперь на земле впервые рождается предвестница и основоположница нового одухотворенного человечества. В отличие от обычного человеческого разума она обладает разумом света — этот феномен Шри Ауробиндо описывал в одной из последних своих работ «Супраментальное Проявление на Земле» как новый тип сознания — результат устойчивого закрепления супраментального Света в физическом разуме:

Новое человечество означает для нас появление, развитие типа или расы ментальных существ, чьим ментальным принципом перестанет быть ум в Неведении, ищущий знания, но даже в знании привязанный к Неведению, влекущийся к Свету, но не обладающий им естественно и спонтанно, открытый Свету, но не живущий в Свете, — прежний несовершенный инструмент, еще не обладающий сознанием-истиной и не освободившийся от Неведения. Вместо этого оно будет обладать принципом сознания, который можно назвать Разумом Света — разумом, способным жить в истине, обладать сознанием-истиной и проявлять в своей жизни вместо несовершенного непосредственное знание. Присущая ему ментальная способность будет уже инструментом Света, а не Неведения. На высшем своем уровне он сможет подняться в Сверхразум, и именно на основе передовых представителей этой новой расы проявится раса супраментальных существ, которым предстоит возглавить эволюцию земной природы. Уже и высшие проявления Разума Света служили бы каналами для проявления Сверхразума, его эманациями или даже его частью и представляли бы собой шаг за пределы человеческого в сверхчеловечность, основанную на супраментальном принципе. Но что важнее всего, обладание Разумом Света позволило бы человеческому существу подняться за пределы его обычного мышления, чувства и бытия к тем высочайшим способностям разума, открывающимся ему, когда он превосходит себя, которые нахо-

дятся между нашей ментальностью и Сверхразумом и могут рассматриваться как ступени, ведущие к более великому и светлому принципу¹. Это продвижение, как и любое другое в эволюции, не может быть достигнуто и, конечно, не будет достигнуто одним скачком, но оно с самого начала будет предопределенным; давление Сверхразума, создающего свыше из самого себя Разум Света, обусловило бы неизбежность достижения в итоге такого результата. Уже первые проблески нового Света будут нести в себе семя его высочайших пламен, и даже в первых его проявлениях станет очевидной неизбежность прихода его самых возвышенных и могучих сил...

Супраментальное проявление на земле, с. 67

Савитри обладает этим более высоким типом сознания; кроме того, ее жизнь является ритмичным выражением высшей силы, и само ее тело проникнуто скрытой божественностью. Все это подготавливает проявление в ней образа «грядущего бога», нового одухотворенного существа.

(6)

Взросление Савитри

В возрасте между пятью и семью годами Мирра выработала в себе привычку как бы проецировать саму себя на своеобразный «киноэкран» — все свои внутренние движения и побуждения, а также и те, что, как она видела, приходят извне. При этом она словно бы видела себя на этом экране и могла перестраивать и реорганизовывать свои внутренние движения, изменяя саму себя. Это вскоре привело ее к осознанию подлинного направления ее жизни. По ее словам, это занятие было для нее «самой интересной вещью в мире».

Айенгар. О Матери, с. 6

¹ Имеются в виду описанные Шри Ауробиндо уровни ментального Сверхсознания: Возвышенный Разум (Higher Mind), Озаренный Разум (Illumined Mind), Интуиция и Верховный Разум — о них см., например: Шри Ауробиндо. Жизнь Божественная, Кн. 2, Ч. 2, Гл. 26 «Восхождение к Сверхразуму».

Божественное дитя растет и развивается. И вот когда медленная, мерная поэма растущих лет и обильный труд деловито гудящего роя дней собрали весь мед в соты ее чувств и членов, восполнив лунный диск ее красоты и грации, ее одинокое величие, самоохраняемое в безмолвии ее силы, не стало меньше. Какие прекрасные и необычные образы! Растущие, распускающиеся годы взросления, словно размеренный медленный сказ, постепенно наливают ее члены силой и грацией; трудолюбивые изобильные дни, словно гудящий рой пчел, постепенно собирают весь мед в соты ее чувств и она, наконец, обретает всю свою красоту и грацию, сияя, словно достигшая полноты луна. Однако при этом ее уединенное величие не становится меньше, оно хранит себя, оберегаемое безмолвием ее внутренней силы, которое не позволяет вторгнуться в ее внутренний мир чему-то ложному, мелкому, принижающему. Наоборот, скрытое в ней божество все отчетливее заявляет о себе (оказывает все большее давление на внешнюю личность), пролагая себе путь все ближе к поверхности существа, — словно солнце, сменяющее туманность детства, воцаряется в синем одиноком небе. Снова очень необычный и вместе с тем очень точный и красивый образ. Взросление, формирование личности сравнивается с известным в астрономии процессом образования солнца из туманности!

Вообще, поразительный диапазон и необычность и вместе с тем чрезвычайная точность и красота образов являются одной из главных отличительных особенностей «Савитри». Эти удивительно богатые и необычные и вместе с тем прекрасные образы рождаются из великого интуитивного сознания, прозревающего тонкую взаимосвязь и единство в самых, казалось бы, далеких и несопоставимых явлениях. Причем часто используются такие образы, которые, кажется, чужды всякой поэтичности, но однако в устах великого Мастера Слова они обретают удивительную соразмерность и гармонию и становятся средством выражения тонкой красоты и одновременно глубокой мудрости.

Интересно отметить, что Шри Ауробиндо снова и снова подчеркивает одиночество Савитри: ее душа столь велика и божественна, что она одинока среди других людей, как величественный одинокий пик, вздымающийся, уходя в заоблачную высь, среди приземленных холмов (см. также завершающую строку Песни).

«Синее одинокое небо» — это также и символ чистоты и широты существа Савитри.

Теперь это солнце-божество в ней поднимается все выше, чтобы охватить всю человеческую арену: могучая божественная Постоялица, низошедшая в это смертное жилище, начинает осматривать поле своей работы.

Как я пришла к осознанию своей миссии, которую мне предстоит выполнить на земле? ... Трудно сказать, когда это произошло. Мне кажется, я родилась с этим осознанием. По мере своего роста и развития это осознание крепло и углублялось. В возрасте 11—13 лет в результате ряда пережитых мною психических и духовных опытов мне открылось не только существование Бога, но также и возможность для человека соединиться с Ним, реализовать Его интегрально в своем сознании и действии и проявить Его на земле, в жизни божественной.

Мать. Собр. соч., т. 13, с. 39

И далее Шри Ауробиндо описывает внешние признаки ее взросления и ее сформировавшегося существа. Ее духовное чело засветилось более милостивым светом, ее задумчивый взгляд стал сладок и глубок; теплые томные огни, одновременно и человеческие, и небесные (снова образ, подчеркивающий соединение в Савитри человеческой природы и божественной), пробудились в глубине ее прекрасных удлинённых очей, окаймленных густыми ресницами, словно пламена на алтаре в таинственном святилище. Интересно отметить, что это описание совмещает в себе и прекрасную возвышенную божественность, и не менее прекрасную живую женственность. Тем самым Шри Ауробиндо снова подчеркивает единство в Савитри человеческого и божественного — видимой прекрасной человеческой женственности и сокровенной сакральной Женственности Божественной.

Качества природы Савитри

В возрасте между восемнадцатью и двадцатью годами я установила в себе сознательный постоянный

контакт с божественным Присутствием и... я осуществила это совершенно самостоятельно, без какой бы то ни было посторонней помощи, я не прибежала даже к помощи книг!

Мать. (Цит. по: Н. Дас. Жизнь Матери, Гл. 1)

Далее следует прекрасное описание высоких качеств природы Савитри.

В хрустальных окнах ее очей светится воля, которая придает ее жизни великий смысл, — воля к осуществлению ее миссии на земле.

За пытливым изгибом ее чела, обнимая его искреннюю, ничем не омраченную широту, благородная сила мудрости взирает из света на преходящий мир.

В ней живет неослабевающее стремление, которое словно дозорный победы на сторожевой башне сзывает в ее жизнь высокую судьбу. Именно неуклонное стремление, которое неусыпно высматривает любую возможность для нового продвижения и неуклонно отвергает все, что не соответствует нашему высшему идеалу, позволяет идти по жизни самой высокой стезей нашей судьбы. Оно позволяет высшему Водительству максимально полно проявляться в нашей жизни и открывать для нас самую высокую судьбу, на которую способно наше существо, побеждая все более низкие предназначения.

В ее незабываемой твердыне силы, не смыкая глаз, вышагивает безмолвный несокрушимый воин, храня в неприкосновенности бриллиантовый престол Истины. Вероятно, это символ неколебимой внутренней воли, охраняющей царящую в существе Истину; возможно, также символ истинного витального.

Ее сердце Шри Ауробиндо сравнивает с окруженной ореолом сладостной «нектарной» луной. Это страстное сердце любит всех, ничем не выдавая себя — ни словом, ни знаком, — и храня в тайне восторженный трепетный мир своей груди, эту блаженную, пылкую, отзывчивую и вместе с тем безмолвную вселенную.

Витальная энергия мчится в ней могучими волнами жизни, гордая, радостная и стремительная, подобная райскому потоку в своей счастливой спонтанной силе.

Могучая непреклонная воля, светлая и благородная, искренняя и широкая мудрость, негасимое стремление, неуклонная приверженность Истине, пылкое вселюбящее и безмолвное сердце, сильная и радостная витальная энергия — таковы проявляющиеся в ней великолепные божественные качества: ее природа представляет собой словно бы прекрасную обитель, в которой в согласии живет много «высоких богов». И вместе с тем, этот многомерный универсум совершенен в своей цельной гармоничности — то есть все силы, качества и способности ее существа, все эти «божества» ее внутреннего мира, живут и действуют в совершенной гармонии, образуя единое слаженное и сбалансированное целое — словно прекрасную песнь, рождающуюся из единой гармонии множества разнообразных тонов.

И наконец, тело, вмещавшее все это величие, — даже само ее тело, исполненное скрытой божественности, обладает столь утонченной светоносной красотой, что почти кажется образом небес, сотканным из их прозрачного света.

Когда тело раскрывается для высшего сознания, оно способно творить чудеса. Однажды, когда мне было 14 лет, мне пришла в голову идея покрыть большое пространство зала в три прыжка. И я смогла это сделать, оказавшись через три прыжка на другом конце огромного помещения.

Мать. (Цит. по: Н. Дас. Жизнь Матери, Гл. 1)

Его очарование словно бы напоминает тонкие видения, достигнутые в часы прозрения. И далее Шри Ауробиндо приводит целый ряд удивительных символических образов, призванных выразить физическую красоту Савитри. Если мы в безмолвии вслушаемся в звучание этих таинственных строк, нам, возможно, вдруг откроются пленительные черты чарующего облика Савитри... и мы увидим, мы ощутим их...

золотой мост, выгнувшийся над волшебным потоком...

одинокую пальму у озера, ласкаемую светом луны, — подругу раздольного мерцающего покоя...

шепчущиеся травы райских полей, волнуемые стопами Бессмертных...

чудный пламенный ореол над погруженными в сон холмами... странную звездоосиянную вершину, одинокой главой возвышающуюся в сумраке Ночи...

Интересно сравнить все это описание Савитри со шлоками из древней поэмы:

Царевна, прекрасная словно сама богиня Шри¹ во плоти, постепенно росла и наконец вступила в пору цветущей юности.

Грациозная, с широкими бедрами и тонкой талией, она была подобна золотой статуе, и, глядя на нее, люди думали: «Верно, к нам низошла небесная дева».

Ее глаза напоминали широко раскрывшиеся лотосы, и она, казалось, пламенела в блистании своей красоты...

Мы видим, насколько глубже, шире и величественнее описание Шри Ауробиндо. Используя в качестве отправной точки сюжет легенды, он наполняет ее великим духовно-поэтическим содержанием и раскрывает ту глубокую символическую суть, которая едва угадывается в строках древней поэмы. В легенде мы видим лишь упоминания о «пламенеющей небесной красоте» Савитри, которые можно расценить и просто как поэтическую метафору или гиперболу, хотя в действительности древний риши-провидец таким неявным образом подчеркивает символизм этого Воплощения. Шри Ауробиндо дает нам глубокую развернутую картину не только внешней красоты и божественных черт Савитри, но и все величие, многогранность и богатство ее внутреннего существа и природы, а также, что в действительности является первостепенным, показывает подлинную суть и смысл ее рождения на земле.

Итак, Савитри, божественная Спасительница, воплощенное Пламя, достигает поры юности, и приходит время для более широкого и многостороннего роста, образования и развития ее существа. Но об этом — в следующей Песне.

¹ Богиня счастья и красоты.

САВИТРИ

КРАТКОЕ СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

КНИГА ПЕРВАЯ. КНИГА НАЧАЛ

Песнь первая. Символическая Заря

Песнь вторая. Миссия

Песнь третья. Йога царя: Йога освобождения души

Песнь четвертая. Тайное Знание

Песнь пятая. Йога царя: Йога свободы и величия духа

КНИГА ВТОРАЯ. КНИГА СТРАННИКА МИРОВ

Песнь первая. Лестница миров

Песнь вторая. Царство тонкой Материи

Песнь третья. Блеск и падение Жизни

Песнь четвертая. Царства низшей Жизни

Песнь пятая. Божества низшей Жизни

Песнь шестая. Царства и божества высшей Жизни

Песнь седьмая. Нисхождение в Ночь

Песнь восьмая. Мир Ажи, Мать Зла и Сыны Мрака

Песнь девятая. Рай богов Жизни

Песнь десятая. Царства и божества низшего Разума

Песнь одиннадцатая. Царства и божества высшего Разума

Песнь двенадцатая. Небеса Идеала

Песнь тринадцатая. В Самости Разума

Песнь четырнадцатая. Мировая Душа

Песнь пятнадцатая. Царства высшего Знания

КНИГА ТРЕТЬЯ. КНИГА БОЖЕСТВЕННОЙ МАТЕРИ

Песнь первая. Погоня за Непостижимым

Песнь вторая. Поклонение Божественной Матери

Песнь третья. Обитель Духа и Новое Творение

Песнь четвертая. Видение и Дар

Краткое содержание Части первой

Во всеоружии Духа Савитри встречает рассвет рокового дня, когда ее мужу Сатьявану суждено умереть. Перед ней предстает вся невозможная грандиозность ее задачи: силой своей божественной Любви победить Смерть. Сатьяван символизирует душу человечества, и его смерть означает гибель мира. Савитри, воплощенной божественной Истине, предстоит остановить вращение вселенского кармического колеса и избавить душу человечества от засилия вековечной Тьмы. В ней проявляется ее истинная Суть — Мать мироздания, которая своей всемогущей Силой отменяет Рок и побеждает Смерть.

Далее разворачивается обширное повествование о том, что заставило Савитри родиться на земле, о ее рождении и взрослении, о встрече с возлюбленным, о роковом предначертании, согласно которому через год ему суждено умереть, о жизни с ним в лесной обители, о ее могучей йоге, позволяющей ей обрести силу Духа, способную победить Рок, — вся предыстория этого рокового дня.

Царь Ашвапати — могучий дух, воплощенный в человеке, вождь мировых духовных исканий, совершает великую йогу во имя освобождения человечества. Он раскрывает собственную душу, истинное «я», одухотворяет свое существо и постигает великие тайны мироздания. Достигнув индивидуальной полноты, он проникает в иные сферы бытия и странствует по лестнице проявленных миров, чтобы покорить все ее ступени и открыть человечеству путь к вершинам Духа. Он движется через миры тонкой Материи, низшей и высшей Жизни, низшего и высшего Разума; он восходит в великие светоносные царства и спускается в бездны миров Мрака и Лжи, принося в них высший Свет, чтобы в итоге подняться к мирам высочайшего Знания. Наконец, остановившись на последней границе проявленных миров, перед непостижимой Вечностью, он удостоивается Откровения божественной Матери Мироздания и молит Ее как вестник всего человеческого рода низойти на землю и даровать падшему роду освобождение от Тьмы и Смерти. Мать Мира внимает его молитве и прорекает свое нисхождение и освобождение человечества. Так на земле, как дочь царя Ашвапати, рождается Савитри, спасительница мира, воплощение божественной Матери.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ. КНИГА РОЖДЕНИЯ И ПОИСКА

Песнь первая. Рождение и детство Пламени

Весь ход Времени на земле подготавливает рождение Савитри. Роскошное символическое шествие времен года встречает ее рождение. И вот божественное Дитя приходит в мир. В ней Божественная Мать, «та, что вовек сражалась с тьмой и болью», снова нисходит на землю, чтобы бросить вызов Судьбе и Смерти. Уже в ранние годы в ней проявляется сияние Света, еще неведомого земле: она приносит на землю новое Сознание и Свет, чтобы положить начало новой одухотворенной фазе. Постепенно божественное Дитя вырастает и вступает в пору юности: солнце Божества проясляется в ней с все большей силой. Все ее существо исполнено высших божественных сил и качеств, образующих единое гармоничное целое.

Песнь вторая. Рост Пламени

Савитри, воплощенное Пламя, растет и развивается. Она вбирает в себя все достижения человеческой культуры и превосходит их, превращая их в трамплин для прыжка в Бесконечность. Все больше людей влекутся к ней в стремлении сопричаститься к ее духовной высоте и силе и она, как Воплощение божественной Матери, устанавливает особые отношения со всеми типами существ и всеми разновидностями искателей, от самых одухотворенных до самых эгоистичных и корыстных. Однако никто не может угнаться за ее могучей поступью в движении ввысь. Постепенно Земля узнает о Ней, о своей Спасительнице, и весть о божественной деве разносится среди людей. Но она одинока среди людей — рядом нет никого, кто мог бы сравниться с ней в величии и внутренней высоте, и разделить ее путь и миссию. Так она ожидает своего часа судьбы.

Песнь третья. Призыв к Поиску

На заре судьбоносного дня, которая кажется предвестием Нового Творения, царь Ашвапати внимает Гласу свыше, говорящему о ничтожности нынешней человеческой судьбы и призывающему человека превзойти себя и проявить в себе божество. Охваченный внезапным озарением, он прозревает в своей дочери Савитри великую Душу, пришедшую для осуществления особой божественной Миссии. Движимый наитием свыше, он предрекает ей встречу с суженым, в единстве с которым ей предстоит исполнить свою миссию, и посылает ее на его поиски. С зарей следующего дня Савитри отправляется в путь.

Песнь четвертая. Поиск

Перед Савитри открываются все пути мира. Она движется в своей резной золотой колеснице через разные страны, местности, города, собирая воедино в своем существе опыт своих прежних воплощений в разных народах и объединяясь с культурой и сознанием всего человечества. Ее судьбоносный путь, проделываемый из жизни в жизнь, направляют кармические боги, исполняя волю ее высшего «Я». Она посещает прекрасные дворцы и скромные хижины, проезжает великие города и неприметные села, затем движется по бескрайним просторам природы, минует обители отшельников в заповедных лесах, встречая духовных искателей всех направлений и типов. Проходит месяц за месяцем, но ее судьбоносный поиск продолжается.

КНИГА ПЯТАЯ. КНИГА ЛЮБВИ

Песнь первая. Предуготованное место встречи

И вот перед Савитри, наполняя ее неожиданным предвосхищением судьбоносного события, открывается чудный предгорный край — райский уголок, где царят лето и весна, сладко споря друг с другом, обитель чарующей первозданной природы с прекрасными изумрудными рощами и подобными грезам прохладными ручьями, окруженная могучими утесами-витязями. Тонкая изобильная красота этого места словно олицетворяет ожидающую Савитри любовь, могучие горы по соседству — символ уготованной Савитри великой аскезы, суровые, печально шелестящие лесные просторы — олицетворение предстоящих ей испытаний. Именно здесь Савитри суждено повстречать свою Любовь и свою миссию.

Песнь вторая. Сатьяван

На лесной опушке перед взором Савитри предстает прекрасная фигура юноши, царственная и одухотворенная. Так она впервые видит своего суженого — Сатьявана. Любуясь прекрасным образом, она едва не проезжает мимо в своем стремлении к поиску, но ее душа вдруг прозревает в нем своего избранника и владыку, близкого и родного на протяжении множества жизней. И Сатьяван, приведенный в этот день волею Провидения на опушку леса, узнает в прекрасной деве свою суженую, свою Богиню. Две великие души, посланцы Любви, пришедшие сделать землю ее храмом и обителью, встречаются и обретают друг друга. Даже на земле, несмотря на все низшие искажения, Любовь — это божество, которому подвластно все, и встреча вечных Возлюбленных становится началом их единой работы и рождением новой эры.

Песнь третья. Сатьяван и Савитри

Сатьяван первым обращается к Савитри, желая увериться, не божество ли

она, спустившееся с небес. Узнав, что она царица Мадры, он по ее просьбе рассказывает о себе, о своей непростой судьбе, по воле которой он, сын свергнутого ослепшего царя, живет вместе с родителями в изгнании в обители лесных мудрецов-отшельников. Он говорит о своих духовных исканиях и постижениях и искренне — о том, что узнает в Савитри свою суженую и свою Богиню, которая пришла, чтобы даровать полноту его жизни и духовной реализации. Он молит Савитри низойти на землю с золотой колесницы и войти в его жизнь — ее обитель и храм. Савитри окончательно узнает в нем своего суженого и нисходит в объятия Сатъявана. Вечный Господь и его Супруга вновь обручаются на земле перед пылающим оком свидетеля-солнца. Савитри отправляется в отчий дом, чтобы сообщить родителям о своем выборе и навсегда возвратиться к Сатъявану.

КНИГА ШЕСТАЯ. КНИГА СУДЬБЫ

Песнь первая. Слово судьбы

Божественный мудрец и провидец Нарад, вестник Богов, нисходит на землю с песнью о ее тяготах и борениях и ее грядущем величии и являет себя во дворце царя Ашвапати. В этот момент туда из поисков возвращается и Савитри с радостной вестью о своем избраннике. Она сообщает родителям и Нараду о том, что выбрала себе в мужа Сатъявана, сына ослепшего царя Дьюматсены, изгнанного с престола и живущего в лесу. Нарад отзывается о Сатъяване в самых возвышенных эпитетах, но в своей божественной прозорливости прореклет, что ровно через год в этот самый день Сатъявану суждено умереть. Царица-мать призывает Савитри сделать новый выбор, но та отказывается, твердо говоря о том, что воля ее духа сильнее смерти и судьбы, ибо теперь она знает, кто она такая и кто такой ее возлюбленный и для чего они пришли на землю.

Песнь вторая. Путь судьбы и проблема боли

Царица-мать, охваченная скорбью, говорит Нараду о ничтожности человека и его бессилии перед Судьбой, Предопределенностью и Смертью и в отчаянии вопрошает, к чему нужны все эти бессмысленные вековечные страдания человечества. Нарад в своей божественной мудрости и сострадании дает развернутый ответ о путях Бога в человечестве и о проблеме страдания и боли. Он говорит о том, что за видимым бессмыслием и мучительностью человеческой жизни в человеке и человечестве постепенно возрастает Бог, что боль — это молот богов, которым они выковывают в человеке божество, но подлинная суть всего — блаженство, и, раскрывая свою суть, человек обретает блаженство, неподвластное боли. Он говорит о том, что душа человека сама выбирает этот мир, чтобы получить опыт Неведения, борьбы и самообретения, и что,

проявившись в человеческом существе, его душа может изменить даже его судьбу, ибо Судьба — это воля Духа и эта воля владычит над Судьбой. Он говорит о судьбе Спасителей человечества, которые принимают на себя страдания людей, чтобы исцелить и искупить их и возвысить землю к Свету. Он говорит, что Савитри — одна из созидателей мировой Судьбы, о единстве ее воли с Божьей Волей и о том, что лишь она может спасти себя и весь мир. Он велит предоставить Савитри ее могучей судьбе, совладать с которой может лишь она сама, и, окончив речь, вновь возносится в свою небесную обитель.

КНИГА СЕДЬМАЯ. КНИГА ЙОГИ

Песнь первая. Радость единства; муки предвидения смерти и сердечная боль и печаль

Савитри выходит замуж за Сатьявана. Покинув свой прекрасный дворец, она живет вместе с мужем и его родителями жизнью лесной отшельницы, всем помогая и всех любя. Поначалу весь мир и вся жизнь исполнены для нее блаженства взаимной любви с Сатьяваном и сам Рок словно отступает куда-то. Но с течением времени ее охватывают все большие муки ожидания рокового события. Ни сам Сатьяван, ни его родители ни о чем не знают, и Савитри внешне ничем не выдает своих страданий. Лишь внутри нее разворачивается эта великая драма.

Песнь вторая. Притча о поиске души

Приближается роковой день, и Савитри впадает в отчаяние. Но к ней приходит Глас свыше, из ее высшего «Я». Он призывает ее вспомнить о своей высокой миссии и в покое погрузиться в себя, чтобы познать свою душу, свое истинное «я», и через безмолвие разума и чувств постичь Бога во всем существе, — тогда Его Истина наполнит все существо Савитри и преобразит смертное в божественное, ее глас вместит божественный Глагол и она обретет силу, чтобы победить Смерть. И Савитри начинает поиск своей души. Ей открывается видение того, как в эволюции рождалась личность человека, как его душа, скрываясь за поверхностной личностью, растет и развивается через события и перипетии жизни; ей предстает весь внутренний мир человека с его божествами и демонами, высшими возможностями и низшими проявлениями, а также его высокое предназначение, когда он раскроет свое истинное «я» и достигнет высших высот Духа. Теперь ей предстоит обрести свою душу.

Песнь третья. Вхождение во внутренние страны

Савитри пытается войти в свой внутренний мир, чтобы найти путь к своей душе, но встречает сопротивление и угрозы своры враждебных сил, охраняющих врата во внутреннюю жизнь. Неустрашенная, она все же открывает

заветные двери, и враждебные силы исчезают. Она пролагает путь через свои внутренние пространства — через удушливую теснину подсознания, через хаос физического сознания и чувств; затем на нее обрушивается лавина волн и импульсов низшей Жизни; затем она входит в упорядоченную сверкающую державу всеподчинившего Разума, боги которого считают свое царство высочайшей вершиной внутренних поисков и предлагают Савитри остаться среди них. Однако Савитри не может удовлетвориться этим царством организованного знания о внешнем мире — она идет дальше, к своей душе, ей указывают путь сияющие вестники души — великие мысли, прекрасные мечты и идеалы, чудные богини и боги надежды и стремления. Наконец, она достигает конца вьющейся тропы духовного поиска, где ступали лишь израненные стопы немногих духовных странников, приближаясь к сокровенной обители своей души.

Песнь четвертая. Тройственные Силы Души

Здесь начинается горный склон, уводящий Савитри ввысь. Поднимаясь по нему, она встречает одну за другой три ипостаси своей божественной Души-Матери — Мадонн Сострадания, Силы и Мудрости. Каждая из них, низойдя в земной мир, утратила связь со своей подлинной Душой и друг с другом и поэтому лишилась полноты своей истины и силы. Каждая из Мадонн обращается к Савитри, считая себя ее истинной Душой. При этом вслед за монологом каждой из Мадонн из человеческого мира раздается эхо — голос, выражающий эгоистическое искажение этой божественной ипостаси в низшем мире. Мадонне Сострадания вторит Человек-Страдалец — физическое эго, считающее, что весь мир создан только для того, чтобы мучить человека, и уверенное в его неисправимой низменности и ничтожности. Мадонне Силы вторит эго витальной силы, уверенное, что весь мир создан, чтобы удовлетворять ничтожные желания человека, и что в своей силе и мудрости тот может превзойти самого Бога. Мадонне Света и Мудрости откликается ментальное эго, которое считает, что постигло весь мир и все его тайны, и отрицает существование Бога и тем более возможность для человека достичь божественности. Савитри отвечает каждой из Мадонн, возвращая ей утраченную истину и полноту: Мадонне Сострадания она обещает принести Силу, Мадонне Силы — Мудрость, Мадонне Мудрости — единство с Всевышним.

Песнь пятая. Обретение Души

Наконец, Савитри видит священный холм, где таится мистическая пещера — обитель ее души. Она входит в заветную пещеру сквозь могучие скальные врата, охраняемые двумя золотыми змеями-стражами, и движется по ней все глубже и глубже среди удивительных божеств и необыкновенных символических картин на стенах, запечатляющих все тайное Знание о мире, человеке, богах и вселенной. Она познает, что является Возлюбленной Всевышнего, обретая тождество со всеми Богинями — ипостасями великой Матери.

В последней зале ей предстает восседающая на золотом престоле Сила, ниспославшая ее на землю, и, пройдя сквозь тоннель в последней скале и проникнув в обитель из пламени и света, она встречает свою тайную душу и сливается с нею. Она постигает, что есть наша душа, — бессмертная сущность, частица высшего Духа, низошедшая в мир, чтобы сыграть в божественную Игру с временем и обстоятельствами. Теперь в раскрывшееся сердце Савитри нисходит Сила Матери мироздания, вызывая пробуждение кундалини — змеиной энергии, скрытой в основании позвоночного столба. Кундалини поднимается и раскрывает все тонкие центры-чакры существа Савитри, сливаясь над головой с высшим «Я». Совершается первая реализация Савитри — психическая трансформация. Ее внутреннее существо становится храмом Божества.

Песнь шестая. Нирвана и открытие Всеотрицающего Абсолюта

Савитри приступает ко второму этапу своей Йоги, которую ей открыл Глас ее высшего «Я». Она погружается в медитацию, стремясь достичь безмолвия ума. Созерцая все свои внутренние движения и мысли, она постепенно приходит сначала к их глубокому успокоению, а потом и к полному прекращению: все ее существо и все Пространство заполняет абсолютная неподвижность безмолвного Духа. Весь мир предстает безжизненной игрой пустых образов на фоне единственно реальной блаженной безличной Бесконечности. Савитри обретает реализацию Нирваны, всеотрицающего статического Абсолюта.

Песнь седьмая. Открытие Космического Духа и Космического Сознания

Савитри живет в состоянии Нирваны. Все в ней полностью замерло; внутреннего существа словно бы нет, оно утонуло в неизъяснимой Беграничности, и только непостижимое Нечто, словно механизм, движет ее существо, побуждая его действия и реакции и иногда поражая лесных мудрецов словами Истины, которая говорит через нее как через свой пассивный канал. Наконец, однажды ночью у нее в сердце раздается Глас — и все в ней и вокруг нее меняется: весь мир и все в мире предстает проявлением и обителью живого Божества. Савитри обретает Космическое Сознание. Теперь из ее глаз на мир взирает Вечность, узнавая во всем саму себя.

КНИГА ВОСЬМАЯ. КНИГА СМЕРТИ

«Песнь третья». Смерть в лесу

Сатьяван в сопровождении Савитри отправляется за дровами для жертвенного костра и внезапно теряет сознание и умирает на коленях у Савитри. Появляется исполинский ужасающий Бог Смерти и забирает душу Сатьявана.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

КНИГА ДЕВЯТАЯ. КНИГА ВЕЧНОЙ НОЧИ

Песнь первая. К черной Пустоте

Песнь вторая. Странствие в вечной Ночи и глас Мрака

КНИГА ДЕСЯТАЯ. КНИГА ДВОЙСТВЕННОГО СУМРАКА

Песнь первая. Сумерки грез Идеала

Песнь вторая. Евангелие Смерти и тщета Идеала

Песнь третья. Спор Любви и Смерти

Песнь четвертая. Сумерки грез земной реальности

КНИГА ОДИННАДЦАТАЯ. КНИГА НЕМЕРКНУЩЕГО ДНЯ

Песнь первая. Вечный День: выбор Души и высшее Осуществление

КНИГА ДВЕНАДЦАТАЯ. ЭПИЛОГ

Возвращение на Землю

Краткое содержание Части третьей

Савитри, осененная силой открывшихся ей духовных истин, бесстрашно следует за Богом Смерти в его царство Мрака и вступает с ним в противоборство. Бог Смерти пытается всеми возможными способами — угрозами, угрозами, доводами, посулами — заставить Савитри отказаться от своей миссии; устранный ее светом и стойкостью, он наделяет ее великими дарами в земной жизни (в том числе дарует зрение и возвращает царство отцу Сатьявана), надеясь таким образом «откупиться» от нее; он доказывает ей несостоятельность ее усилий по возвращению Сатьявана с самых разных точек зрения — с позиций здравого смысла и обыденного взгляда на вещи, с позиций материализма и нигилизма, с позиций агностицизма и иллюзионизма, — всеми способами пытаясь подчинить ее истине и логике Смерти, по правилам которой мы живем ныне. Но на все его смертоносные доводы Савитри отвечает более высокой Истиной — Истиной Духа, Истиной Бога, Истиной бессмертной и всемогущей божественной Любви, которая пылает в ее сердце. В итоге в ней проявляется ее подлинная Суть — сама Божественная Мать — и Она растворяет Бога Смерти и мрак его царства в океане своего Света и Истины.

Теперь Савитри и Сатьяван оказываются в высочайших запредельных мирах Света и Блаженства и предстают пред ликом Всевышнего, сбросившего маску Мрака и Смерти. Савитри ждет новый выбор. Всевышний предлагает ей не возвращаться в исполненный мук и борений подзвездный мир, а остаться вместе со своим возлюбленным в высочайших беспечальных мирах, раствориться в своем беспредельном Источнике, пребывать в вечном Блаженстве. Но Савитри вновь делает выбор во имя человечества: она просит у Всевышнего даровать страждущему роду освобождение от Тьмы, Страдания и Смерти, ниспослать людям Его божественный Мир и Покой, Его могущество, Единство счастливых душ в объятиях Его радости и любви. Наконец, Всевышний откликается на мольбу Савитри и прорекает человечеству освобождение и осуществление всего, о чем просит Савитри. Он посылает ее и Сатьявана в земной мир как своих вестников, свою Силу и Дух, дабы они преобразили жизнь на земле в Жизнь Божественную.

Влюбленные под ликование всех миров возвращаются на землю, неся ей победный Свет, Истину и Любовь. Они вновь оказываются на лесной поляне, где развернулись роковые события. Сатьяван пробуждается на коленях у склонившейся над ним Савитри. Новый мир и новая жизнь раскрываются перед ними. Их встречает прозревший отец Сатьявана, вновь призванный на царство своим народом — так божественный Разум, которого символизирует Дьюматсена, в результате победы Савитри вновь обретает свое божественное Видение, а значит, и свое светоносное Владычество. На царственной белокопной упряжке в сопровождении великой процессии Савитри и Сатьяван движутся навстречу радостно ожидающему их спасенному миру.

ГЛОССАРИЙ

Ашока — («беспечальная») вечнозеленое дерево, цветет оранжевыми или красными соцветиями. Индусы и буддисты считают ашоку священным деревом. В частности, согласно верованиям последних, Будда родился под ашокой. Для индусов же это дерево связано с жизнью Ситы, жены Рамы. Цветок ашоки ассоциируется с одной из пяти любовных стрел Кришны. Согласно Матери, духовное значение цветов ашоки — беспечальное состояние.

Джапа — повторение мантры или Божественного имени.

Дриады — в греческой мифологии нимфы, покровительницы деревьев (нимфы считались в древней Греции божествами природы, ее живительных и плодоносных сил); некоторые из них бессмертны, некоторые (гамадриады) полностью связаны в своем существовании с деревом и рождаются и погибают вместе с ним.

Каданс — (фр. cadence) танцевальный или поэтический ритм.

Коил — индийская кукушка, традиционный символ весны и любви, аналог нашего соловья.

Литания — (греч. *litaneia* — «моление») в латинском обряде разновидность молитвы, в которой различные призывания Бога и святых дополняются повторяющимися прошениями (в византийском обряде родственной формой молитвы является ектения). Многочисленные литании широко используются в богослужении и индивидуальной молитвенной практике у католиков, англикан, лютеран и некоторых других западных христиан. С 17 в. особой известностью пользуется Литания Пресвятой Богородице. В ряде стран сложился обычай в мае ежедневно совершать службу прославления Девы Марии с включением в нее Литании Пресвятой Богородице.

Манго — вечнозеленое дерево с куполообразной кроной, обильно цветущее розовыми соцветиями. В Индии цветы манго часто используются в религиозных церемониях. Цветок манго считается одной из пяти любовных стрел Кришны. Согласно Матери, духовное значение цветов манго — надежда Природы на реализацию, обретение Божественного.

Мантра — священный слог, имя или мистическое изречение; ритмическое выражение, вдохновенное интуитивным прозрением; стихи древнеиндийских священных писаний Вед; стихи, наполненные силой, имеющей не обычный, а божественный источник вдохновения.

Менады — (гр. — «безумствующие») вакханки, бассариды; в греческой мифологии — экстатически неистовые спутницы-поклонницы Диониса (Бахуса, Вакха), бога плодоносящих сил земли, растительности, виноградарства, виноделия, который также славится как «освободитель»: он освобождает людей от мирских забот, снимает с них путы размерянного быта, рвет оковы, которыми пытаются опутать его враги, и сокрушает стены.

Пронунциаменто (исп. pronunciamiento — букв. «провозглашение») — в Испании и Латинской Америке призыв к восстанию, государственному перевороту; также — военный переворот, мятеж.

Садхана — практика йоги, в ходе которой достигается совершенство, сиддхи; садхак — йогин, который следуя этой практике, стремится к овладению сиддхи.

БИБЛИОГРАФИЯ

Список использованных изданий

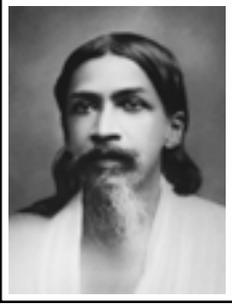
- Жизнь Божественная. — Шри Ауробиндо. Юбил. собр. соч., т. 18—19. — Пондичерри: Ашрам Шри Ауробиндо, 1972.
- Письма о Йоге. — Шри Ауробиндо. Юбил. собр. соч., т. 22—24. — Пондичерри: Ашрам Шри Ауробиндо, 1972.
- Поэзия будущего. — Шри Ауробиндо. Полн. собр. соч., т. 26. — Пондичерри: Ашрам Шри Ауробиндо, 1997.
- Савитри. — Шри Ауробиндо. Полн. собр. соч., т. 33-34. — Пондичерри: Ашрам Шри Ауробиндо, 1997.
- Супраментальное проявление на земле. — Шри Ауробиндо. Юбил. собр. соч., т. 16. — Пондичерри: Ашрам Шри Ауробиндо, 1972.
- Упанишады — Шри Ауробиндо. Юбил. собр. соч., т. 12. — Пондичерри: Ашрам Шри Ауробиндо, 1972.
- Час Бога — Шри Ауробиндо. Час Бога. Йога и ее цели. Мать. Мысли и озарения. — Л.: Савитри, 1991.
- Глоссарий терминов Шри Ауробиндо. — Пондичерри: Ашрам Шри Ауробиндо, 1994.
- Мать. Юбил. собр. соч. — Пондичерри: Ашрам Шри Ауробиндо, 1978.
- Мать. Агенда. — Агенда Матери. Хроника супраментального воздействия на землю. — Париж: Институт эволюционных исследований.
- Мать — образы жизни. — Пондичерри: Ашрам Шри Ауробиндо, 2003.
- Амаль Киран. Свет и смех. — Амаль Киран и Ниродбаран. Свет и смех. Беседы. — Пондичерри: Ашрам Шри Ауробиндо, 1972.
- Дилип Кумар Рой. Шри Ауробиндо пришел ко мне. — Пондичерри, Всеиндийские книги, 1952.
- Айенгар, О Матери. — К. Р. Шриниваса Айенгар. О Матери. Хроника проявления и водительства. — Пондичерри: Ашрам Шри Ауробиндо, 1994.
- Дж. ван Фрекем. За пределы человека. — СПб: Адити, 1999.
- М. Шаркар. Гармонии Света. — Матушка. Гармонии Света. — Записи Моны Шаркара. — Пондичерри: Ашрам Шри Ауробиндо, 2000.

Библиография изданий, посвященных «Савитри»

- A Dual Power of God—Sri Aurobindo's SATYAVAN And SAVITRI.*—A Brief Study by Sitaramayya Swarna Gouri, 1999.
- A Study of Savitri.* — Prema Nandakumar, 1962.
- About Savitri.* — Huta, 1972.
- An Approach to Sri Aurobindo's Savitri.* — Rakhil Bose.

- Dawn to Greater Dawn.* — Six Lectures on Sri Aurobindo's Savitri. — K.R. Srinivasa Iyengar, 1975.
- Dialogue with Death.* — *Sri Aurobindo's Savitri, A Mystical Approach.* — Rohit Mehta, 1972.
- Eternity in Words.* — *Sri Aurobindo's Savitri.* — Rameshwar Gupta, 1969.
- GUIDE to Sri Aurobindo's Epic SAVITRI.* — Compiled by Garry Jacobs, 1973.
- Introducing Savitri.* — M. P. Pandit, 1982.
- Invocation.* — Study Notes and Newsletter. — Savitri Bhavan. — Issues.
- Lectures on Savitri.* — A. B. Purani, 1967.
- Log of a Journey Through Sri Aurobindo's Savitri.* — William Netter, 1999.
- On the New Edition of Savitri.* — Sri Aurobindo Ashram, Pondicherry.
- On the New Edition of Savitri.* — Further Explanations (Part Two).
- Perspectives of Savitri.* — Vol. 1—2. — Editor R.Y. Deshpande.
- Readings in Savitri.* — Vol. 1—10. — M. P. Pandit.
- Satyavan Must Die.* — R.Y. Deshpande, 1996.
- SAVITRI.* — by Sri Aurobindo. — 1954 edition. — Sri Aurobindo Ashram.
- SAVITRI.* — by Sri Aurobindo. — Sri Aurobindo Birth Centenary Library Edition (in Two Volumes) 1970. — Sri Aurobindo Ashram.
- SAVITRI.* — by Sri Aurobindo. — Revised Edition 1993. — Sri Aurobindo Ashram.
- SAVITRI.* — by Sri Aurobindo. — numbered edition. — Sri Aurobindo Ashram Trust, 2000.
- SAVITRI.* — A Brief Introduction (Four Talks) Mangesh Nadkarni, 1984.
- Savitri — An Aurovilian Commentary.* — William Netter, 1993.
- Savitri — Epic of the Eternal.* — V. Madhusudan Reddy, 1984.
- Savitri — Seminar Outline and Workbook.* — William Netter.
- Savitri — Talks in Germany.* — M. P. Pandit, 1987.
- SAVITRI: A SURVEY.* — Service Letter (48). — M. P. Pandit, 1996.
- SAVITRI: Woman of the Future.* — A concert Reading adapted from Sri Aurobindo's Epic Poem : A LEGEND AND A SYMBOL. — Dramatic Adaptation by Seyril Schochen.
- Sri Aurobindo's Savitri — An Approach and A Study.* — A. B. Purani, 1956.
- Sri Aurobindo's — A Study of SAVITRI & Other SELECT POEMS.* — Dr. A. N. Dwivedi, 1977.
- Supplement to the Revised Edition of Savitri.* — Sri Aurobindo Ashram, Pondicherry, 1994.
- The Ancient Tale of Savitri.* — R. Y. Deshpande.
- The Book of Beginnings — Talks on Sri Aurobindo's Savitri — Book One.* — M. P. Pandit, 1983.
- The Book of the Divine Mother.* — M. P. Pandit, 1986.
- The Composition of SAVITRI.* — Paper — Richard Hartz, 1998.
- Vyasa's Savitri.* — R. Y. Deshpande, 1996.
- Yoga in SAVITRI.* — M. P. Pandit, 1976.

ШРИ АУРОБИНДО

биографическая справка

Шри Ауробиндо (Ауробиндо Гхош) — выдающийся политический и общественный деятель Индии, великий духовный первопроходец, мыслитель, поэт-провидец — родился в Калькутте 15 августа 1872 г. в семье врача. С семилетнего возраста обучался в Англии; окончил Королевский колледж в Кембридже, специализируясь в изучении классической и современной западной литературы. В возрасте 21 года возвращается в Индию. В течение последующих 13 лет занимает различные посты в администрации г. Бароды, преподает английскую и французскую литературу в местном университете, а в 1906 г. переезжает в Калькутту, где становится ректором Национального колледжа. В эти же годы он включается в активную политическую борьбу за независимость Индии и становится одним из лидеров национально-освободительного движения. Одновременно он погружается в изучение культурного и духовного наследия Индии. В 1904 г. он решает ступить на путь йоги, стремясь использовать духовную силу для освобождения своей родины.

В 1908 г. Шри Ауробиндо был арестован по подозрению в организации покушения на одного из чиновников британского колониального правительства и оказался в тюрьме с обвинением, грозившим ему смертной казнью, однако по окончании следствия, длившегося целый год, был полностью оправдан и освобожден. Во время заключения он получил интенсивный духовный опыт — внутренние переживания и откровения, изменившие дальнейший ход его судьбы.

В 1910 г., повинаясь внутреннему голосу, он оставляет «внешнюю» революционную работу и удаляется в Пондичерри, французскую колонию на юге Индии, чтобы продолжать интенсивную практику йоги. На собственном опыте реализовав высшие духовные достижения прошлого, Шри Ауробиндо смог превзойти их и осознал, что окончательной и закономерной целью духовных поисков является полная трансформация человека, вплоть до физического уровня, и воплощение на земле жизни божественной. Достижению этой цели он посвятил оставшиеся сорок лет жизни.

Шри Ауробиндо оставил физическое тело 5 декабря 1950 г. Его литературное наследие насчитывает более 30 томов, среди которых мировоззренческие труды, обширная переписка с учениками, множество стихов, пьес и грандиозная эпическая поэма «Савитри», которая явилась действенным воплощением его многогранного духовного опыта.

МАТЬ

биографическая справка

МАТЬ (Мирра Альфасса) — чрезвычайно глубокая и многосторонне одаренная личность, художник, литератор, педагог, талантливый организатор, духовный первопроходец и водитель, словно проводит мост между глобальным видением и учением Шри Ауробиндо и повседневной жизнью. Она родилась в Париже 21 февраля 1878 г. Ее отец был банкиром, выходцем из Турции, а мать принадлежала к египетской королевской семье. Начальное образование Мирра получила дома, а затем в парижской Школе Искусств; она прекрасно рисовала, играла на фортепиано и делала успехи на литературном поприще.

Уже в детстве Мирра получила ряд духовных опытов, которые, как она позднее говорила, заставили ее «осознать возможность единения человека с Всевышним и всесторонней реализации Его в жизни божественной».

В 1906—1907 г. Мирра предприняла две длительные поездки в Алжир, где изучала оккультизм. Постепенно вокруг нее сформировалась группа духовных искателей. В 1914 г. Мирра отправляется в Индию, где в Пондичерри встречает Шри Ауробиндо, узнав в нем того, кто многие годы на тонком плане направлял ее внутреннее развитие. Она пробыла рядом с ним около года и затем вернулась в Париж. Проведя несколько лет в Японии, в 1920 г. она приехала в Пондичерри насовсем.

Постепенно вокруг Шри Ауробиндо и Мирры собралась небольшая группа учеников, ставшая в 1926 г. Ашрамом Шри Ауробиндо. Сам Шри Ауробиндо и вслед за ним ученики называли Мирру «Матерью», признавая в ней воплощение принципа божественного материнства, и она стала настоящей духовной Матерью для искателей, устремившихся со всех концов мира в Пондичерри. Почти полвека, вплоть до своего физического ухода 17 ноября 1973 г., Мать руководила Ашрамом и за это время он вырос в огромную общину, насчитывающую около 2000 членов. В 1951 г. Мать создала школу, которая затем превратилась в Международный образовательный центр. В 1968 г. она основала Ауровиль, международный город, расположенный недалеко от Пондичерри и насчитывающий сегодня около 1800 жителей — представителей всех народов земли, стремящихся воплотить мечту Шри Ауробиндо о едином человечестве.

После ухода Шри Ауробиндо Мать продолжила его Супраментальную Йогу. Ей удалось освоить, воплотить и описать неизвестные человечеству высочайшие уровни сознания. Ее литературное наследие насчитывает более 30 томов.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к серии	3
О материалах, представленных в серии	34
Композиция книги	46
О «Савитри»	47
Поэтическое переложение	49
Прозаическое переложение	75
Сводные материалы	89
Комментарий	124
Краткое содержание «Савитри»	171
Глоссарий	181
Библиография	183
Краткая биография Шри Ауробиндо и Матери	186

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Фонд интегрального развития человека «САВИТРИ»

создан с целью содействия всем формам деятельности, способствующим росту человеческого сознания, интегральному развитию личности и объединению человечества на основе принципов сознательного эволюционного развития. Фонд занимается деятельностью, связанной с организацией и координацией образовательных, ознакомительных, культурных и просветительных программ, направленных на самосовершенствование и всестороннее развитие личности. Приоритетной задачей Фонда является разработка и осуществление программ, связанных с изучением и освещением наследия основоположников Интегральной Йоги Шри Ауробиндо и Матери. Приглашаем к сотрудничеству всех, кто заинтересован в деятельности, осуществляемой и поддерживаемой Фондом.

Также приглашаем принять участие во Всероссийской АУРОКОНФЕРЕНЦИИ (ВАК) — неформальной ассоциации интересующихся идеалами Шри Ауробиндо и Матери. Задача ВАК — налаживание общения и взаимодействия между всеми заинтересованными людьми в России, а также ближнем и дальнем зарубежье. В настоящее время создан интернет-сайт www.auroconf.ru, действуют емэйл и он-лайн форумы, организуются ежегодные встречи в день рождения Шри Ауробиндо 15 августа.

Если вы хотите получить более подробную информацию, установить контакт с нами, заказать наши книги и товары, обращайтесь по нижеуказанным адресам и телефонам.

Просим всех, кто мог бы оказать помощь в издании и распространении публикуемых нами книг, присылать нам предложения о сотрудничестве.

Мы будем благодарны
за спонсорскую помощь в публикации серии.

Адрес для писем:

115184 г. Москва, 1-й Новокузнецкий пер., д. 11, кв. 3

т/ф (095) 198-94-40 info@savitri.ru

www.savitri.ru www.auroconf.ru

Оптовые поставки: т/ф (095) 151-09-71

Книга-почтой: 129323 г. Москва, а/я 1

real-ganga@mail.ru

Приглашаем спонсоров и распространителей литературы для сотрудничества в издании и реализации книг Шри Ауробиндо.

ШРИ АУРОБИНДО

САВИТРИ. Легенда и Символ.

Книга IV. Книга Рождения и Поиска. Песнь 1. Рождение Пламени.
Поэтическое и прозаическое переложение Д. В. Мельгунова. — М:
Савитри, 2005. — 192 с.

Представляем вашему вниманию впервые на русском языке избранные Песни эпической поэмы «Савитри» — главного произведения видного общественного деятеля Индии, духовного первопроходца, мыслителя, поэта-пророка Шри Ауробиндо. Поэма основана на древней индийской легенде о преданной жене царевне Савитри, которая силой своей любви и праведности побеждает смерть и возвращает к жизни своего мужа царевича Сатьявана. Грандиозный эпос Шри Ауробиндо является наиболее полным и совершенным выражением его уникального мировоззрения и духовного опыта, и кроме того — самым большим поэтическим произведением на английском языке. Мы надеемся, что всем читателям будет интересно познакомиться с этой поэмой, принадлежащей к числу наиболее выдающихся произведений человечества. Публикуемая Песнь посвящена рождению и детству Савитри.

Компьютерная верстка: *А. И. Клементьев*

Корректор: *А. В. Попова*

Фонд интегрального развития человека
«САВИТРИ»

Адрес для писем:

115184 г. Москва, 1-й Новокузнецкий пер., д. 11, кв. 3
т/ф (095) 198-94-40 info@savitri.ru www.savitri.ru

ООО «Издательство «КЛЮЧ»

115211 Москва, ул. Борисовские пруды, д. 12.

Оптовые поставки:

т/ф (095) 151-09-71, e-mail: real-ganga@mail.ru

Приглашаем спонсоров и распространителей литературы для сотрудничества в издании и реализации книг Шри Ауробиндо.

Подписано в печать 01/11/2005.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Формат 60x88/16.

Печ. л. 12. Тираж 3000 экз.

Отпечатано в типографии

ГУП МО «Воскресенская типография».

140200 г. Воскресенск Московской области,
ул. Вокзальная, д. 30.

ISBN 5-98865-008-2

9 785988 650089

— *Песни Савитри* —

*В тот звездный судьбоносный час богов
В ответ земному стону о блаженстве
Родилось наших вышних стран величье.
Безмолвие средь гомона мирского
Всевластно изрекло Глагол заветный,
Могучий ток прихлынул в косный прах:
Явился горний светоч, дивный образ ...
Та, что вовек сражалась с тьмой и болью,
Вернулась вновь из высей неземных
И вновь взвалила бремя смертной жизни,
Возобновив божественный свой труд:
Бессмертная, пройдя сквозь бездны лет,
Она пришла в своей любви безмерной
Вновь бросить вызов Времени и Смерти.*

САВИТРИ